

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СТРАН СОВРЕМЕННОГО
БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО
ВОСТОКА

(ИРАН, ПАКИСТАН, ТУРЦИЯ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981

33М25
П 78

Ответственный редактор
Ю. В. ГАНКОВСКИЙ

В книге рассматриваются социальные и экономические проблемы стран Ближнего и Среднего Востока (Иран, Пакистан, Турция). Большое внимание уделено современному политическому развитию этих стран и особенностям их эволюции.

П 11104-204 58-81. 0803000000
013(02)-81

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1981.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение особенностей и результатов социально-экономической и политической эволюции ряда стран Ближнего и Среднего Востока (Иран, Пакистан, Турция) за последние три десятилетия наглядно демонстрирует универсальность и непреложность действия закона неравномерности экономического и политического развития как безусловного закона капитализма не только в индустриально развитых зонах современного капиталистического мира, но и на его периферии.

В 1950—1976 гг. валовой внутренний продукт (ВВП) трех стран региона Ближнего и Среднего Востока характеризовался следующими показателями (млрд. долл., по официальным валютным курсам 1970 г.):

	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1976 г.
Иран	3,40	5,35	11,12	20,30
Пакистан	4,73	6,00	10,59	12,80
Турция	4,62	7,26	12,61	19,62

Иными словами, Иран, который в 1950 г. занимал в регионе среди трех рассматриваемых стран последнее место по размерам ВВП, через четверть века вышел на первое. Пакистан же с первого места переместился на третье.

Наглядное представление о происшедших сдвигах можно получить и при сравнении ВВП стран региона в расчете на душу населения (долл., по официальным валютным курсам 1970 г.):

	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1976 г.
Иран	200	250	390	600
Пакистан	105	130	175	175
Турция	220	265	360	475

Таким образом, за четверть века ВВП в расчете на душу населения в Иране вырос на 200%, в Пакистане — на 66 и в Турции — на 116%¹.

Безусловно, принятый нами показатель (размер ВВП) дает лишь самое общее представление о неравномерности, а также о

динамике и уровне развития стран региона. Однако даже этот показатель не оставляет сомнений в том, что страны Ближнего и Среднего Востока развивались неравномерно и что разрыв в уровнях их экономического развития за последние три десятилетия не сокращался, а увеличивался. История развития Ирана, Пакистана и Турции — убедительное доказательство справедливости положения, которое было высказано В. И. Лениным еще в августе 1915 г.: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма»².

Комплексный анализ социально-экономической и политической эволюции стран региона в новейшее время, проведенный советскими и прогрессивными зарубежными социологами, экономистами и политологами (с учетом следующих показателей: степень развития капиталистических производственных отношений в каждой из них; величина и характер использования ВВП; соотношение объемов продукции основных отраслей народного хозяйства; уровень развития социальной и производственной инфраструктуры; соотношение различных социально-экономических укладов; характер сдвигов в социальной структуре общества) убедительно свидетельствует, что Иран, Пакистан и Турция за минувшие три десятилетия сравнительно быстро продвигались по пути капиталистической трансформации отсталой многоукладной экономики с большим удельным весом традиционных (докапиталистических) структур³.

Однако, несмотря на относительно высокие темпы развития капитализма в этих странах (которые, впрочем, характерны и для многих других развивающихся государств Востока) и связанные с этим структурные сдвиги в их экономике, рост промышленного и сельскохозяйственного производства, не вызывает сомнения, что ни одна из рассматриваемых стран региона не сумела решить главные задачи независимого развития: создать в пределах своих государственных границ социально-экономические системы, которые обеспечили бы расширенное воспроизводство в основном (по преимуществу) на национальной основе, и на этой базе преодолеть неуклонно увеличивающийся разрыв в уровнях экономического развития с ведущими капиталистическими странами (или хотя бы подготовить условия для такого преодоления в обозримом будущем). Более того, имеющиеся материалы убедительно свидетельствуют, что развитие на путях капитализма, не решив многих проблем, унаследованных от прошлого, породило в Иране, Пакистане и Турции целый комплекс новых, чрезвычайно сложных и трудных социально-экономических и политических противоречий и проблем.

Несмотря на отмеченные выше сдвиги в экономическом развитии в странах региона не только остались нерешенными, но и приобрели еще более острые формы такие проблемы, как безработица (особенно среди молодежи) и неполная занятость значительной части трудоспособного населения; инфляция и свя-

занный с нею рост цен на товары первой необходимости; жилищная проблема; неграмотность и нищета трудового люда. Поскольку практически все выгоды от экономического роста доставались ничтожной по численности верхушке имущих классов, усилились социально-экономическое неравенство и дифференциация. Возросла также неравномерность в уровне развития между отдельными районами внутри каждой из стран Ближнего и Среднего Востока (например, между провинциями Пенджаб и Белуджистан в Пакистане, или между Центральным останом и национальными окраинами — останах Систан и Белуджистан, Курдистан в Иране, или, наконец, между западными и восточными илами в Турции). При этом, поскольку территории этих районов часто совпадают с этническими территориями населения страны Ближнего и Среднего Востока народов, то, как свидетельствуют факты, усиление неравномерности в их развитии ведет к нагнетанию межнациональной напряженности и обострению национального вопроса в государствах региона⁴.

Оптимальному решению названных выше проблем мешал ряд объективных и субъективных факторов (например, низкий уровень развития производительных сил; социальная природа стоявших у власти в государствах региона режимов, отражавших в своей политике, как правило, эгоистические интересы верхушечных слоев имущих классов; непроизводительное использование значительной части внутренних накоплений и внешней помощи; отсутствие или нехватка квалифицированных технических и научных кадров; серьезные ошибки и просчеты в экономическом планировании и некоторые другие). Их преодолению мешало также негативное влияние ряда внешних факторов. Среди них следует назвать: вмешательство империалистических держав и транснациональных корпораций во внутренние дела стран региона; поддержка ими правых и крайне правых тенденций в их социальном и политическом развитии, а также во внешней политике; неравноправное положение и дискриминация государств Ближнего и Среднего Востока в сфере внешнеэкономических отношений с империалистическими странами (явившиеся объективной основой их участия в борьбе за установление нового экономического порядка); периодические спады производства в развитых капиталистических странах, валютный, сырьевой и энергетический кризисы 70-х годов (последний резко обострил экономические трудности в Пакистане и Турции).

Оценивая роль внешних факторов, следует исходить из известного положения В. И. Ленина: «Финансовый капитал и тресты не ослабляют, а усиливают различия между быстротой роста разных частей всемирного хозяйства»⁵.

Негативное влияние названных внешних факторов усилила происходящая в современном мире научно-техническая революция, содействующая возрастанию разрыва в уровнях экономического и технологического развития между империалистически-

ми державами и странами Ближнего и Среднего Востока (что объективно обрекало их на дальнейшее пребывание в периферийной зоне мирового капиталистического хозяйства в качестве объекта империалистического гнета, эксплуатации и грабежа).

Следует отметить, что зависимость от развитых капиталистических держав мешала и мешает государствам Ближнего и Среднего Востока в полной мере использовать опыт и содействие Советского Союза и других стран социалистического содружества в решении неотложных и трудных задач социального, экономического и культурного развития.

Нерешенность основных социальных и экономических проблем вела к нагнетанию политической напряженности в странах региона, росту демократических движений рабочего класса, интеллигенции и других отрядов трудящихся, молодежного и женского движения. Борьба эта постепенно приобретала все более широкий, массовый характер, наполнялась антикапиталистическим и антиимпериалистическим содержанием, втягивала в свою орбиту новые и новые миллионы людей. Свидетельством тому является вся бурная история Ирана, Пакистана и Турции за последние десятилетия, антимонархическая революция в Иране, кризис политики империалистического диктатора⁶.

Предлагаемая вниманию читателей коллективная работа, выполненная группой сотрудников отдела Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения АН СССР, посвящена исследованию особенностей проявления (действия) закона неравномерности развития капитализма на конкретном материале новейшей социально-экономической и политической истории стран этого региона — Ирана, Пакистана и Турции. Каждая страноведческая глава состоит из четырех разделов. В первом разделе рассмотрены особенности экономического развития страны за последние три десятилетия, его противоречия, трудности и результаты; во втором — анализируется социальная структура общества и сдвиги, которые она претерпевала в ходе капиталистической эволюции данной страны; в третьем разделе характеризуется расстановка политических сил и действовавшие в стране в рассматриваемый период основные политические партии и общественные организации; в четвертом — исследованы главные особенности международного положения этой страны и влияние внешних факторов на протекавшие в нем процессы.

Марксизм ставит все вопросы развития общества, указывая В. И. Ленин, на «историческую почву, не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению...»⁷. Поэтому хотелось бы надеяться, что рассмотрение специфики проявления и особенностей действия закона неравномерности развития капитализма на конкретном материале ряда стран Востока будет полезным для выявления перспектив их дальнейшей социальной эволюции.

И Р А Н

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

До конца 40-х годов XX в. экономика Ирана носила глубокий отпечаток многолетней эксплуатации системой международного капиталистического разделения труда.

Сельское хозяйство, будучи главной производительной отраслью, обеспечивало подавляющую часть валового выпуска продукции и сосредоточивало основную массу занятого населения¹. Более половины обрабатываемого земельного фонда страны находилось в собственности помещиков (1% сельских семей), а свыше 60% сельских семей вообще не имело земли². Производство осуществлялось по преимуществу на основе издольной аренды полуфеодалного типа, технический уровень его был крайне низок, и практически все виды сельскохозяйственных работ велись вручную. Слабое развитие производительных сил в этой отрасли обуславливало невысокую урожайность главных зерновых культур страны — пшеницы и риса. Экстенсивный характер носило и животноводство, где преобладало кочевое скотоводство, практиковавшееся различными племенами³.

Промышленность была представлена отраслями II подразделения (в основном текстильная и пищевая), имела совершенно незначительную энергетическую базу и не обеспечивала внутренних потребностей страны⁴. Кроме того, размещение промышленности отличалось высокой территориальной концентрацией, что при зачаточном состоянии инфраструктуры сужало емкость внутреннего рынка и территориально разобщало его. Роль основного опосредствующего звена в потреблении конечного продукта играл внешний рынок, в результате чего воспроизводственный процесс в стране практически был лишен национальной основы.

Таким образом, объективные потребности развития производительных сил страны выдвигали в качестве актуальной задачи ликвидацию феодальных и полуфеодалных отношений в деревне и создание в промышленности такой отраслевой структуры, которая бы существенно увеличила и укрепила национальную основу расширенного воспроизводства. Решение этой задачи, по

масштабам и характеру означавшее ломку колониальной структуры экономики и преодоление страной экономической отсталости, естественно, требовало длительного времени, а главное — определенного подхода к ее осуществлению, а именно антиимпериалистического, антифеодалного и антикомпрадорского. Формирование такого подхода и его реализация — следствие столкновения и противоборства экономических и политических интересов различных классов, классовых группировок и социальных слоев иранского общества, что нашло концентрированное выражение в государственной экономической политике.

Сосредоточение политической власти в руках феодально-компрадорских кругов и противодействие империализма в течение длительного времени лишали Иран возможности поставить задачу преодоления экономической отсталости на практическую почву.

Первый план развития Ирана (23 сентября 1948 — 22 сентября 1955), разработанный при участии американских инженерно-консультативных фирм, носил явно неокOLONиалистский характер. Полностью игнорируя необходимость социальных преобразований в иранском обществе, и прежде всего проблему ликвидации отсталых социальных отношений в деревне, план предусматривал только процесс хозяйственного роста с технико-экономической точки зрения. Не предусматривалось никаких структурных сдвигов в отраслевой структуре экономики, и основной объем ассигнований направлялся на развитие сельского хозяйства и дорожной сети. Будучи в большой степени реакцией на обострение в стране социально-экономических проблем, первый план, тем не менее не обеспечивал соответствующих путей их решения. Не случайно поэтому, что в период его реализации в стране развернулось (1951—1953) движение за национализацию нефтяной промышленности. Стремясь воспрепятствовать проведению в жизнь этого важного для Ирана мероприятия, Англо-иранская нефтяная компания (АИНК) прекратила выплату концессионных платежей, что лишило первый план финансовой базы, и его реализация прекратилась. В результате за весь срок действия этот план по финансовым показателям был выполнен менее чем на 20%⁵.

Второй план (23 сентября 1955 — 22 сентября 1962) по своим целям и задачам практически не отличался от первого: свыше 40% общей суммы его ассигнований предназначалось на развитие транспорта и связи, около 30% — сельского хозяйства и немногим более 11% — промышленности⁶. В качестве основного источника финансирования программ второго плана предполагалось использовать доходы от нефти. Правда, хотя после организации Иранской национальной нефтяной компании (ИННК) и подписания соглашения с международными корпорациями о разделе прибылей (1954 г.) возможности иранского государства финансировать экономическое развитие заметно

возросли, это не избавило страну от необходимости использования иностранных займов. Так, из общей суммы иностранных кредитов, полученных Ираном в 1954—1962 гг., около 80% приходилось на Плановую организацию⁷, т. е. непосредственно шло в бюджет плана.

Обобщенные итоги выполнения двух семилетних планов позволяют судить о состоянии иранской экономики накануне вступления ее в качественно новый этап развития — этап довольно глубокого преобразования ее общественной и отраслевой структуры.

Прирост валового продукта сельскохозяйственной отрасли к началу 60-х годов был ниже естественного прироста населения, равного 2,5%⁸. Землевладение и землепользование к этому периоду не претерпели существенных изменений. Правда, с начала 50-х годов государство приступило к продаже крестьянам в рассрочку шахских земель и земель «халесе». Но это мероприятие было незначительным по своим масштабам (на начало 60-х годов среди 50 тыс. крестьянских семей было распределено около 260 тыс. га такого рода земель⁹) и скорее преследовало проагандистскую цель, которая не встретила никакой поддержки у крупных земельных собственников и ханов племен. Недовольство крестьян существовавшими аграрными порядками угрожало перерасти в открытые формы борьбы за их изменение. Одновременно формировался дифференцированный подход к решению аграрного вопроса и внутри господствующих классов.

Заметные сдвиги произошли в развитии промышленности. Используя государственные кредиты, частный капитал стал занимать господствующее положение в текстильной, пищевкусовой и цементной отраслях. В обрабатывающей промышленности стало расти количество крупных предприятий с числом занятых более 10 человек. В 1962/63 г. их насчитывалось уже 2,8 тыс. (150 тыс. занятых из 1 млн. общего числа рабочих в обрабатывающей промышленности страны)¹⁰. Правда, в целом для обрабатывающей промышленности оставались характерными низшие формы производства полукустарного и кустарного типа, а предприятий, использовавших механические или электрические двигатели, насчитывалось всего 10 тыс. и на них было занято немногим более 130 тыс. человек. В мощную государственную монополию превратилась к 60-м годам ИННК, которая начала осуществление довольно широкой программы по снабжению внутреннего рынка нефтепродуктами. Интенсификации деятельности внутреннего рынка способствовало также расширение дорожной сети и почти двукратное увеличение автомобильного парка в стране.

Однако в целом второй семилетний план оказался не в состоянии обеспечить поступательное развитие экономики. В конце 50-х — начале 60-х годов иранскую экономику потряс силь-

нейший финансовый кризис, который захватил и сферу производства. По стране прокатилась волна банкротств, многие фабрики, заводы и мастерские были закрыты, без работы оказались тысячи рабочих.

Непосредственные причины этого кризиса — импортная политика «открытых дверей» и безудержная кредитная экспансия иранских банков. Однако глубинные причины кризиса заключались в том, что потенции развития иранской экономики в рамках ее прежних общественных отношений исчерпали себя окончательно. Правящие круги, стремясь заблокировать нарастающее давление «снизу», вынуждены были в интересах сохранения экономического порядка, основанного на частной собственности, пойти на проведение ряда социально-экономических реформ, призванных всемерно содействовать развитию капиталистического способа производства в городе и деревне.

Принимаемые в последующие годы планы развития национального хозяйства ставили своей целью на пути капиталистических преобразований осуществить ломку колониальной структуры экономики, преодолеть экономическую отсталость страны и вывести ее в разряд промышленно развитых.

Однако практика экономического строительства в 60—70-е годы показала, что решение этих долговременных задач на пути капиталистического развития оказалось процессом сложным и противоречивым. С одной стороны, рост экономического потенциала вел к постепенной ликвидации диспропорций отсталости, с другой — он столкнулся со многими трудностями, обусловленными многоукладным характером экономики, и, наконец, в ходе преодоления по капиталистическому пути той многоукладности были порождены новые экономические и социальные диспропорции. Специфическим рубежом в развитии явилась первая половина 70-х годов, когда многократно повысились цены на нефть, что имело ряд далеко идущих последствий для всех сфер общественной жизни страны.

Масштабы экономического роста в 1959/60 (начало публикации макроэкономической статистики в стране) — 1975/76 гг. характеризовались почти 13-кратным увеличением объема валового национального продукта (ВНП) (соответственно 283,9 и 3637 млрд. риалов в текущих рыночных ценах). Следствием того явилось существенное изменение структуры использования ВНП, что выразилось прежде всего в росте нормы накопления с 18,6 (1959 г.) до 30,3% (1975/76 г.) и повышении доли государственных потребительских расходов (соответственно 10,7 и 21,10%)¹¹.

В целом структурные изменения в использовании ВНП свидетельствовали о том, что основным фактором экономического развития в 60—70-е годы явилось накопление. При этом рост накопительных возможностей происходил при высокой активности как государственного, так и частного (особенно частнока-

питалистического) сектора. В отличие от первых лет 60-х годов уже к концу указанного десятилетия государство занимало ведущую роль в финансировании валового внутреннего вложения в основной капитал (ВВВОК) и закрепило за собой это место в период роста цен на нефть. К этому времени в обеспечении накопления государственным и частным сектором было установлено соотношение 60 и 40% соответственно¹². Таким образом, рост роли государственного сектора в накопительной основе происходил в условиях противостояния ему не слабого частного сектора, а быстро растущего и наращивающегося потенциала последнего.

Другой особенностью процесса накопления явилось следующее: если в государственном секторе накопление самым теснейшим образом было связано с использованием доходов от нефти¹³, то в частном секторе эта связь была опосредованной и решающей причиной роста накопительного потенциала в нем явилась прибавочная стоимость. Что касается технологической структуры вложений в основной капитал, то в целом она носила отпечаток начального периода индустриализации, для которого характерны, с одной стороны, большие расходы на создание инфраструктуры отраслей экономики, а с другой — значительные расходы на строительство зданий создаваемых промышленных объектов.

Отраслевое распределение ВВВОК отчетливо свидетельствовало, что начиная с 60-х годов развитие промышленности было определяющим моментом в росте экономического потенциала страны. Попытка сформулировать долговременную стратегию индустриального развития имела уже в третьем плане (23 сентября 1962 — 20 марта 1968). В этом плане было выделено три основных направления индустриализации: 1) широкое развитие инфраструктурных отраслей; 2) организация импортзамещающего производства потребительских товаров; 3) создание предпосылок для развития отраслей I подразделения. Четвертый план экономического развития (21 марта 1968 — 20 марта 1973) ставил задачу создания основ тяжелой промышленности — металлургии и машиностроения, а в пятом (21 марта 1973 — 20 марта 1978) говорилось о необходимости создания такой структуры экономики, экспортный потенциал которой оказался бы способным заменить экспорт сырой нефти как источника валютных поступлений. Особенно это было заметно при обращении к отраслевой структуре так называемых производственных капиталовложений, не учитывавших вложения в жилищное строительство. При таком подходе выявилось, что в промышленность (куда включалась обрабатывающая и горнодобывающая, электроэнергетика и водоснабжение, а также нефтяная) инвестировалось в среднем за 1964/65 — 1975/76 гг. не менее 40% ВВВОК¹⁴, а в отдельные годы до 45%. При этом существенно важно, что ведущее место в этих инвестициях неизменно

сохранялось за обрабатывающей и горнодобывающей промышленностью (свыше 20%). За ней, довольно значительно отставая, шла нефтяная промышленность (в среднем около 10%). Вложения в электроэнергетику и водоснабжение держались на одном уровне с сельским хозяйством (8—9%), а транспорт (дорожное строительство) занимал совершенно особое место. Во второй половине 60-х годов он поглощал свыше трети валовых инвестиций и только к началу 70-х годов стал несколько отставать от обрабатывающей и горнодобывающей промышленности. Значительно изменилась также доля вложений в сферу услуг (банк, торговля) — с 10% во второй половине 60-х годов она поднялась до 20% к концу первой половины 70-х годов.

В целом через призму динамики отраслевой структуры капиталовложений в 60—70-е годы прослеживалось экономическое развитие, нацеленное на первоочередное развитие обрабатывающей и горнодобывающей промышленности, а также производственной инфраструктуры. Естественно, что ориентирование капитальных вложений в стране вызвало и соответствующие структурные изменения в производстве валового внутреннего продукта.

Прежде всего следует отметить, что рост ВВП в Иране происходил относительно высокими темпами: за 1959/60—1972/73 гг. ВВП (в ценах 1959/60 г.) возрос более чем в 3 раза (с 285,5 млрд. до 955,1 млрд. риалов), или со среднегодовым темпом прироста 9,8%¹⁵. Главным направлением изменений в отраслевой структуре явился резкий рост удельного веса промышленности почти исключительно за счет снижения доли сельского хозяйства в ВВП¹⁶. Решающую роль в увеличении доли промышленности сыграли высокие темпы роста нефтяной, а также обрабатывающей и горнодобывающей промышленности. Сельское хозяйство также сумело нарастить свой экономический потенциал. Аграрная реформа, проведение которой началось в стране с 1962 г., привела к серьезным сдвигам в сфере землевладения и землепользования. Если в 1960/61 г. на 28,4% обрабатываемых земель велось самостоятельное хозяйство, 62,1% земель возделывалось на базе издольной аренды и 9,5% — различных видов аренды¹⁷, то в 1972/73 г. самостоятельное хозяйство охватывало 89,1% обрабатываемых земель, аренда — 5,4%, другие виды землепользования — 3,5%¹⁸. При 3,7 млн. занятых в сельском хозяйстве в 1972/73 г. число крестьян-собственников составляло около 1,5 млн.¹⁹ В пореформенный период мелкоотварный тип ведения хозяйства стал самым распространенным в иранской деревне. Однако главную роль в снабжении внутреннего рынка продукцией растениеводства и отчасти животноводства выполняли хозяйства зажиточных крестьян и мелких помещиков с участками от 10 до 50 га. В 1972/73 г. на эти хозяйства приходилось 48,3% посевов под пшеницей, 46,8% — под ячменем и 34% — под хлопчатником. На эту же группу хозяйств

приходилось 92,7% поголовья крупного рогатого скота и 24,5% — мелкого рогатого скота²⁰.

В ходе осуществления реформы заметно ускорилось внедрение капиталистических форм производства в сельское хозяйство, что в немалой степени явилось следствием усилий государства по организации снабженческо-бытовых, кредитных и многоцелевых кооперативов, акционерных аграрных компаний, а также прямого участия государства в создании агропромышленных комплексов, в том числе и с привлечением иностранного капитала. В 1971/72 г. в Иране насчитывалось 2,9 тыс. тракторов и 1,8 тыс. комбайнов²¹. Потребление минеральных удобрений в 1961/62—1975/76 гг. увеличилось в 24 раза и составило 925 тыс. т²². В середине 70-х годов хозяйства, где работы велись с применением сельскохозяйственных машин, обеспечивали 60% выпуска продукции технических культур и около 20% зерновых культур²³. Заметно расширилось применение наемного труда в сельском хозяйстве: число наемных работников увеличилось с 247 тыс. в 1966/67 г. до 348 тыс. в 1971/72 г.²⁴. При этом, если до аграрной реформы контингент лиц наемного труда был в основном представлен сезонными рабочими, то к началу 70-х годов их удельный вес упал до 40% наемных рабочих. Таким образом, с некоторой долей осторожности (прежде всего потому, что нет данных, показывающих, в какой степени использование наемного труда усилило эксплуататорский, а не потребительский характер) можно предположить неуклонный рост капиталистических хозяйств в пореформенной иранской деревне.

Однако, несмотря на поступательное движение экономического базиса сельского хозяйства и рост производственного потенциала, эта отрасль не была в состоянии удовлетворять внутренние потребности в основных видах сельскохозяйственной продукции. Иран ежегодно был вынужден импортировать значительное количество продовольственных товаров. На ввоз сельскохозяйственных продуктов в 1971/72 г. было затрачено 12,8 млрд. риалов, что равнялось 7,5% условно-чистой продукции сельскохозяйственной отрасли в текущих ценах. В 1975/76 г. этот показатель поднялся до 97,1 млрд. риалов, или до 29% условно-чистой продукции сельского хозяйства²⁵. В определенной степени такое возрастание импорта сельскохозяйственной продукции было связано с резким расширением платежеспособного спроса в стране, имевшего место после повышения цен на нефть. Но в данном случае приведенные выше цифры свидетельствуют о сложившейся уже к середине 70-х годов глубокой диспропорции в развитии сельского хозяйства и других отраслей экономики. Несомненно, что такое положение явилось следствием стремления иранского государства форсировать экономический рост преимущественно за счет расширения производственного спроса.

В промышленности Ирана также произошли крупные сдвиги. За ростом ее потенциала стояло не только наращивание количественных показателей, но и качественные изменения отраслевой структуры. Уже в первой половине 70-х годов в стране сложились основы I подразделения наряду с совокупностью современных по своей технологии отраслей II подразделения. Развитие крупномасштабных производств в ряде ключевых отраслей (черная и цветная металлургия, машиностроение, нефтехимия) составило каркас по существу новой воспроизводственной системы.

Развитие промышленности происходило при высоких темпах роста условно-чистой продукции, создаваемой в ней. Взятый в текущих ценах среднегодовой темп прироста указанного показателя с 1960/61 по 1975/76 г. составил 17,45%. Столь высокий темп прироста лишь частично был следствием роста цен, особенно заметного в 1973/74—1975/76 гг. Так, если в текущих ценах 1960/61—1972/73 гг. темп прироста составлял 14,35%, то в ценах 1969/70 г. он равнялся 12,45%²⁶.

Важнейшим условием, которое сделало возможным быстрый рост промышленности, стали, с одной стороны, происходившее высокими темпами развитие нефтедобывающей промышленности, а с другой — комплексное развитие отраслей экономической инфраструктуры.

Нефтяная промышленность, будучи уже развитой отраслью национальной экономики, не выступала в качестве ее органически целостной части. Воздействие ее на экономическое развитие страны было косвенным, т. е. ограничивалось воздействием через сферу финансов, посредством и в результате использования доходов от нефти в целях развития производительных сил народного хозяйства. Вместе с тем развитие производительных сил нефтедобывающей промышленности, рост добычи нефти и, как следствие, рост доходов от нефти в виде валютных поступлений, подавляющая часть которых шла на финансирование народнохозяйственных капиталовложений, весьма усилили именно косвенное воздействие этой отрасли на экономику. Результаты этих процессов и явлений стали огромным вкладом в рост экономического потенциала страны и определили многократное увеличение ее валютно-финансовых ресурсов.

Быстрый рост поставок нефти на внутренний рынок стимулировал формирование прямых связей этой отрасли с народным хозяйством. Создание и развитие отраслей тяжелой промышленности (в перспективе способных обеспечить широкие поставки оборудования и инструмента для нефтедобывающей промышленности) породили предпосылки формирования и обратных связей ее с отраслями народного хозяйства. Это уже само по себе стало одним из элементов качественных изменений в экономическом потенциале страны.

Сказанное подтверждается динамикой таких показателей,

Таблица 1

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ *

	1961/62— 1965/66 гг.	1966/67— 1970/71 гг.	1971/72— 1975/76 гг.
Добыча нефти, млн. т	374,5	832,7	1347,7
Условно-чистая продукция, созданная в нефтедобывающей промышленности, млрд. риалов	346,1	673,9	3837,5
доля в ВВП, %	18,0	20,6	35,9
Валютные поступления от нефтяного сектора, млн. долл.	2462,2	4899,1	47448,0
Доля в поступлениях по текущим счетам платежного баланса, %	75,9	73,7	86,0

* Подсчитано по данным: Экономика развивающихся стран Азии и Африки в цифрах. 1960—1965 гг. М., 1970, с. 270; Гозареш-е экстесади ва таразнаме-йе сал-е 2534 банк-е марази-йе Иран, Тегран, 2535, с. 148, 158—159, 214; Банк-е маркази-йе Иран, гозареш-е салане ва таразнаме-йе 1351, Тегран, 1352, с. 149. Все стоимостные показатели и их относительные величины даны на базе текущих цен; ВВП взят в факторных ценах.

как добыча нефти, объем условно-чистой продукции, создаваемой в нефтяной промышленности, и валютные поступления от нефтяного сектора (см. табл. 1).

Динамика показателей, приведенных в табл. 1, дает основание говорить о скачкообразном росте нефтедобывающей промышленности страны. Это прежде всего высокие темпы добычи нефти (средний по пятилеткам темп прироста — 89,87%) — того материального субстрата, добыча и реализация которого в менявшихся внутренних и внешних экономических условиях приводила к огромному росту народнохозяйственной эффективности данной отрасли. Затем это темп роста объема условно-чистой продукции за пятилетие: во втором пятилетии он составил 194,7%, а в третьем — 569,4%, т. е. в 11 раз больше, чем за первое пятилетие. Наконец, это темп роста валютных поступлений. Он носил еще более скачкообразный характер. Объем этих поступлений за второе пятилетие превысил поступления за первое почти в 2 раза. В третьем пятилетии по сравнению со вторым он возрос без малого в 10 раз, а по сравнению с первым — в 19 раз.

Хотя объем прироста добычи по пятилетиям был значительным — 458,2 млн. т во втором пятилетии и 515 млн. т в третьем, причем по темпам прироста третье пятилетие (61,9%) уступало второму (122,4%)²⁷, резкое изменение условий реализации неф-

ти на внешнем рынке в 1974/75 — 1975/76 гг. привело к многократному росту эффективности отрасли как по риаловым, так и в особенности по долларovým показателям.

Следствием высоких темпов развития нефтяной промышленности стала возрастающая роль ее в формировании общественного продукта и валютного потенциала страны.

Рост потенциала таких ведущих отраслей народного хозяйства, как промышленность (обрабатывающая и горнодобывающая) и сельское хозяйство (безотносительно к темпам, которыми происходил этот рост), оказался теснейшим образом связан с огромными сдвигами, которые произошли в инфраструктуре. Практически за последние 20—30 лет в стране было создано современное водное хозяйство как совокупность новых производственных сил, позволявших обеспечивать комплексное использование в возрастающих количествах водных ресурсов страны (как водопотребления, так и водопользования), что привело к росту производства электроэнергии на гидравлических станциях, резкому увеличению водопотребления в сельском хозяйстве, промышленности и в бытовой сфере.

За это же время весьма значительно увеличилась протяженность шоссейных дорог, возросла густота их сети как за счет создания магистральных направлений, так и за счет создания дорог местного значения, произошло принципиально важное повышение их технических характеристик. Принципиально нового уровня достигли их функциональные возможности как факторов развития внутреннего рынка, аккумуляции товарных ресурсов, предназначенных для экспорта и доведения до потребителя возрастающих масс импортируемых средств производства и предметов потребления. Аналогичные изменения наблюдались в процессе роста протяженности и интенсификации сети железных дорог. Исключительно важным оказались в связи с последними двумя народнохозяйственными функциями возросшие возможности портового хозяйства.

Стремительными темпами наращивал свой потенциал авиатранспорт. Принципиально иными возможностями стала располагать практически полностью модернизированная и многократно расширив ареал своего действия система связи (внутренней, внутригородской и международной).

Иначе говоря, развитие инфраструктуры облегчало развитие крупной индустрии и перевод на индустриальную основу сельского хозяйства. Одновременно само развитие инфраструктурных отраслей стало одной из ведущих сфер процесса индустриализации. Не будет преувеличением сказать, что в 60-е годы именно развитие инфраструктуры стало наиболее содержательной сферой процесса индустриализации и наиболее яркой областью ее проявления.

Процесс экономического развития и реализация стоявших перед страной задач столкнулись с серьезными трудностями,

вызванными социально-экономическими, социально-политическими и технико-экономическими причинами.

Наиболее значительная из трудностей, имевших прежде всего социально-экономическую природу, — хроническое отставание сельскохозяйственного производства, темпы роста и физические объемы которого из года в год оказывались ниже плановых наметок и являлись наиболее низкими среди других отраслей. Несмотря на аграрную реформу, сельское хозяйство, существенным образом отставая по росту производительности труда от промышленности, не было в состоянии удовлетворить потребности промышленности в сырье, содействовать выполнению программы всемерного роста экспорта и удовлетворить платежеспособный спрос населения на продовольствие. Сказанное относится как к земледелию, так и в особенности к животноводству. Снабжение городов все более обеспечивалось за счет импорта продовольствия. Не вдаваясь в специальный анализ причин отставания сельскохозяйственного производства и помня о целом ряде крайне засушливых лет, целесообразно учитывать, что проводившаяся с 1963 г. тремя этапами аграрная реформа растянулась вплоть до начала 70-х годов. Трудности, переживаемые сельским хозяйством, порождая большие народнохозяйственные диспропорции, стали заметным фактором, который тормозил процесс экономического развития.

Другая группа трудностей, переживаемых экономикой в процессе перестройки ее отраслевой структуры, была связана с проблемой занятости, приобретающей в условиях быстрого развития новых отраслей и производств все более структурный характер: выталкиваемые из деревни массы сельского населения, не обладая необходимой профессиональной подготовкой, с трудом находили себе применение. В то же время народное хозяйство испытывало острую нехватку в квалифицированных кадрах, поскольку количество и профессиональная структура кадров не удовлетворяли потребностей экономики.

Еще одна группа трудностей, по преимуществу технико-экономических, была связана с диспропорцией между потребностями развития основных отраслей народного хозяйства и сферы услуг, с одной стороны, и возможностями производственной инфраструктуры в их удовлетворении — с другой. Эта диспропорция наметилась в 70-е годы, после того как огромные сдвиги в развитии производственной инфраструктуры, достигнутые в 60-е годы, стали недостаточными для продолжавших нарастать темпов развития общественного производства.

Хотя наличие в руках государства значительных финансовых ресурсов позволяло ему смягчать влияние мирового экономического кризиса и сдерживать рост цен на потребительские товары посредством весьма существенного субсидирования как импорта их, так и розничной торговли, Иран не избежал отрицательных последствий инфляции в капиталистическом мире.

Таким образом, экономическое развитие Ирана в 50—70-е годы характеризовалось целым рядом качественных и количественных изменений в системе общественного производства. Капиталистический способ производства стал господствующим в промышленности, и его элементы начали развиваться в сельском хозяйстве. По мере распространения капиталистических производственных отношений вширь и вглубь процесс развития национальной экономики все более подчинялся действию экономических законов этого способа производства. Неравномерное развитие хозяйства с точки зрения темпов роста, скачкообразные изменения экономической и социальной структуры стали неотъемлемыми чертами поступательного движения экономики страны.

Ведущим элементом хозяйственной жизни стал выступать государственный капитализм, практика которого вела свое начало с 30-х годов. Государственное вмешательство в экономику особенно интенсифицировалось с принятием и реализацией планов-программ экономического развития и постепенно охватило все фазы воспроизводственного процесса. Государственный капитализм становился господствующим фактором роста концентрации производства и капитала, ранее и быстрее, чем капиталистическое производство в частном секторе, приобретая монополистические черты. Доходы от нефти, служившие материальной базой государственного капитализма, создавали относительно благоприятные возможности для обеспечения финансовых ресурсов накопления как в государственном, так и в частном секторе экономики. Приобретение таких возможностей для Ирана всегда оказывалось сопряженным с противодействием иностранному капиталу эксплуатировать нефтяные богатства страны в своих корыстных экономических и политических интересах. Правда, как показала история, широкие народные массы, выступления которых становились основным средством противоборства иностранному капиталу, впоследствии оказывались отстраненными от практического решения вопроса о распределении и использовании нефтяных поступлений. Их утилизация осуществлялась в интересах развития крупного капитала, имевшего тесные связи с иностранным капиталом как в государственном, так и в частном секторе экономики.

Индустриальное развитие с упором на «ключевые отрасли» не оправдало себя как метод органичной перестройки низших укладов национальной экономики. Мелкое производство, являвшееся сосредоточием мелкотоварного и мелкокапиталистического укладов, неуклонно сокращало свой удельный вес в промышленном производстве. Между тем крупное производство могло предложить лишь ограниченное количество рабочих мест, да и то лишь квалифицированной рабочей силе. Поэтому ко второй половине 70-х годов в стране резко обострилась проблема занятости.

Промышленное развитие происходило в таком отраслевом составе (не без влияния внешнего фактора), который сформировал структуру потребительского спроса, отвечающую интересам господствующего меньшинства. Преобладание в нем товаров длительного пользования с низкой эластичностью от дохода лишило самые широкие массы населения (особенно сельского) возможности пользования результатами индустриализации. Растущая неравномерность в распределении доходов увеличивала разрыв между бедностью и богатством в стране. Кроме того, сам процесс экономического развития происходил в условиях существования режима личной власти, который исключал всякую возможность для прогрессивных сил в стране оказывать влияние на ход событий. Все эти факторы вкупе вели к усилению в стране социальной напряженности и способствовали формированию экономических предпосылок антимонархической и антиимпериалистической революции 1978—1979 гг.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

Современный этап развития социальной структуры иранского общества характеризуется следующими особенностями. В ее основе лежит многоукладный базис, представленный широким спектром различных типов общественного производства. В сфере промышленности, где развитие капиталистических производственных отношений по уровню и территориальному охвату намного опередило сельское хозяйство, капиталистический способ производства стал господствующим и ведущим. Здесь в ходе роста концентрации производства и капитала оформлялся государственно-монополистический сектор, вплотную к своей высшей фазе подошел и частный капитал. Мелкотоварный сектор к середине 70-х годов еще не полностью был поглощен капиталистическим, но решительно вытеснялся из крупных городов в мелкие, отеснялся в окраинные районы, и все более сужалась его отраслевая сфера. И хотя в сельском хозяйстве этот сектор продолжал оставаться преобладающим, тем не менее капиталистическая эволюция в деревне уверенно набирала темпы.

Этот фактор переходного состояния производственных отношений от докапиталистических к капиталистическим предопределял особый характер классового образования в стране. Отчетливому классовому обособлению буржуазии и пролетариата в иранском городе сопутствовали так называемые промежуточные, или средние, слои, которых капитал не полностью лишил собственности на средства производства и которые самостоятельно, большей частью не прибегая к наемному труду, «вели дело» в промышленности, торговле и сфере услуг. Низшие слои города (пауперы и люмпены) воспроизводились в основной своей массе уже на капиталистической основе.

Большую часть сельского населения составляли крестьяне — собственники небольших земельных участков. Это — бывшие «насаки», т. е. лица, пользовавшиеся до аграрной реформы землей на правах аренды согласно традиционному праву «пасака». Их хозяйство хотя и было связано посредством торгово-ростовщического капитала с рынком, но фактически не выходило за рамки простого воспроизводства. Свообразное положение в социальной структуре деревни занимали «гавбанды» (владельцы рабочего скота), «барзегары» (владельцы рабочих рук). Эти слои общества способны были находиться в совершенно различных системах производственных отношений. В зависимости от того, в какой тип хозяйства была включена их деятельность, социальное положение этих слоев могло приближаться к наемному труду, который эксплуатировался капиталистически, или же представлять мелкое докапиталистическое хозяйство. Наряду с «хоишешинами», или лицами без определенных профессий и систематических занятий, они были лишены перспектив стать земельными собственниками и пополняли собой миграционные потоки из села в город.

Незавершенность процесса классовобразования накладывала отпечаток и на политическую жизнь в стране. Выражалось это в том, что в известной мере социальная напряженность в обществе и открытые классовые столкновения имели в своей основе борьбу различных форм собственности на средства производства, а не только конфликт полярных классов общества.

Другая особенность социальной структуры обусловлена многонациональным составом населения и многостадийным характером формирования национальных общностей. Положение господствующей нации занимали персы (более 15 млн., приблизительно 50% населения). Они же составляли основное ядро ираноязычной группы населения, к которой относятся сохранившиеся пережитки родо-племенного строя курды (2 млн., 6,7%), луры (2 млн., 6,7%), белуджи (600 тыс., 1,8%), бахтары (около 430 тыс., 1,5%), гилянцы (около 2 млн., 6,7%), мазендеранцы (более 900 тыс., 3%). Среди тюркоязычного населения значительной национальной консолидацией отличаются азербайджанцы (более 5 млн., 16,7%). В меньшей степени этот процесс затронул туркменов (около 500 тыс., 1,7%) и арабов (арабоязычная группа, около 500 тыс., 1,7%)²⁸. Национальные меньшинства населяли преимущественно окраинные районы, имевшие аграрную специализацию и по уровню хозяйственного развития заметно отстававшие от населенных персами центральных областей. Национальные процессы в стране развивались под воздействием противоположных тенденций к национальной консолидации отдельных народов и их интеграции на основе персидской нации, что делало национальный вопрос важным фактором внутривосточной жизни страны.

Третья особенность социальной структуры была связана с

местом и ролью в ней религии. Подавляющее большинство населения страны исповедует ислам шиитского толка (90%), который является официальной религией государства. Ислам суннитского толка исповедуют 8%, зороастризм — 1, христианство — 0,66, иудаизм — 0,33, и 0,01% составляют представители других вероисповеданий²⁹.

В социальном отношении более важен не столько религиозный состав населения, сколько действительное положение религии в иранском обществе. Уменьшение общественного влияния религии, характерное для 60-х — первой половины 70-х годов, во второй половине 70-х годов сменилось обратным процессом, сочетавшим в себе социально-прогрессивные и прямо реакционные моменты. С одной стороны, религиозная идеология послужила идейным знаменем антимонархической и антиимпериалистической революции в стране (1978—1979), с другой — она стремилась представить свою систему социальных ценностей в качестве единственно возможной для иранских условий. Она отрицала всякий путь социального обновления общества, кроме как на религиозной основе, и превращалась в идейное орудие политики воинствующего клерикализма с явно антикоммунистической направленностью.

Революционные события 1978—1979 гг. явились своеобразным политическим результатом развития социальной структуры многоукладного иранского общества. Они со всей определенностью выявили антагонистический характер классовых противоречий и привели к существенным изменениям социально-политического значения отдельных классов, классовых группировок и социальных слоев.

Верхнюю ступень имущественной и общественной иерархии среди господствующих, эксплуататорских классов и слоев к началу 70-х годов занимал шахский двор во главе с монархом. Неспособность прогрессивного крыла иранской буржуазии, заинтересованной в развитии национальной промышленности, самостоятельно преодолеть сопротивление, которое оказывалось капиталистической модернизации со стороны традиционной верхушки эксплуататорских классов (полуфеодалов помещиков, компрадоров, высшего слоя мусульманских богословов — улемов), значительно подрывала реальный характер представительства национальной буржуазии в законодательных органах. В результате шах, согласно конституции обладавший верховной исполнительной властью, фактически сосредоточил в своих руках и законодательную власть. Полнота личной власти использовалась шахом в интересах развития капиталистического способа производства. Дальнейшая эволюция режима личной власти заключалась в ее капиталистической персонификации: шахская фамилия из рентополучателя превратилась в буржуа «номер один». Она вкладывала свои капиталы в промышленность, банки, торговлю, недвижимость, занималась спекуляцией и контра-

бандой. Чем более буржуазный характер приобретали принимаемые формальной законодательной властью меры, тем более укреплялись экономические и политические позиции монарха и двора в обществе. В итоге шахский двор трансформировался в экономическую монополию особого типа, именно дворцовую монополию, возникшую на базе капиталистических производственных отношений и узурпаций национального суверенитета. Это была монополия, поскольку бизнес шахского двора имел исключительные возможности мобилизации денежных накоплений и обладал неограниченным правом выбора сфер вложения для собственных капиталов. Национальная промышленная буржуазия (около 40 тыс. семей), отдавшая себя под экономическое и политическое покровительство режима личной власти, приобрела в ее лице экономического соперника. Стремление ликвидировать дворцовую монополию и тем самым устранить конкурента явилось экономической причиной того, что во время событий 1978—1979 гг. крупная национальная буржуазия не поддержала монархию. Таким образом, монархия сошла с исторической сцены не только как политическая система деспотии, но и как определенная экономическая система, порожденная и похороненная действием экономических законов развития капитализма. Одновременно антимонархическое движение выявило политическую несостоятельность верхушки гражданской и военной бюрократии, отсутствие у нее идейной организации. Глубокое разложение этого слоя сделало его неспособным даже к самозащите, и в ходе развития революционных событий он прекратил свое существование как социальная общность, наделенная политической потенцией (во всяком случае, на поверхности явлений).

На верхних ступенях социальной иерархии Ирана находилась также элитарная прослойка шиитских богословов — улемов, которая по своему социальному происхождению и семейным традициям была тесно связана с феодальной аристократией и представителями торгового капитала, а иногда прямо олицетворяла собой эти слои. Внутри данной прослойки привилегированное положение занимали муджтахиды и аятоллы (около 100 человек), наделенные исключительным правом выносить фетву (заклучение) по любому вопросу общественной жизни, которая (фетва) для верующих имеет значение обязательного предписания. Для данной прослойки характерны две особенности. Несмотря на свою относительную малочисленность, она при известных условиях и обстоятельствах обладает способностью управлять умонастроениями и поведением подавляющего большинства населения страны. Хотя в исламе не существует института священства, муджтахиды и аятоллы выступают в роли обособленного слоя посредников между верующими и божественной волей. Авторитарный характер социального положения этой прослойки затушевывается тем фактом, что в

основе общественно-религиозного авторитета улемов лежит не обряд рукоположения, а, так сказать, общественное признание их теологической эрудиции и особого благочестия.

Далее, поскольку верхняя прослойка шиитских богословов состоит из идеологов шиитского вероучения, то в ее социальной ориентации вопросы места и роли религии в обществе имеют доминирующее и самостоятельное значение. Согласно догматам шиитского ислама, при нераздельности религиозной и светской власти общественное положение религии должно быть господствующим, а по социальным функциям — всеохватывающим. В иранской истории поэтому немало примеров острой и открытой борьбы за верховенство между светским и религиозным абсолютизмом. Исторический опыт общественно-политической деятельности высших шиитских богословов начиная хотя бы с периода буржуазно-демократической революции 1905—1911 гг. свидетельствует, что поддержка шиитской элитой революционных и прогрессивных устремлений трудящихся масс зависела от того, как складывались в данный момент отношения между светской и религиозной властями, и, соглашаясь на такую поддержку, эта прослойка никогда не упускала из виду собственные интересы. Политическая непоследовательность данной прослойки всякий раз подтверждала, что ее деятельность определяется общественными запросами, расцениваемыми в том числе и с религиозной точки зрения. В связи с этим достаточно напомнить резкую оппозицию, которую заняли в 60-х годах некоторые аятоллы по отношению к земельной реформе, сильно подрывавшей землевладение религиозных институтов в стране, а следовательно, и экономическую основу их существования.

Конечно, среди представителей прослойки высших богословов были и искренние сторонники национально-демократических традиций шиитского ислама, восходящих к временам зарождения шиитского вероучения и борьбы народных масс против арабского завоевания. Свои демократические и эгалитарные экономические идеи они подкрепляли ссылкой на следующее высказывание, приписываемое Аллаху: «Мы желаем оказать милость тем, которые были ослаблены на земле, и сделаем их имамами, и сделаем наследниками» (Коран, сура 28, «Рассказ», аят 4).

Прогрессивное крыло шиитских богословов сыграло большую роль в антимонархической и антиимпериалистической революции 1978—1979 гг. Более того, не будет преувеличением сказать, что, независимо от многообразия причин, породивших эту революцию, идейная организация ее движущих сил фактически была осуществлена под религиозными лозунгами. Социальная структура общества в интерпретации шиитских богословов, выступавших против диктатуры шахской власти, стала представляться поляризованной на «мустафафинов» (обездоленные, до-словно — ослабленные) и на «мустакбарнинов» (благоденству-

ющие). Противопоставив этот тезис официальной доктрине классового примирения и наличия справедливого распределения материальных благ в стране, богословы не открыли массам никаких новых жизненных реалий. Их лозунги, будучи обращенными непосредственно к религиозному сознанию и психологии масс, послужили побудительным толчком к действию, мотивы и потребность в котором давно уже созрели в массах.

После революции исламская концепция социальной структуры общества стала практически официальной. Однако это положение не отменило того факта, что реальное содержание понятий «обездоленные» и «благоденствующие» как социальных категорий определялось историческим контекстом классового строения общества и охватывало поэтому слои с различной классовой ориентацией. Согласно этой концепции, определение «обездоленные» было распространено в равной мере и на занятых рабочих, и на рабочих, потерявших работу, и на тех, кто так и не нашел ее в городе. В эту категорию попадали также безземельные крестьяне и крестьяне — собственники земли, ремесленники и торговцы, мелкие буржуа и низшие слои города. Поэтому в условиях многоукладного иранского общества, буржуазного в своей основе, сколько-нибудь последовательная реализация демократических и антиэксплуататорских идей ислама возможна лишь в случае, если социальные мероприятия, проводимые религиозным государством от имени «обездоленных», не будут лишать иранский рабочий класс возможности бороться за свои интересы, а верующих — права поддерживать программу рабочего класса.

Имущий, эксплуататорский слой общества, представленный городской буржуазией, не являлся однородным. Помимо различия в соответствии с функциональными видами капитала, которые составляли сферу деятельности для отдельных слоев городской буржуазии, по своему имущественному состоянию буржуазия традиционно подразделялась на крупную, среднюю и мелкую. Причем по мере роста экономического потенциала страны масштаб этого деления менялся во времени. Далее, в зависимости от того, какую фазу развития капитализма представлял собой персонифицированный капитал, в городской буржуазии можно было выделить монополизирующую верхушку и немонополистический слой предпринимательства. Наконец, по признаку связи национального капитала с иностранным и соответствия его деятельности объективным потребностям развития национальной экономики торгово-промышленная буржуазия могла и может быть компрадорской и национальной.

Крупная буржуазия, а отчасти и средняя, являлась главной социальной основой внутренних экономических и политических преобразований, проводимых шахской властью. Государственная экономическая политика, направленная на всестороннее стимулирование процесса концентрации производства и капитала,

способствовала беспрецедентному усилению экономической роли крупной буржуазии в 60—70-е годы. Сведения, которые позволили бы оценить имущественное положение слоя крупной буржуазии, отсутствуют. Однако представление о том, в какую экономическую силу превратилась крупная буржуазия, можно составить по данным о концентрации производства в обрабатывающей промышленности. В середине 70-х годов среди предприятий обрабатывающей промышленности с числом занятых более 10 человек насчитывалось несколько более 100 с размером капитала свыше 200 млн. риалов, или всего 2% их общей численности. Но они осуществляли более 30% всего объема капиталовложений в обрабатывающей промышленности³⁰. Практически экономическая власть в стране оказалась сосредоточенной в руках 250—300 семей, из которых к наиболее состоятельным относились семьи Хосровшахи, Ладжеварди, Резаи, Могаддамов, Бархордаров, Фарманфармаянов. Активы только собственных предприятий каждой из трех первых семей, не считая долевого участия, составили более 10 млрд. риалов. Сферами приложения их капиталов были как старые (пищевая, текстильная промышленность), так и новые (металлургическая, химическая, электроприборостроительная, производство средств транспорта и др.) отрасли экономики, внешняя и внутренняя торговля, банковское дело. Факты избрания крупнейших предпринимателей в меджлис и сенат и предоставления крупным государственным чиновникам мест в правлении предприятий и банков демонстрировали также все более тесное переплетение интересов крупного бизнеса и государственной политики.

Сфера крупного капиталистического предпринимательства породила монополистические тенденции. К середине 70-х годов промышленные группы, в состав которых в различных вариациях входило не более 10 семей, контролировали производство автомобилей, цемента, пластических масс, моющих средств, электробытовой техники, фармацевтических и парфюмерных товаров.

Слой мелкой и средней промышленной буржуазии (более 46 тыс. предпринимателей) в условиях индустриализации, которая была ориентирована на развитие крупномасштабного и капиталоемкого производства, не получили ожидаемых выгод. Отставание темпов централизации капитала от темпов концентрации закрывало перед этими слоями всякую возможность перебрасывать капиталы в наиболее выгодные «новые» отрасли, и они были вынуждены ограничить свои сферы вложения в основном традиционными отраслями (текстильная, пищевая). Расширение рынка для этих отраслей тормозилось недостаточными темпами капиталистического преобразования деревни, а в той мере, в какой рынок все-таки расширялся, доступ на него затруднялся конкуренцией промышленных групп. Эти экономические процессы постепенно формировали предпосылки для нега-

тивного отношения средней и в особенности мелкой буржуазии к правительственной экономической политике. В равной степени это положение распространялось и на торгово-ростовщическую буржуазию (около 40 тыс.). Традиционная роль оптовых базаров в обслуживании внутреннего и внешнего рынков подрывалась процессом трансформации торгового капитала в торгово-промышленный, а ростовщический кредит вытеснялся организованным рынком ссудного капитала. Мелкокапиталистический и мелкотоварный секторы в городе и деревне являли собой основную сферу деятельности для ростовщического капитала.

Революция 1978—1979 гг. показала, что противоречия между интересами монополистического капитала и немонополистического, крупного и мелкого, компрадорского и национального стали одними из тех экономических причин, которые побудили среднюю и мелкую буржуазию поддержать народное антимонополистическое и антиимпериалистическое движение.

В этом движении на определенном этапе участвовала и крупная буржуазия, ставившая своей непосредственной целью устранение шахского двора с поля предпринимательской деятельности, что ей удалось сделать принятием закона о запрещении шахскому двору участия в предпринимательских операциях. Однако революционное движение пошло значительно дальше, чем предполагала крупная буржуазия. Со стороны революционных сил она сама стала объектом острой социальной критики, что привело в конце концов к конфискации и национализации имущества крупной буржуазии. Таким образом, революция нанесла ощутимый удар экономическому и политическому господству крупной иранской буржуазии.

К верхнему слою традиционного эксплуататорского слоя в деревне относились также помещики и кулаки. Аграрная реформа заметно сузила основу полуфеодальной эксплуатации крестьянства, однако не решила радикальным образом вопрос передачи земли крестьянам. Из 3,5 млн. крестьянских семей 1,4 млн. вообще не получило землю. Условия реформы были также таковы, что из 8,2 млн. га помещичьей земли в руках крупных и средних земельных собственников осталось 4,7 млн. га. В середине 70-х годов несколько более 300 семей крупных помещиков владело участками размером более 300 га и 9 тыс. семей— от 100 до 300 га³¹. Большая часть этих хозяйств функционировала на основе прежней системы разделения труда в сельскохозяйственном производстве, используя ручные орудия. Крестьяне вели производство самостоятельно и выплачивали землевладельцу фиксированную денежную ренту. Таким образом, фактически за крупной помещичьей собственностью стояло мелкокультурное и мелкотоварное производство. Некоторая часть помещиков этого слоя вела хозяйство на капиталистический лад (особенно в выращивании технических культур). В целом крупные помещики составляли менее 1% общего чис-

ла земельных собственников, но в их владении находилось более 20% ежегодно обрабатываемых земель. Заметные позиции в иранской деревне занимали кулаки и предпринимательская часть крестьянства. Эта крестьянская верхушка составляла приблизительно 6—7% крестьян-собственников и владела более чем четвертой частью крестьянских земель³².

Эксплуатируемую неимущую часть иранского общества составляли лица наемного труда, занятые в различных сферах народного хозяйства, преимущественно в промышленности и транспорте. Дать оценку численности рабочего класса страны представляется затруднительным из-за отсутствия соответствующих данных. К середине 70-х годов он ориентировочно насчитывал около 3 млн. человек, из них приблизительно 300 тыс. — сельскохозяйственные рабочие. Около 14% общего количества городского рабочего класса работало на крупных предприятиях (10 и более занятых). При этом использование основной массы наемного труда на крупных предприятиях концентрировалось в таких отраслях, как текстильная (30%), пищевая (15%), добыча неметаллических ископаемых (10%), химическая (7%)³³. Около 40 тыс. рабочих было занято в нефтедобывающей промышленности. В сельском хозяйстве наемная рабочая сила формировалась в основном за счет семей, которые не имели собственного земледельческого хозяйства, и выходцы из таких семей составляли приблизительно две трети общего количества лиц наемного труда в этой отрасли.

Экономическое положение рабочего класса характеризовалось сильными отраслевыми и районными различиями. «Цена труда» (оплата 1 человеко-часа) в крупной обрабатывающей промышленности наиболее высока в металлургической, химической, электроприборостроительной отраслях и значительно ниже среднего уровня в традиционных отраслях по стране. Поэтому размер годовой заработной платы рабочих в районах, где концентрировались новые отрасли (Центральный остан, Хузестан), был намного выше, чем в других районах страны. Дифференциация столь значительна, что приблизительно 40% рабочих этой сферы общественного производства получало годовую заработную плату ниже среднего уровня по стране³⁴.

Политика шахской власти в области занятости и оплаты труда преследовала цели создать среди рабочего класса высокооплачиваемую верхушку, сделать ее основным проводником социал-реформистских идей в рабочем классе. Однако революционные события опрокинули эти иллюзии правящих кругов. Всеобщая забастовка иранского рабочего класса в период революции лишила государственную власть всякой дееспособности и явилась одним из решающих факторов падения шахского режима и установления республиканского строя.

Промежуточное положение между эксплуататорскими и эксплуатируемыми классами города и деревни занимали так на-

зываемые средние слои. Предпринимательская часть городских средних слоев состояла в основном из ремесленников и мелких торговцев, занятых в мелкотоварном и мелкокапиталистическом секторах. На вторую половину 60-х годов «самостоятельных» работников в сфере торговли насчитывалось около 250 тыс., в сфере услуг — 38 тыс., в области промышленности и транспорта — более 200 тыс.³⁵. Основной сферой ремесленного труда в стране продолжало оставаться ковроткачество.

Эти слои еще играли заметную роль в сфере товарного производства, однако область их деятельности в 60—70-е годы непрерывно сужалась. Относительно сокращалась также сфера деятельности средних слоев в торговле, хотя абсолютное число мелких торговцев росло. Из общей численности предпринимательских средних слоев в 533 тыс. человек приблизительно 13% относилось к мелкокапиталистическому укладу, а 87% — к мелкотоварному³⁶.

Служилую часть городских средних слоев иранская статистика подразделяла на две категории: научно-технические кадры (около 150 тыс.) и канцелярские служащие (около 200 тыс.)³⁷. В категорию научно-технических кадров входили: ученые различных областей науки, экономисты, бухгалтеры, юристы, учителя, врачи, журналисты, художники, композиторы, библиотекари и т. д.; к служащим относились представители интеллигенции, работавшие по найму в государственных и частных предприятиях.

К непроизводительным средним слоям города относилось также приблизительно 140 тыс. средних и низших чинов армии, около 200 тыс. учащихся старших классов средней школы и студенты, 10 тыс. мусульманских богословов низшего ранга.

В ходе социально-экономического развития страны в 60—70-е годы произошел значительный рост численности интеллигенции, представленной научно-техническими работниками, значительным слоем гуманитариев, творческой интеллигенцией и студенчеством. Рекрутируемая из различных социальных слоев, она оказалась в принципе единой в таких общественно-политических требованиях, как соблюдение предусматривавшихся конституцией демократических свобод, предоставление свободы творчества и создание необходимых материальных и социально-политических условий для культурного прогресса общества. В самые тяжелые годы шахского режима представители интеллигенции бросили открытый вызов деспотизму, формируя из своих рядов боевые отряды городских партизан, вступивших в вооруженную борьбу с монархией. Лучшие представители интеллигенции сыграли также видную роль в формировании теоретических кадров Народной партии Ирана. Прогрессивное крыло интеллигенции оказалось в числе наиболее последовательных борцов в период революционных событий 1978—1979 гг.

Низшие городские слои (пауперы и люмпены) формирова-

лись главным образом за счет сельских мигрантов, бóльшая часть которых не могла найти работу в городе и оседала там без средств к существованию. Ряды пауперов и люмпенов пополнили также разоренные мелкие торговцы и ремесленники. По приблизительным оценочным данным, в крупных городах страны накануне революции 1978—1979 гг. низшие слои насчитывали свыше 1,5 млн. человек, из них более 600 тыс. находилось в Тегеране.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ОСНОВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

После победы антимонархической и антиимпериалистической революции 1978—1979 гг. представители самых различных социальных и идейно-политических течений обрели возможность к самовыражению. Деятельность партий, общественных организаций и групп стала важнейшей формой политической и идеологической борьбы, развертывающейся в новых условиях, в связи с выбором дальнейшего пути развития.

Политическая активность партий и групп, выражающих интересы основных социальных и политических сил Ирана, в первые месяцы после революционного периода выглядит особенно рельефной, если рассматривать ее на фоне развития дореволюционного иранского общества.

В годы правления шаха Мохаммеда Резы, как правило, неправительственные партии и группы были лишены возможности развернуть легальную работу. И объяснялось это главным образом тем, что шахский двор и в целом правящая верхушка всеми имевшимися в их распоряжении средствами стремились сохранить за собой монопольное право на формирование и реализацию политического курса иранского государства. Лишь в периоды общенационального кризиса, подъема демократического и антиимпериалистического движения правящая верхушка до некоторой степени лишалась возможности осуществлять политику, полностью соответствующую ее интересам, и во имя сохранения существующей политической и социальной системы вынуждена была маневрировать, идти на известные уступки, а иногда соглашаться на функционирование ряда партий либерального и демократического толка.

Существенное воздействие на общественно-политическое развитие Ирана после 1945 г. постоянно оказывали антагонистические противоречия между общедемократическими устремлениями широких народных масс и политикой правящей иранской верхушки, отражавшей в основных своих проявлениях интересы как шахского двора и правящих классов Ирана, так и международного империализма. Временами эти противоречия обострялись, порой они в силу ряда обстоятельств ослабевали, но со

времем исподволь продолжали набирать силу, чтобы вновь обрести характер общенационального кризиса.

С учетом развития этого процесса и принимая во внимание особенности социально-экономической эволюции страны, историю Ирана после 1945 г. можно разделить на четыре периода, соответственно охватывающие следующие годы: 1945—1953, 1953—1962, 1962—1977, 1978—1979.

Завершение второй мировой войны ознаменовалось в Иране, с одной стороны, усилением англо-американского проникновения, а с другой — ростом национально-демократического движения. Особенно широкий размах демократическое движение получило в северных останках страны, в частности в Западном и Восточном Азербайджане и в северной части Курдистана.

В годы правления Реза-шаха (1925—1941) Иран осуществлял политику национального угнетения в отношении неперсидских народов. Падение диктаторского режима, известная демократизация общественно-политической жизни в годы второй мировой войны вызвали подъем национально-демократического движения в Иранском Азербайджане и Иранском Курдистане. В конце 1945 г. усилиями образованных в том же году Демократической партии Азербайджана и Демократической партии Курдистана в Иранском Азербайджане и Иранском Курдистане в рамках иранского государства были учреждены автономные демократические республики. Руководители этих республик приступили к выработке и осуществлению ряда мероприятий, направленных на демократизацию общественного строя и улучшение материального положения трудящихся. Были установлены восьмичасовой рабочий день, оплачиваемые отпуска, разделены среди крестьян часть государственных земель и земли выступавших против демократического движения помещиков.

Иранское правительство, возглавляемое Ахмедом Кавамом (Кавам ос-Салтане), под давлением прогрессивной общественности было вынуждено признать демократические власти Иранского Азербайджана и Иранского Курдистана. Весной 1946 г. правительство Кавама предприняло и ряд других шагов, которые внешне должны были создать у общественности впечатление о разрыве правительства Кавама с реакционными курсами предыдущих правительств. Так, Кавам подписал с правительством СССР соглашение о создании смешанного общества по разведке и эксплуатации нефтяных месторождений в Северном Иране. Был принят закон о труде, ограничивший рабочую неделю 48 часами. Кавам ввел в состав своего кабинета трех членов созданной в 1941 г. Народной партии Ирана (НПИ) — подлинной защитницы интересов трудящихся классов страны. Между Ираном и СССР было достигнуто соглашение о сроках вывода из Ирана оставшихся там советских войск³⁸. Желая завоевать популярность, Кавам выдавал себя за борца против неограниченной власти шахского двора.

Однако вскоре выяснилось, что «левение» Кавама представляло собой тщательно разработанную политическую игру. Втайне установив тесные контакты с антисоветскими и проимпериалистическими кругами, при активной поддержке США и Англии во второй половине 1946 г. Кавам резко изменил курс внутренней и внешней политики.

Осенью 1946 г. не без ведома Кавама было инспирировано выступление полукочевых племен Фарса и Хузестана, выдвинувших требование об изменении политики правительства в отношении демократических властей Иранского Азербайджана и Курдистана, а также об исключении из состава правительства министров — членов НПИ.

В этих условиях в октябре 1946 г. Кавам окончательно сбросил с себя маску демократа. Он реорганизовал кабинет министров, удалив из него членов НПИ. При самой активной моральной поддержке США и Англии иранское правительство в декабре 1946 г. ввело свои войска на территорию Иранского Азербайджана и Курдистана. Над участниками национально-демократического движения была учинена дикая расправа. Автономные демократические республики Иранского Азербайджана и Курдистана были ликвидированы. В начале 1947 г. состоялись выборы в меджлис (иранский парламент) XV созыва, в который были избраны в основном представители феодальной аристократии, крупных помещиков и компрадоров (главным образом торговой буржуазии), составивших, как правило, основную костяк придворных политических группировок. Абсолютное большинство упомянутых политических деятелей было настроено против демократизации политической системы в Иране и против расширения сотрудничества с СССР.

Меджлис нового состава отказался ратифицировать советско-иранское экономическое соглашение 1946 г. Правительство Кавама взяло курс на дальнейшее сближение с США³⁹. По ирано-американскому соглашению, заключенному в октябре 1947 г., в Иран направлялась американская военная миссия, официально провозглашенной целью которой было сотрудничество с военным министерством Ирана и личным составом иранской армии для увеличения боеспособности иранских вооруженных сил. В мае 1948 г. было объявлено о предоставлении первого американского займа для закупки вооружения в США. Империалистические круги США осуществляли свое проникновение в Иран под прикрытием пропагандистского мифа о необходимости защиты Ирана от «коммунистического заговора».

Правящие круги Великобритании, глубоко заинтересованные в сохранении своих экономических и политических позиций в Иране, расценили американскую экспансию в этой стране как серьезную угрозу своим интересам и стали активно ей противодействовать. Поэтому первые послевоенные годы в Иране были отмечены острой борьбой за власть между двумя основными:

группировками из среды правящих классов, одна из которых ориентировалась на США, а другая — на Великобританию. Соперничество и борьба между этими группировками были одной из главных причин частой смены правительственных кабинетов.

Народная партия Ирана выступала с разоблачением реакционной сущности политической борьбы между проанглийской и проамериканской группировками в верхах. В оппозиции к проимпериалистическим группировкам в этот период находились и некоторые буржуазно-демократические и мелкобуржуазные организации: образованная в годы второй мировой войны партия «Иран», полулегальная клерикальная партия «Федаяне ислам» («Поборника ислама») и др.

Несмотря на острое соперничество, как проамерикански настроенные, так и связанные с Великобританией группировки из среды правящих классов были активными сторонниками упрочения государственной власти под эгидой шахского двора и выступали против демократизации Ирана.

Покушение на жизнь шаха (февраль, 1949 г.), произведенное сотрудником одной из газет религиозного толка, было использовано правящей верхушкой как повод для запрещения деятельности всех прогрессивных и оппозиционных партий, организаций и изданий. Однако эти и ряд других мер, включая репрессии в отношении прогрессивных сил, не привели к ослаблению внутренней напряженности. Более того, продолжавшийся экономический спад и связанное с ним ухудшение материального положения широких слоев трудящихся усиливали социальную напряженность. Сложившаяся в стране ситуация вызывала недовольство не только рабочих и крестьян, но и значительной части средних городских слоев и национальной буржуазии.

Желая предотвратить рост социального и политического брожения, правящая верхушка вынуждена была уделить внимание экономическим проблемам страны. Еще в 1946 г. была выдвинута идея о плане развития и реконструкции, призванном способствовать преодолению экономического спада. Подобный план был составлен в 1946—1948 гг. с помощью американских фирм. По существу, этот план состоял из отдельных незначительных проектов, бюджет плана даже по иранским масштабам был довольно скромным. Тем не менее для иранского государства оказалось трудной проблемой найти средства для его финансирования.

Проблема источника финансирования плана заострила внимание иранской общественности на деятельности Англо-иранской нефтяной компании — крупнейшего промышленного предприятия, принадлежавшего иностранному капиталу. Концессионные платежи АИНК были важной статьёй государственных поступлений Ирана и по наметкам правительства должны были обеспечить 37,1% ассигнований плана развития. В первые послевоенные годы руководство компании вело линию на умень-

шение получаемых Ираном концессионных платежей, в то время как добыча нефти на иранской территории увеличивалась. Однако интерес иранской общественности к АИНК был вызван не только этим обстоятельством.

Англо-иранская нефтяная компания была в подлинном смысле государством в государстве. Будучи предприятием, контрольный пакет акций которого находился в руках британского правительства, как в административном, так и в экономическом плане АИНК сохраняла свою автономию. Все ответственные посты на предприятиях компании занимали англичане. Под видом службы противопожарной охраны правление АИНК держало полицейские части, которые использовались для борьбы с неугодными рабочими. Иранцы, составлявшие основную массу рабочих на предприятиях компании, подвергались унижительной дискриминации. В районах деятельности АИНК какие-либо организации по урегулированию конфликтов между рабочими и администрацией были строго запрещены. Как правило, в зоне деятельности компании представителями иранских властей утверждались угодные АИНК и английскому посольству лица. Служащие АИНК — подданные Великобритании фактически пользовались правом экстерриториальности. Все это вызывало у иранских рабочих, работавших на предприятиях компании, чувство ненависти к иностранным порабощателям и их иранским покровителям.

Прогрессивные организации и патриотически настроенные иранские общественные деятели прилагали огромные усилия, чтобы борьба рабочих за улучшение своего материального и социального положения сочеталась с общеиранским движением за упрочение национального суверенитета и демократизацию общественно-политической жизни. В действительности выступления рабочих-нефтяников оказались значительным явлением, содействовавшим новому подъему демократического и антиимпериалистического движения в Иране.

Стремление шахского двора и иранского правительства разрешить конфликт в АИНК путем компромисса и предотвратить антиимпериалистические выступления рабочих успеха не имело.

Проимпериалистический курс правительства Саеда Марагеи, крупного помещика и реакционного политического деятеля, подписавшего 17 июля 1949 г. так называемое дополнительное соглашение с АИНК, вызвал резкое недовольство широких слоев иранской общественности. В массовое движение, направленное против АИНК и иранского правительства, активно включились также представители иранской национальной буржуазии, кровно заинтересованной в расширении внутреннего рынка и в развитии производительных сил страны.

Благодаря поддержке широкой общественности в конце 1949 г. небольшой группе деятелей, выразивших интересы иранской национальной буржуазии, удалось в результате повторных

выборов в Тегеране⁴⁰ добиться избрания в меджлис, где они приступили к активным действиям против утверждения нового соглашения с АИНК.

Большинство избранных в результате повторных выборов в Тегеране депутатов были членами Национального фронта (НФ), небольшой политической организации, созданной осенью 1949 г. Лидером НФ и беспрекословным авторитетом для последователей этой ставшей популярной организации был д-р Мохаммед Мосаддык. Первоначально основными лозунгами НФ были требования о демократизации общественно-политической жизни в стране. Однако добившись избрания группы членов НФ и их единомышленников в меджлис, д-р Мосаддык внес важное изменение в программу НФ. В первых же своих выступлениях в меджлисе он, отдавая приоритет вопросу о нефти, стал утверждать, что лишь увеличение доходов от нефти и восстановление прав Ирана на южную нефть⁴¹ могут дать возможность разрешить экономические и социальные проблемы страны⁴².

Выдвинутые НФ лозунги в условиях подъема рабочего движения и расширения массовых выступлений средних городских слоев за ликвидацию АИНК приобрели общенациональное звучание. Разгром прогрессивных организаций иранскими властями в конце 40-х годов и ряд других обстоятельств дали возможность лидерам НФ на первых порах полностью захватить руководство развертывавшимся антиимпериалистическим движением за национализацию АИНК.

Представители НФ и их сторонники, опираясь на массовое антиимпериалистическое движение, добились отклонения меджлисом дополнительного соглашения с АИНК. Вслед за этим 8 марта 1951 г. специальная нефтяная комиссия меджлиса приняла резолюцию, одобрявшую предложение представителей НФ о национализации нефтяной промышленности Ирана.

Правящая верхушка во главе с шахом не решалась в этот период пойти на конфронтацию с массовым антиимпериалистическим движением и была вынуждена маневрировать. Воспользовавшись ослаблением политических позиций правящей верхушки, функционеры находившейся в подполье Народной партии Ирана и близкие к ним профсоюзные и общественные деятели развернули активную работу по организации выступлений трудящихся за национализацию АИНК и демократизацию общественно-политической жизни страны. Действия Народной партии и примыкавших к ней организаций содействовали упрочению позиций Мосаддыка и его соратников, одновременно толкая их на более решительные действия против АИНК и проимпериалистической политики иранской верхушки. Национальный фронт широко пользовался в начальный период движения также поддержкой появившихся на политической арене в послевоенный период буржуазных и мелкобуржуазных партий и группировок, включая «Федаяне ислам».

Опираясь на эти организации и на широкое антиимпериалистическое и демократическое движение, Мосаддык добился утверждения меджлисом (28 апреля 1951 г.) законопроекта о национализации нефтяной промышленности Ирана. На следующий день Мосаддык был назначен премьер-министром.

Годы пребывания у власти правительства Мосаддыка, выразителя интересов национальной буржуазии, ознаменовались значительным ростом политической активности основных слоев иранского города. Крестьянство, наиболее многочисленная часть самостоятельного населения страны, было менее активно, хотя в 1952—1953 гг. крестьянские выступления против феодалов и помещиков значительно участились. В целом же за весь период основным центром, где разворачивалась политическая борьба, оставались города, и прежде всего столица — Тегеран.

Результаты борьбы иранского народа против нефтяного империализма (фактически против правящих кругов США и Англии) во многом зависели от позиции иранской верхушки, состоявшей из шахского двора, крупных землевладельцев, а также представителей торговой буржуазии. Правящая верхушка, вынужденная под напором широкого народного движения передать формально власть представителям национальной буржуазии, была настроена к империализму соглашательски и не одобряла решительный непримиримый курс Мосаддыка в отношении АИНК и в целом его политику в нефтяном вопросе. Осознав это, Мосаддык вынужден был вести борьбу против шахского двора и проимпериалистических кругов. Он добивался установления контроля над армией, полицией и жандармерией, чтобы приобрести реальную силу и власть.

В своей борьбе против шахского двора и проимпериалистических группировок Мосаддык опирался на мощь массового движения рабочих, средних городских слоев и национальной буржуазии. Однако он недооценивал значения общественно-политической организации и, став премьер-министром, содействовал ослаблению НФ на том основании, что некоторые члены этой небольшой организации отказывались поддерживать его политический курс. Мосаддык возражал против официального вхождения в НФ каких-либо организаций или партий. Тем не менее руководители партии «Иран», объединившей небольшую группу представителей технической интеллигенции, были самыми устойчивыми приверженцами Мосаддыка. В целом недопонимание значения массовой политической партии в борьбе за власть и отказ от создания подобной организации были одними из самых значительных просчетов Мосаддыка.

Большой урон делу упрочения позиций Мосаддыка наносили его взаимоотношения с левыми течениями и выразившими их интересы организациями. В годы пребывания у власти правительства Мосаддыка запрет на деятельность НПИ снят не был, тем не менее в условиях подъема антиимпериалистическо-

го и демократического движения партии удалось заметно активизировать свою деятельность. Она сумела перейти фактически на полулегальное положение. Созданные при самом деятельном участии функционеров этой партии общественно-политические, профсоюзные, молодежные и другие организации играли заметную роль в углублении антиимпериалистического и демократического движения. Мосаддык и его единомышленники, как это было, например, в июльские дни 1952 г.⁴³, временами пользовались поддержкой прогрессивных организаций. Однако ни Мосаддык, ни его соратники не внимали призывам НПИ о необходимости создания единого фронта антиимпериалистических сил. Национальная буржуазия почти ничего не сделала для привлечения на свою сторону крестьянства и этим лишила правительство активной поддержки иранской деревни, а тем самым и армии. В подобной линии поведения воплотилось мировоззрение Мосаддыка, выходца из среды феодальной аристократии, его отрицательное отношение, его недоверие к прогрессивным течениям и организациям, его стремление применять тактику балансирования в отношении внутренних политических сил — левых и правых. Подобная тактика в конечном счете оказалась губительной как для правительства Мосаддыка, так и для иранского движения в целом.

Вместе с тем нельзя не принять во внимание и некоторые тактические просчеты и промахи НПИ — подлинного руководителя прогрессивных сил страны. Как впоследствии было отмечено в документах НПИ, политика руководства партии в отношении Мосаддыка и его правительства порой мало содействовала становлению единого фронта антиимпериалистических и демократических сил, а порой скорее усиливала их разобщенность.

Рассматривая те негативные факторы, которые вели к разобщению сил, выступавших против империализма, нельзя не обратить внимание и на позицию правонационалистических, в социальном плане в основном мелкобуржуазных группировок.

Так, Партия трудящихся Ирана, созданная Мозаффаром Багаи, Национально-социалистическая партия рабочих Ирана (СУМКА), «Паниранизм» и некоторые другие, появившиеся на политической арене в конце 40-х годов, в начальный период движения активно выступали за национализацию нефтяной промышленности Ирана. Однако многие из этих партий значительную часть своих усилий направляли на борьбу против НПИ и примыкавших к ней прогрессивных организаций. Более того, по мере углубления демократического движения и возрастания популярности НПИ, что стало особенно заметным после июльских событий 1952 г., большинство правонационалистических и псевдосоциалистических партий в принципе переметнулись в лагерь придворно-проимпериалистических кругов.

На консолидацию антинациональных и реакционных сил в Иране прямое содействие оказывали правительства США и

Великобритании. В феврале 1953 г., еще до официального прихода к власти в США республиканцев, во время встречи будущего государственного секретаря США Дж. Ф. Даллеса с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом была достигнута договоренность о совместных англо-американских акциях по отстранению от власти д-ра Мосаддыка и его соратников. Представители США и Великобритании не только сыграли ведущую роль в объединении реакционных сил Ирана под эгидой шахского двора, но и принимали непосредственное участие в разработке и осуществлении августовского переворота 1953 г., приведшего к отстранению от власти правительства Мосаддыка.

После августовского переворота 1953 г. начался новый период в иранской истории. Отличительными его чертами стали восстановление и укрепление власти шахского двора, полуфеодалных помещиков и прозападно настроенной крупной, в основном торговой, буржуазии. В управлении страной заметную роль начали играть бюрократическая буржуазия и верхушка армии, внесшая значительный «вклад» в осуществление августовского переворота.

В новых условиях нефтяные монополии и правительство США взяли на себя главную роль в борьбе за восстановление господства Запада над иранской нефтью. Для эксплуатации и экспорта иранской нефти транснациональные нефтяные компании создали так называемый Международный нефтяной консорциум (МНК), который обязался представить Ирану в целом 50% прибыли от продажи сырой нефти. Соглашение Ирана с МНК представляло собой новую разновидность концессии, предоставленной ранее АИНК, и сводило на нет закон о национализации иранской нефти, утвержденный иранским парламентом в 1951 г. С заключением соглашения с МНК открылась новая страница в социально-экономической истории Ирана. Начался период неокOLONиалистской экспансии, главную роль в которой играли США и Англия. Основное усилие мирового империализма в этот период было направлено на то, чтобы, укрепляя связывающие его с Западом политические и экономические узы, превратить Иран в своего послушного партнера. Это должно было обеспечить Западу свободную эксплуатацию главного богатства страны — нефти. Реализация указанной стратегии была воплощена в таких актах, как вступление Ирана в агрессивный Багдадский (впоследствии СЕНТО) пакт (1955 г.), соглашение с США о гарантиях американских частных капиталовложений в Иране (1957 г.), присоединение к «доктрине Эйзенхауэра» (1958 г.), заключение с США двустороннего военного соглашения (1959 г.) и т. д.

Упрочение позиций империалистических держав происходило в условиях, когда правящие круги, и особенно обладавшая большим политическим опытом аристократия, всемерно содей-

ствовали укреплению власти шаха. Без каких-либо существенных конституционных реформ меджлис был фактически лишен своих основных законодательных прав и права контроля над деятельностью органов исполнительной власти. Меджлис стал послушным орудием в руках шахского двора и правительства. Все инакомыслящие подвергались властями жестоким преследованиям и гонениям. Созданная в 1957 г. новая широкоразветвленная организация тайной полиции — САВАК стала главным центром по борьбе с прогрессивными элементами и оппозицией.

Все эти меры, включая помощь США и других правительств Запада, оказали значительное содействие сохранению власти шаха и иранской верхушки, но они были не в состоянии способствовать выходу Ирана из состояния экономической и социальной отсталости. Вместе с тем проводимая правительством Манучехра Эгбала (возглавил правительство в начале апреля 1957 г.) в угоду иностранным монополиям и иранской compradorской буржуазии политика «открытых дверей» усилила экономический спад и привела к еще большему ухудшению материального положения широких масс. Резкое недовольство политикой правящих кругов охватило не только широкие трудящиеся массы и средние городские слои, но и значительную часть национальной буржуазии.

Намереваясь предотвратить массовые социально-политические выступления, иранские власти в конце 50-х годов пошли на некоторые уступки в отношении буржуазной оппозиции. Была разрешена легальная деятельность некоторых буржуазных и мелкобуржуазных партий и групп. Одновременно иранская верхушка, желая создать иллюзию демократизации политической системы в Иране, разработала план о создании из представителей правящих группировок двух политических партий — «Меллион» («Националисты») и «Мардом» («Народ»), которые возглавили деятели, близкие к шаху: «Меллион» — премьер-министр М. Эгбаль, «Мардом» — Асадулла Алям, выходец из крупного феодального рода. Этим партиям не удалось завоевать популярность у широкой общественности, и их основные усилия были направлены на борьбу за места в парламенте. Эта борьба, обострившаяся в период предвыборной кампании в меджлис XX созыва (1960—1961) приобрела скандальный характер, что привело к фактическому распаду партий, хотя «Мардом» в 1963 г. возобновила свою деятельность.

Соперничество между правящими группировками оказалось на руку оппозиции, представители которой расширили свою политическую деятельность. Национальный фронт в этот период приобрел характер антиправительственной коалиции, в которую входили (или примыкали) партия «Иран», Партия трудящихся Ирана, группа псевдосоциалиста Халила Малеки, группа «Движение за свободу Ирана», возглавляемая М. Базарганом. В своих программных документах ИФ выступал за проведение

Ираном позитивной нейтралистской внешней политики и за выход из СЕНТО, за установление в стране законной власти путем всеобщих и свободных выборов, а также за восстановление демократических свобод, предусмотренных иранской конституцией и Декларацией прав человека ООН.

В 1962 г. Национальный фронт открыто выступил против правительства А. Аляма, объявив его незаконным, так как оно было сформировано по указанию шаха после двукратного (в 1960 и 1961 г.) вынужденного роспуска парламента, когда были допущены очевидные злоупотребления и фальсификация. Правящая верхушка приступила к тайным переговорам с умеренными деятелями из НФ, развернув одновременно широкие репрессии против устойчивых оппозиционеров, что привело вскоре к прекращению активной политической деятельности НФ. Многие руководители фронта вновь оказались за решеткой.

В условиях социально-политического кризиса конца 50-х — начала 60-х годов иранское правительство приступило к осуществлению комплекса реформ (с 1962 г.), важнейшей из которых была аграрная реформа, нацеленная на ликвидацию крупного полуфеодалного землевладения и расширение удельного веса крестьянских хозяйств. К середине 60-х годов власти выдвинули концепцию об индустриализации страны как важнейшую меру для преодоления экономической отсталости. Средством, позволявшим иранским властям сделать значительные капиталовложения для развития тяжелой промышленности и экономической инфраструктуры, явились все возрастающие поступления от иранской нефти⁴⁴.

Осуществляемые с начала 60-х годов реформы привели к значительным социальным сдвигам. Полуфеодалные помещики, главная социальная опора режима в прошлом, сошли с политической авансцены. В годы реализации реформ в Иране социальное содержание власти изменилось. Если в дореформенный период политическая власть осуществлялась деятелями, которые представляли интересы полуфеодалных помещиков и компрадорской буржуазии, то в пореформенный период их место заняли представители бюрократической и крупной предпринимательской (промышленной и банковской) буржуазии. Верхушка армии, помещики и растущая сельская буржуазия также входили в число правящих прослоек иранского общества, которые составляли социально-политическую опору шахского режима.

В целом же социальной силой, занявшейся активным проведением в жизнь шахских реформ, стала бюрократическая буржуазия, ведущие деятели которой были выходцами из среды иранской аристократии. Первоначально интересы этой части иранской буржуазии выражала созданная Хасаном Али Мансуром группа «Прогрессисты». В конце 1963 г. при поддержке шаха Мансур создал партию «Иране новин» («Новый Иран»), ру-

ководству которой вскоре было поручено формированию нового правительственного кабинета.

С приходом к власти партии «Иране новин» тоталитарно-бюрократические черты шахского режима стали носить преобладающий характер. Новое правительство допускало функционирование лишь тех партий, которые связывали свою деятельность с упрочением «шахиншахской системы» (т. е. монархического режима), с осуществлением провозглашаемой двором программы реформ, а также одобряли проводимый им внешне-политический курс.

Партии «Мардом», возобновившей свою деятельность, была отведена роль «лояльной оппозиции». Менее значительное место в политической структуре страны занимала крайне националистическая партия «Паниранисты», которая время от времени призывала власти проводить в отношении стран Арабского Востока более «решительную» политику. Однако когда партия «Паниранисты» выступала с критикой в адрес правительства, согласившегося разрешить вопрос о политическом статусе Бахрейна путем волеизъявления самих жителей острова, она была запрещена и распущена.

Шахский режим уделял особое внимание рабочему вопросу, учитывая, что в связи с расширением промышленного строительства увеличивается численность пролетариата и он превращается в более значимую социальную силу. Организация рабочих Ирана, созданная правительством и партией «Иране новин», настойчиво осуществляла курс на установление своего контроля над всеми рабочими и стремилась не допустить какого-либо влияния на рабочие организации даже своего «лояльного» соперника — партии «Мардом». При этом для утверждения своего влияния на пролетариат и с целью стимулирования роста производительности труда правящие круги разработали и включили в программу так называемой «революции шаха и народа» ряд извлеченных в принципе из идейного арсенала буржуазного реформизма и социал-реформизма реформ, которые, по утверждению официальной пропаганды, вели к кардинальному улучшению положения рабочих⁴⁵.

Вместе с тем власти продолжали активизировать тотальное преследование подозреваемых в нелояльности к правящим кругам, и прежде всего к шаху. В этом особую активность проявляли сотрудники САВАК, деятельность которой контролировалась лично шахом. Сотрудники и агенты САВАК вели систематическую борьбу против всех инакомыслящих иранцев как в стране, так и за рубежом, где обучались иранские студенты.

Шах и его окружение из среды бюрократической буржуазии не только не допускали даже мысли о демократизации политической жизни в стране, а, наоборот, вели линию на упрочение авторитарно-бюрократической политической системы. С этой целью в начале марта 1975 г. по директиве шаха деятельность

всех трех лояльных к режиму легальных буржуазных партий была приостановлена. Было объявлено о переходе к однопартийной системе и о создании партии «Хезбе растахизе меллате Иран» («Партия возрождения иранской нации»). Идеино-политической основой партии «Растахиз» были провозглашены «шахиншахская система», программа «революции шаха и народа» и иранская конституция. Кстати, шах и приближенные грубо нарушали основные положения иранской конституции. Это находило выражение, в частности, в создании не предусмотренных конституцией государственных учреждений, которые подчинялись шаху, содействовали чрезмерному усилению его личной власти. Помимо этого, представители царствующей фамилии, братья и сестры шаха, в нарушение конституции принимали непосредственное участие в разработке и осуществлении государственной политики.

Деятельность партии «Растахиз» щедро субсидировалась из государственного бюджета. Руководящие деятели и функционеры партии укомплектовывались из среды бюрократической буржуазии. Главной в деятельности партии была пропаганда в пользу законности и исторической необходимости «шахиншахской системы». С этой целью прилагались большие усилия, чтобы обосновать надклассовый характер шахской власти.

Однако целый комплекс политических, социальных и экономических реформ, новый эксперимент «партийного строительства» сверху и в целом планы упрочения «шахиншахской системы» потерпели крах. Основные причины этого заключались в следующем: в условиях, когда уровень жизни 54% иранских семей оставался ниже порога бедности⁴⁶, для реализации реформ, внешне нацеленных на улучшение материального положения трудящихся классов, социально-экономическая база просто отсутствовала. Шах и другие руководители иранской политики утверждали, что в стране закладывается основа общества социальной справедливости и что чрезмерно возросшие доходы от нефти используются в интересах всех классов и слоев общества. В то же время иранская действительность все ярче свидетельствовала, что начавшийся к середине 70-х годов в результате чрезвычайных нефтяных доходов финансовый и экономический бум вел к обогащению крупной буржуазии и увеличивал социальную диспропорцию. Немало вреда социальному развитию иранского общества наносила антинародная политика в области военно-экономических связей с Западом. Иранское правительство расходовало свои нефтедоллары в интересах западных монополий, осуществляя импорт технологии, промышленного оборудования и военной техники без учета реальных возможностей инфраструктуры и экономики страны, без учета подлинных национальных интересов Ирана. В результате этого финансовый бум в Иране обернулся крайне выгодным бизнесом для западных монополий.

С 1962 г. в официальной пропаганде аграрной реформе отводилось видное место. Однако на деле аграрная реформа не оказалась благом для иранского крестьянства и не привела к установлению обещанной социальной справедливости, под флагом которой она проводилась. Более того, в условиях ускоренного развития капиталистических отношений в деревне положение безземельного (23% сельских жителей) и малоземельного (32% крестьян-собственников владели участками до 1 га, 13% — до 1—2 га)⁴⁷ сельского населения ухудшилось. Многие малоземельные и маломощные крестьянские хозяйства оказались обреченными на разорение, тем более что в период значительного роста доходов от нефти государство взяло курс на поощрение крупных частных капиталовложений в сельскохозяйственное производство, отказываясь от расширения помощи мелким крестьянским хозяйствам. В результате к началу 70-х годов чрезмерно увеличилась миграция сельского населения в большие города, ведя к резкому увеличению численности городских пауперов. Социальная напряженность быстро нарастала. Положение осложнялось еще тем, что в условиях огромного роста нефтяных поступлений начался невиданный в истории страны разгул казнокрадства, коррупции и незаконных финансовых операций, охвативший всю иранскую элиту, включая членов шахской фамилии и верхушку армии.

Негативное воздействие упомянутых социально-экономических и политических факторов к 1977 г. как бы слилось воедино, что было равносильно появлению симптомов революционной ситуации. Отчасти в силу чрезмерно быстрого роста импорта и государственных закупок (главным образом в США, Японии и Западной Европе) к весне 1977 г. инфляция и рост цен достигли 30—40%⁴⁸. Многие наметки пятого плана развития остались невыполненными. Провал социальных и политических реформ становился явным.

Желая смягчить недовольство общественности, в августе 1977 г. шах сместил с поста премьер-министра А. А. Ховеиду, возглавлявшего иранское правительство со времени гибели Х. Мансура в начале 1965 г. Премьером был утвержден Дж. Амузгар. Шумными политическими кампаниями, расширением масштабов промонархистской и великодержавной пропаганды правящая верхушка пыталась предотвратить рост оппозиционных настроений. Однако некоторые из предпринимаемых властями акций были способны скорее нагнетать политическую обстановку, чем содействовать стабилизации внутреннего положения. Таковой была организованная шахом, руководством партии «Растахиз» и правительством кампания «по борьбе» с инфляцией и дороговизной. Вместо того чтобы раскрыть подлинные причины инфляции в Иране и пересмотреть свою экономическую и социальную политику, шах и его окружение приступили к организованной борьбе с мелкими торговцами и ре-

месленниками, выдавая их чуть ли не за главных виновников инфляции и дороговизны. Во время указанной кампании тысячи торговцев и ремесленников были заключены в тюрьмы, сосланы и оштрафованы. Одновременно власти расширили масштабы репрессий и преследований в отношении недозвольных. Деятельность гражданского суда была сведена на нет. Военные трибуналы были беспощадны в отношении противников режима. Имели место десятки случаев, когда члены оппозиционных организаций были убиты сотрудниками САВАК якобы из-за оказываемого при аресте представителям власти сопротивления и т. п. Однако все эти меры к желаемым для правительства результатам не привели, а скорее содействовали росту негодования действиями властей. Важной особенностью сложившейся ситуации было то, что повлекшие социально-политический кризис факторы (рост цен, инфляция, безработица, обострение жилищного вопроса и др.) продолжали сохранять свое значение. В то же время правящие круги были не в состоянии разрешить эти проблемы или серьезно ослабить их влияние на политическую ситуацию. Шаху и его кратуре казалось, что САВАК, полумиллионная армия, жандармерия и полиция в состоянии предотвратить любые возможные оппозиционные выступления против режима.

Антимонархическая и антиимпериалистическая революция 1978--1979 гг. ознаменовала собой важнейшую веху в общественно-политической истории Ирана после 1945 г.

В конце 1977 г. произошли события, свидетельствовавшие о росте недовольства политикой усиления авторитарных методов управления, проводимой шахским режимом. 15 ноября 1977 г. начались антиправительственные волнения студентов в политехническом университете «Арьямехр», которые на следующий день перекинулись на крупнейший в стране Тегеранский университет. Студенты требовали демократизации общественно-политической жизни и выдворения с университетской территории представителей САВАК. Волнения в Тегеранском университете продолжались в течение нескольких недель. Во время подавления этих выступлений полицией и армейскими подразделениями было убито несколько десятков студентов.

4 января 1978 г. руководство партии «Растахиз» устроило в Тегеране «чрезвычайный» съезд, на котором присутствовало около 4 тыс. человек. Основное место в работе съезда занимало осуждение студенческих выступлений. Съезд предложил лишить права на получение высшего образования тех молодых людей, которые не признают полностью принципы партии «Растахиз», а также «изменяют» идеалам «шахиншахской системы»⁴⁹.

Через три дня после окончания съезда в религиозном центре — городе Куме — состоялась антиправительственная демонстрация горожан — учащихся религиозных училищ, духовных

лиц и представителей средних городских слоев. Демонстранты потребовали смещения правительства и прекращения полицейского произвола в отношении оппозиционных деятелей.

Попытка правящей верхушки путем распространения фальсифицированных публикаций дискредитировать некоторых известных противников режима⁵⁰ вызвала 9 января новую волну массовых выступлений в Куме. В ходе этой манифестации выдвигалось требование об упразднении монархии и восстановлении конституционных норм. Манифестация в Куме была жестоко подавлена. Не менее 60 ее участников были убиты, сотни ранены⁵¹.

18 и 19 февраля 1978 г. в Тебризе произошло антиправительственное восстание, в котором приняли участие около 100 тыс. человек. Одни группировки выдвигали левые и демократические лозунги, в то время как другие выступали против властей под флагом исламских принципов справедливости. При подавлении восстания полиция, жандармерия и армейские части использовали танки, бронемашину и вертолеты. Сотни демонстрантов были убиты и ранены⁵².

Студенческие волнения ноября 1977 г., январские манифестации 1978 г. в Куме и особенно тебризское восстание в феврале 1978 г. свидетельствовали о наступлении глубокого социально-политического кризиса в Иране и о начале открытой конфронтации между народными массами и правящими кругами. Вслед за этими событиями последовала целая серия городских волнений, которые, несмотря на наличие периодов отлива и вопреки всем маневрам шахского режима, имели нарастающий характер.

Самыми активными участниками городских волнений (за исключением студенческих выступлений 1977 г.) вплоть до конца августа 1978 г. были «традиционные» средние городские слои, связанная с ними прослойка рабочих, а также пауперы. Эта особенность наложила сильный отпечаток на характер и политическую направленность иранской революции, особенно в первый период ее развития. Превращение Ирана в полицейское государство и узурпация шахом суверенных прав народа, усиление засилья империалистического Запада толкали многих на путь активной борьбы против властей. Однако в том, что шиитское духовенство было с самого начала активно вовлечено в революционное движение, огромную роль сыграло то обстоятельство, что застрельщиками антиправительственных выступлений стали «традиционные» средние городские слои и близкие к ним по своей общественной психологии социальные группы, сохранявшие большую привязанность к исламу.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что включение иранского пролетариата осенью 1978 г. в революционное движение имело, по существу, решающее значение для исхода борьбы с шахским режимом. Выступления рабочих, и особенно забастовки рабо-

чих-нефтяников, парализовали деятельность правительства и военных властей.

Нельзя недооценивать и то, что февральское вооруженное восстание 1979 г., нанесшее завершающий удар по шахскому режиму, было осуществлено при активном участии левых оппозиционных группировок: «Федаяне халг» — организации «городских партизан» и «Муджахидине халг». Значительный вклад в победу революции внесла Народная партия Ирана, понесшая огромные потери в борьбе с шахским режимом.

В результате победы революции в Иране была упразднена монархия и в стране была провозглашена республика. Победа иранской революции привела к развалу агрессивного пакта СЕНТО и к значительному ослаблению военно-политических и экономических позиций США на Среднем Востоке. Иран получил реальную возможность освободиться от засилья империалистических держав Запада.

ИРАН В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИИ

Иран во все периоды своей истории был достаточно отчетливо вписан в систему мировых экономических и политических отношений⁵³.

Почти весь XIX в. для Ирана прошел под знаком постепенного превращения его из субъекта международных отношений и связей в объект таковых. В ходе ожесточенного колониального соперничества Британской империи и царской России уже к концу XIX — началу XX в. Иран был превращен в аграрно-сырьевой придаток империализма и рынок сбыта товаров иностранных компаний. Такое «вписывание» Ирана в мировую политику и экономику произошло еще до его превращения в одну из первых нефтедобывающих стран мира и первую такую страну на всем Востоке (1908 г.). Дальнейшее ожесточение империалистической борьбы привело к тому, что в годы первой мировой войны Иран превратился, как отмечал В. И. Ленин, в полуколонию, на девять десятых в колонию (1915 г.)⁵⁴.

Принципиальное изменение международного положения Ирана было связано с победой Великой Октябрьской социалистической революции в России, провозглашением и проведением в жизнь ленинских принципов внешней политики. Благодаря этому 20—30-е годы иранской истории прошли под знаком восстановления поправного политического суверенитета и формирования экономического курса, нацеленного на преодоление экономической отсталости. В эти годы главным экономическим фактором, связывавшим Иран с мировым хозяйством, стала нефть, добыча и экспорт которой осуществлялись иностранным капиталом в лице Англо-иранской нефтяной компании. В ка-

честве главного внешнеполитического ориентира господствующие классы страны избрали английский империализм.

В течение всех последующих десятилетий нефть оставалась главным фактором, который определял роль Ирана в мировом хозяйстве, хотя расширявшийся внутренний рынок на товары как производственного, так и потребительского назначения усиливал интерес монополий международного империализма к Ирану как к рынку сбыта.

В 30-е годы в качестве главного политического ориентира Ирана была избрана гитлеровская Германия, что в конечном счете привело Реза-шаха к политическому краху — в сентябре 1941 г. он отрекся от престола.

После второй мировой войны значимость указанных выше экономических факторов возрастала, а главным политическим ориентиром при формировании военно-политического союза с империализмом стали США⁵⁵.

Это время отмечено началом третьего этапа общего кризиса капитализма — произошло образование социалистического лагеря, начался процесс деколонизации, который в послевоенные годы охватил прежде всего страны Азиатского континента. Внешняя политика вновь образовавшихся государств стала носить антиимпериалистический характер.

Стремление международного империализма не допустить поворота освободившихся государств к сближению с социалистическим лагерем побудило его широко использовать как экономические рычаги воздействия на развивающиеся страны (потребность в займах, кредитах и безвозмездных субсидиях), так и использовать для достижения этих целей международные органы (МБРР, МВФ). Безусловно, что предоставление тех или иных видов содействия молодым государствам для решения экономических вопросов оговаривалось рядом политических условий.

В начале 50-х годов Иран представлял собой экономически отсталую страну, которая по основным экономическим показателям была позади таких сопоставимых по населению стран региона, как Египет и Турция. Главное богатство Ирана — нефть, по добыче которой он занимал одно из ведущих мест в мире (в 1950 г. 32,3 млн. т), находилось под контролем британского капитала в лице Англо-иранской нефтяной компании. Экспорт нефти составлял более 90% ее добычи.

Подъем национально-демократических движений в Иранском Азербайджане и Курдистане, а затем и общенациональная кампания за национализацию АИНК определяли неустойчивость внутренней политической ситуации и могли привести к демократизации иранского общества и усилению антиимпериалистических направлений во внешней политике.

Стремление правящих кругов преодолеть отсталость сочеталось с желанием не допустить распространения в стране де-

мократических и коммунистических идей и ускорить развитие капиталистических отношений. Именно исходя из этого, иранские правящие круги, используя появившиеся международные возможности, пошли прежде всего на развитие связей с капиталистическими странами. В 50-е годы, особенно после переворота 1953 г., наиболее тесным образом Иран стал сближаться с США, которые еще во второй половине 40-х годов начали оказывать ему финансовую и военно-техническую помощь.

Таким образом, 50-е — начало 60-х годов (особенно начало 50-х годов) можно определить как первый этап формирования международных позиций Ирана в новых послевоенных условиях, когда все еще действовали «изначальные варианты неокOLONИАЛИСТСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ АМЕРИКАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА ВРЕМЕНИ СМЕНЫ КОЛОНИАЛИЗМА НЕОКОЛОНИАЛИЗМОМ И УВЕРЕННОСТИ ИМПЕРИАЛИЗМА В ЕГО СПОСОБНОСТИ ДИКТОВАТЬ СВОЮ ВОЛЮ СЛАБОРАЗВИТЫМ СТРАНАМ»⁵⁶. Для экономических связей империалистических держав с Ираном в этот период суждение американского финансиста А. Миллс — «стремление к промышленной обеспеченности Персии представляло бы неразумную экономическую политику и явилось бы дорогой жертвой национализму»⁵⁷ — во многом оставалось своеобразным руководством к действию. Развитие производительных сил происходило главным образом в инфраструктурных отраслях экономики (в основном в дорожном строительстве) и представляло собой по преимуществу побочный результат корыстных интересов господствующих классов и империализма⁵⁸. На этом этапе возобладали односторонняя ориентация на развитие связей с капиталистическими странами, и прежде всего с США. Так, в 1954 г. была передана в концессию международному нефтяному консорциуму нефтяная промышленность Ирана, в 1955 г. Иран вступил в Багдадский пакт (с 1959 г. СЕНТО), в 1955 г. был принят закон о привлечении и защите иностранных капиталовложений, в 1959 г. подписано ирано-американское военное соглашение.

В эти годы в политическом плане Иран занял четкие империалистические позиции: «холодная война» против СССР и стран социалистического содружества, политическая изоляция от большинства развивающихся государств.

Отношение Запада к Ирану преследовало цель втянуть его в орбиту своей внешней политики, удержать в системе капиталистического хозяйства, сохранить под своим контролем нефтяные источники и поддержать сложившийся там антикоммунистический режим.

Однако итоги 50-х годов, нашедшие свое выражение в тяжелом экономическом и социально-политическом кризисе, поразившем страну в начале 60-х годов⁵⁹, сделали очевидным для правящих кругов Ирана, что курс односторонней ориентации на Запад чреват для них политическим и экономическим крахом. Поэтому с осени 1962 г. начался поворот Ирана в сторону рас-

ширения отношений с СССР и другими социалистическими странами. Это знаменовало собой развитие нового этапа формирования позиций Ирана в системе международных отношений послевоенного периода.

Отношения с Советским Союзом активизировались после подписания в 1963 г. советско-иранского соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве. Вскоре после этого были расширены на новой основе торгово-экономические связи с НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СРР, СФРЮ и ЧССР. Двусторонние отношения Ирана с социалистическими странами характеризовались развитием прежде всего экономических связей, при крайне незначительных культурных и спортивных, равно как и связях в других областях. В целом ряде важных международных вопросов Иран не раз занимал позицию, близкую к позиции социалистических стран (нераспространение ядерного оружия, создание безатомных зон и др.).

Отношения Ирана с империалистическими странами в 60-е годы продолжали расширяться, при этом наибольшее развитие получали экономические связи. Этому явлению способствовал пересмотр внешнеэкономической политики империализма, провозглашение декады развития ООН, а конкретно для Ирана — признание его страной с «достаточно стабильным политическим режимом», экономика которой по мере своего развития превращалась во все более привлекательное поле деятельности для иностранных предпринимателей. Последнему в немалой степени способствовала проводившаяся кампания внутренних реформ, известных как «белая революция» (в последующем «революция шаха и народа»), главное место в которых отводилось аграрной реформе. Значительную роль в оживлении предпринимательской деятельности стали играть иностранные инвесторы.

Если в 50-е годы внешние связи Ирана почти полностью были монополизированы США, то в 60-е годы активизировались экономические связи Ирана прежде всего с капиталистическими странами Европы, а со второй половины 60-х годов и с Японией. Суммарные вложения иностранных инвесторов за 1963—1970 гг. составили уже 135 млн. долл.⁶⁰

Эти годы отмечены также попыткой добиться сближения с развивающимися государствами [образование в 1960 г. Организации стран — экспортеров нефти и в 1964 г. — организации «Региональное сотрудничество для развития» (РСР)], началом экспорта капитала в ссудной и инвестиционной формах.

Своеобразие отношений Ирана с развивающимися государствами заключалось в его членстве в СЕНТО, которое по времени образования совпало с зарождением движения неприсоединения (Бандунгская конференция 1955 г.). Став членом агрессивного блока и проводником империалистической политики в регионе, Иран тем самым создал барьер между собой и

большинством развивающихся государств, внешняя политика которых основывалась на принципе неприсоединения. Таким образом, в отношениях Ирана с развивающимися странами доминирующими стали не политические, а экономические связи.

Высокие темпы развития нефтяной промышленности в 60—70-е годы и постоянный рост экспорта нефти во все большей степени определяли положение Ирана в мировой экономике прежде всего как страны нефтедобывающей. Доля Ирана в добыче нефти превышала 16%, а экспорт составлял около 20% мирового (второе место после Саудовской Аравии)⁶¹.

Еще большее значение для определения позиции Ирана в мировых хозяйственных связях имело следующее обстоятельство. В 1977 г. иранская нефть занимала значительное место в импорте нефти всех капиталистических держав: США — 11%, Японии — 17,2, ФРГ — 16,2, Италии — 13,9, Великобритании — 20,7, Франции — 8, Канады 17,5%. Тогда же доля иранской нефти в импорте этого продукта странами «Общего рынка» составила около 16%. Примерно в это же время более 40% потребностей Норвегии и Дании в нефти удовлетворялось за счет Ирана, а Новой Зеландии — более 50%⁶². Свыше 50% нефти, ввозившейся в Израиль, шло из Ирана, а ЮАР за счет иранской нефти удовлетворяла 90% своих потребностей в ее импорте.

Немаловажное значение имел ввоз иранской нефти и для развивающихся государств. Около 50% экспорта иранской нефти шло в освободившиеся страны Азии и Африки.

Таким образом, Иран занимал видное место в мировой экономике, хотя как по доле в мировом экспорте прочих товаров, так и по доле в мировом импорте его позиции, по существу, оставались незначительными.

Не удивительно, что увеличение добычи нефти и особенно четырехкратное повышение цен на нее в 1974 г. привели к резкому росту объема общественного продукта и позволили Ирану в отличие от подавляющего большинства развивающихся государств сократить свой разрыв относительно развитых стран по такому показателю, как национальный доход на душу населения.

К середине 70-х годов Иран стал обладателем значительных золотовалютных резервов, что в немалой степени определяло его положение в мировой экономике. Эти резервы с 324 млн. долл. в 1967 г. возросли до 8833 млн. долл. в 1976 г., что составляло 13,5% суммарных золотовалютных резервов нефтедобывающих стран. По этому показателю Иран уступал лишь Саудовской Аравии, на долю которой приходился 41%⁶³.

Возросший промышленный потенциал Ирана превратил его в поставщика на внешний рынок готовой промышленной продукции, доля которой в нефтяном экспорте страны возросла с 12,7% в 1969 г. до 24,6% в 1975 г.⁶⁴.

Мероприятия правящих кругов по развитию промышленности и активизация предпринимательской деятельности национальных и иностранных инвесторов (вложения последних в промышленность Ирана к 1975 г. составили 322,5 млн. долл.) превратили Иран к середине 70-х годов в производителя многих промышленных товаров (автомобили, холодильники, радио- и телевизионная аппаратура, текстиль, химикаты и т. д.). По ряду экономических показателей Иран сократил разрыв между собой и наиболее развитыми странами региона, а по некоторым и превзошел их.

Однако вплоть до конца 70-х годов преимущественное развитие имели производства, выпускавшие конечную продукцию. Производство промышленных товаров промежуточного использования заметно отставало. Процесс индустриализации не вышел за пределы, когда рост промышленного потенциала способен привести к снижению зависимости от импорта промежуточных и капитальных товаров. Одновременно все больше давала о себе знать научно-техническая зависимость Ирана от развитых капиталистических стран. Указанные обстоятельства стали наиболее важными факторами эндогенного характера, которые прибавляли новые штрихи к характеристике «вписывания» Ирана в мировую экономику.

В перспективе предполагалось создание весьма значительного промышленно-экспортного потенциала, способного адекватно заменить доходы от нефти по мере сокращения ее экспорта и использования сокращавшейся добычи нефти в качестве прежде всего нефтехимического сырья на внутреннем рынке.

Сохраняя прежние связи (экономические и политические) с Западом, в 70-е годы Иран стал приобретать в значительных количествах вооружение. Это могло быть оценено как появление и развитие еще одного вида связей с внешним миром — военных, проявившихся в двух аспектах: военно-экономическом и военно-политическом.

Убедившись в преданности шахского режима антикоммунистическим идеалам и во исполнение «гуамской доктрины», провозглашенной президентом США Р. Никсоном в 1969 г., начиная с 1971 г. США, а за ними Англия, Франция и ФРГ не только стали наращивать объем поставок в Иран военной техники, но и предоставляли ему даже новейшие образцы вооружений. Такими действиями Запад преследовал следующие цели:

добиться рециклирования нефтедолларов (только в 1978 г. Иран планировал истратить на вооружение около 10 млрд. долл.);

увеличить капиталовложения в военную промышленность и удерживать стабильные цены на вооружение;

превратить шахский Иран в жандарма Персидского залива и средневосточного региона;

обеспечить иностранное присутствие в Иране (в 1978 г. в

стране насчитывалось 43 тыс. американских граждан, которые были связаны с военными поставками).

Наконец, в 70-е годы в отношениях Ирана с Западом появилась еще одна важная линия связи — экспорт капитала в виде займов, даров и инвестиций развитым капиталистическим государствам. Известно, что Иран предоставил кредит Англии в размере 1,2 млрд. долл. (фактически выплачено 800 млн. долл.), Франции — 1 млрд. долл. (средства выделены на развитие промышленности по переработке сырья для атомных электростанций с последующими поставками его в Иран). Иран приобрел значительные пакеты акций в двух компаниях фирмы Круппа в ФРГ и создал с ней инвестиционную компанию (штаб-квартира в Цюрихе) по совместным капиталовложениям в третьих странах; приобрел более 40% акций итальянской нефтяной компании ЭНИ.

Произойшли и значительные изменения в отношении Ирана к развивающимся странам. Тенденция политической изоляции стала вытесняться тенденцией поисков экономических связей, а также все более частым участием шахского Ирана в подавлении национально-освободительного движения. Этим тенденциям способствовало относительное совпадение по времени трех факторов:

четырёхкратное повышение цен на нефть, что значительно увеличило валютно-финансовый потенциал Ирана (в середине 70-х годов он получал в среднем около 20 млрд. долл. от внешней торговли);

достижение иранской промышленностью того уровня развития, когда поиски рынков сбыта и сырьевых рынков превращаются в объективную потребность для дальнейшего экономического роста;

значительное наращивание военных поставок и начало создания современной отечественной военной промышленности, что превращало иранскую армию в наиболее сильную и технически вооруженную в регионе.

Деятельность Ирана как экспортера капитала в развивающиеся страны проявилась по трем направлениям: займы и помощь на двусторонней основе; помощь на многосторонней основе; инвестирование капитала.

С 1974 г. Иран подписал ряд соглашений об оказании финансового содействия на сумму 2975 млн. долл., что составляло 17,1% его доходов от нефти и 10,1% его валового национального продукта. Из приведенной суммы 2802 млн. долл. должны были быть предоставлены на двусторонней основе и 173 млн. долл. — на многосторонней. При этом доля Ирана в суммарной помощи стран ОПЕК составляла 32%, в том числе 40% на двусторонней основе и 7,2% — на многосторонней. Фактически же Иран в 1974 г. предоставил 600 млн. долл. (29% среди стран ОПЕК) на двусторонней основе и 2 млн. долл.

(0,3%) на многосторонней, обеспечив тем самым лишь 23,1% суммарной помощи стран — членов ОПЕК.

Как инвестор Иран подписал соглашения с Турцией (строительство бумажной фабрики с последующей поставкой ее продукции в Иран), с Индией (финансирование добычи железной руды) с Сенегалом (проект развития порта Дакар, строительство нефтеочистительного и нефтехимического заводов), с Венесуэлой (первичная переработка сахарного тростника).

Усилиями Ирана был создан Азиатский клиринговый союз (АКС), который включал Иран, Бангладеш, Индию, Непал, Пакистан и Шри Ланку. Штаб-квартира АКС находилась при Центральном банке Ирана. Расчеты могли производиться в национальных валютах стран-участниц, а также в специальной расчетной единице АМО (айшн манитри юнит)⁶⁵.

В 70-е годы активизировалось применение шахским Ираном силы в решении как его национальных, так и региональных задач. Достаточно вспомнить участие иранского экспедиционного корпуса в подавлении освободительного движения в Омане, оккупацию островов в Персидском заливе, готовность оказать военную и финансовую поддержку сомалийскому режиму во время войны на Африканском роге, готовность предоставить финансовую помощь правительству Заира во время подъема освободительного движения в провинции Шаба.

Такое участие шахского Ирана в решении региональных проблем, особенно африканских, способствовало сближению его политического курса с интересами египетского руководства, ставшего проводником империалистической политики в регионе.

Таким образом, в середине 70-х годов положение и роль Ирана в системе международных отношений характеризовались хорошо налаженными и разветвленными политическими, экономическими и военными связями с развитыми капиталистическими государствами, для которых Иран, оставаясь страной развивающейся, превратился в эффективный инструмент проведения империалистической политики в регионе.

В отношении развивающихся стран шахский Иран строил свою политику под действием факторов экономического и политического (антикоммунизм) характера, что привело к проявлению некоторых империалистических тенденций.

ПАКИСТАН

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Экономика Пакистана в первые годы после завоевания независимости характеризовалась крайней отсталостью, колониальной отраслевой структурой, низкими производительностью труда и нормой накопления, большой зависимостью от иностранного капитала. В экономике страны доминировали некапиталистические секторы. Капиталистический уклад был представлен в основном отдельными отраслями промышленного производства, в первую очередь хлопчатобумажной и пищевой; производство средств производства практически отсутствовало. В соответствии с этим промышленная буржуазия была развита слабо, и господствующие позиции в стране занимали помещики и торговцы¹.

В результате векового господства колонизаторов сельское хозяйство — основная отрасль экономики — переживало глубокий, затяжной кризис; обработка земли велась примитивными методами, по урожайности основных сельскохозяйственных культур Пакистан занимал одно из последних мест в мире, животноводство носило экстенсивный характер.

В промышленности преобладали мелкие, полукустарные предприятия, основанные на использовании ручного труда; доля продукции фабрично-заводской промышленности в конечном общественном продукте была мизерна — немногим более 2%, в то время как мелкой — почти 6%, т. е. современную промышленность Пакистану надо было создавать, по сути дела, заново². В этот период страна в огромной степени зависела от импорта оборудования и сырья; кроме того, многие отрасли национальной промышленности находились под контролем иностранного капитала, главным образом английского³. После раздела Британской Индии на территории, отошедшей к Пакистану, оказалось лишь 9,7% общего числа предприятий и 6,6% занятых на них рабочих⁴. При этом лишь около 40 предприятий можно было отнести к крупным.

Доставшаяся Пакистану после раздела система транспорта не обеспечивала необходимой связи даже в пределах одной провинции. Имея примерно четверть территории и пятую часть

населения всего Южноазиатского субконтинента, Пакистан унаследовал менее седьмой части железных и шоссейных дорог. Качество полученного подвижного состава было намного ниже среднего даже по сравнению с изношенным железнодорожным составом послевоенной Индии. Большая часть шоссейных дорог проходила параллельно железным дорогам, поэтому коммерческая ценность первых была невелика⁵. Еще хуже обстояло дело со средствами связи: подавляющее «число деревень не имеет почтовой связи, а телеграф и телефон являются предметами роскоши даже для городского населения»⁶.

В этих условиях темпы экономического роста Пакистана в первые годы после завоевания независимости были необычайно низкими. В колониальной Индии подсчета темпов роста не было. Метрополия была озабочена выкачкой из страны максимума ресурсов и получением других выгод, так что расчеты такого рода были не в интересах колонизаторов. Лишь сделанные сравнительно недавно подсчеты английского экономиста А. Мэддисона показали, что среднегодовые темпы экономического роста Индии составляли 1,1% в 1870—1913 гг. и 1,2% в 1913—1950 гг.⁷.

Дальнейшее развитие экономики страны требовало уделить первоочередное внимание подъему сельскохозяйственного производства, в котором было занято около 75% экономически активного населения. Именно рост этой отрасли должен был обеспечить продовольствием растущее население в других отраслях и областях жизни, а промышленность — во все возрастающих количествах сельскохозяйственным сырьем.

Несмотря на проведенные в 1950—1952 гг. аграрные преобразования, производительные силы в этой отрасли развивались крайне медленно и воспроизводство продолжало осуществляться на прежней полуфеодальной основе. Земледелие основывалось на примитивной ручной технике, тягловой силе рабочего скота и отсталых методах агрикультуры. Лишь отдельные помещики и незначительная часть состоятельного крестьянства использовали в своих хозяйствах улучшенную земледельческую технику, применяли минеральные удобрения⁸. Среднегодовые темпы сельского хозяйства составляли в 50-е годы 1,6%, что, по существу, означало падение среднедушевых размеров сельскохозяйственного производства⁹.

Большое влияние на застой в сельском хозяйстве оказали неурожай 1951—1953 и 1956—1957 гг. В условиях стагнации сельскохозяйственного производства с особой остротой встала продовольственная проблема, которую правящие круги стремились решить путем импорта продовольствия. С 1947 по 1957 г. в страну было ввезено свыше 3 млн. т зерна¹⁰. При этом значительная часть импорта приходилась на вторую половину указанного периода, в особенности на голодные 1956—1957 гг.

Индекс сельскохозяйственного производства остался в пер-

Таблица 1

ОТРАСЛЕВАЯ СТРУКТУРА ВВП ПАКИСТАНА *
в ценах 1959/60 г.

	1949/50 г.		1954/55 г.		1959/60 г.		1964/65 г.		1969/70 г.	
	млн. рупий	%	млн. рупий	%	млн. рупий	%	млн. рупий	%	млн. рупий	%
ВВП, всего	11 769	100,0	13 694	100,0	16 096	100,0	21 997	100,0	32 302	100,0
В том числе:										
Сельское хозяйство	6 595	56,0	6 948	50,7	7 711	47,9	9 276	42,2	12 574	38,9
Горнодобывающая промышленность .	27	0,2	45	0,3	70	0,4	122	0,6	157	0,5
Обработывающая промышленность .	961	8,2	1 569	11,5	2 018	12,5	3 501	15,9	5 156	16,0
крупная	277	2,4	802	5,9	1 159	7,2	2 523	11,5	4 042	12,5
мелкая	684	5,8	767	5,6	859	5,3	978	4,4	1 114	3,4
Строительство	179	1,6	289	2,1	427	2,7	1 029	4,7	1 357	4,2
Коммунальное хозяйство	27	0,2	37	0,3	87	0,5	172	0,8	639	2,0
Транспорт, связь	608	5,2	810	5,9	921	5,7	1 490	6,8	2 022	6,3
Торговля	1 477	12,5	1 777	13,0	2 105	13,1	3 166	14,4	4 457	13,8
Кредитная система	39	0,3	56	0,4	112	0,7	...	...	579	1,8
Домовладение	632	5,4	725	5,3	837	5,2	976	4,4	1 112	3,4
Управление, оборона	269	2,3	276	2,0	397	2,5	543	2,5	2 080	6,4
Прочие услуги	955	8,1	1 162	8,5	1 411	8,8	1 722	7,8	2 169	6,7

* Taufiq M. Khan and Asbjorn Bergan. Measurement of Structural Change in the Pakistan Economy: A Review of the National Income Estimates 1949/50 to 1963/64.— «The Pakistan Development Review, Summer 1966, с. 201—203. Pakistan Economic Survey, 1974—75. Islamabad, 1975, Statistics, с. 7.

вой половине 50-х годов практически на одном уровне (1959/60 г. = 100): в 1949/50 г. — 86, в 1952/53 г. — 84 и 1955/56 г. — 86. Если сбор хлопка, который является базой для работы национальной текстильной промышленности и основой экспорта, вырос с 246 тыс. т в 1950/51 г. до 277 тыс. т в 1954/55 г., то производство пшеницы сократилось соответственно с 3,9 млн. до 3,1 млн. т¹¹. Некоторый рост валовой продукции этой отрасли наметился во второй половине 50-х годов, в период действия первого пятилетнего плана экономического развития Пакистана (1955—1960). Индекс сельскохозяйственного производства в 1960 г. достиг 100. В 50-е годы добавленная стоимость, созданная в сельском хозяйстве, увеличилась с 6,6 млрд. в 1949/50 г. до 7,7 млрд. рупий в 1959/60 г. Однако доля этой отрасли в конечном общественном продукте заметно снизилась — соответственно с 56 до 48% (см. табл. 1). Это самым непосредственным образом связано с опережающим ростом вторичных и третичных секторов экономики.

Более быстрыми темпами развивалась в этот период промышленность. Среднегодовые темпы ее роста составляли в 50-е годы 7,7% (в том числе крупной 15,4%). Росту промышленного производства в значительной степени способствовала экономическая политика правительства, направленная на поощрение частного предпринимательства в этой отрасли. Частный сектор, с успехом используя политику государственного капитализма, стал осуществлять инвестиции в высокоприбыльные предприятия хлопчатобумажной и пищевой промышленности, что привело к быстрому росту производства в этих отраслях. Так, 43% добавленной стоимости, созданной в промышленности в 1954 г., приходилось на отрасли по первичной обработке сельскохозяйственного сырья: 30% — на хлопчатобумажную промышленность и 13% — на пищевую¹².

Что касается государственного сектора в промышленности, то подавляющая часть государственных инвестиций шла через основанную в 1952 г. Корпорацию промышленного развития Пакистана (ПИДК). Последняя сыграла определенную роль в процессе индустриализации страны, и особенно заметно ее значение было в 50-е годы, поскольку именно в этот период осуществлялось большое промышленное строительство. Общая сумма капиталовложений ПИДК превысила к 1960 г. 1 млрд. рупий¹³.

Одной из особенностей процесса индустриализации в Пакистане была смешанная форма участия государства (через ПИДК) и частного капитала в строительстве промышленных предприятий. Там, где частный капитал (в силу нехватки средств) не был в состоянии освоить ту или иную отрасль, ему на помощь приходило государство. Более того, стремясь укрепить позиции национальной буржуазии и стараясь помочь пелливу капиталов из сферы обращения в промышленное произ-

водство, государство в Пакистане зачастую продавало промышленные предприятия частному сектору ниже их себестоимости. К концу 50-х годов на долю государства приходилось менее половины общей суммы инвестиций, вложенных в построенные ПИДК предприятия¹⁴.

Структурные сдвиги в экономике той или иной страны предполагают, как известно, изменение не только соотношения основных производительных секторов — сельского хозяйства и промышленности, — но и форм производства: низших, т. е. мелко-товарных и мелкокапиталистических, и высших, т. е. крупнокапиталистических. В связи с этим целесообразно проследить изменения в соотношении между крупной и мелкой промышленностью. В процессе развития промышленности это соотношение менялось в пользу фабрично-заводской промышленности; если в 1949/50 г. оно находилось на уровне 25:75, то в 1954/55 г. — 50:50, а в 1959/60 г. — уже 60:40, что было связано с опережающим ростом крупной промышленности¹⁵.

В связи с ухудшением во второй половине 50-х годов продовольственного положения страны правительство было вынуждено увеличить импорт продовольствия. Рост же импорта продовольствия повлек за собой сокращение почти на треть ввоза промышленных товаров, а это отрицательно сказалось на развитии промышленного производства. Общий размер промышленных инвестиций по первому пятилетнему плану был определен в 3 млрд. рупий, фактически же их объем составил 2,4 млрд. рупий; если размеры частных инвестиций в промышленность соответствовали наметкам плана, то государственных — лишь на 50%¹⁶. Таким образом, запланированные среднегодовые темпы роста фабрично-заводской промышленности в размере 12% достигнуты не были и составили менее 9%.

Несмотря на экономические трудности, правительство Пакистана, связанное внешнеполитическими обязательствами по военным блокам, неуклонно увеличивало военные расходы. Если в 1957/58 финансовом году расходы на военные цели составили 23% всех государственных расходов, то в следующем году они возросли до 27%¹⁷. Для покрытия этих и других государственных расходов в больших масштабах использовалось дефицитное финансирование (за счет последнего почти на 20% осуществлялось финансирование государственных расходов по первому пятилетнему плану)¹⁸. В результате резкого увеличения непроизводительных расходов государственный сектор не смог использовать поступления текущего бюджета на цели экономического развития в намеченных размерах (730 млн. рупий), хотя фактические поступления от дополнительного налогообложения (в основном косвенного) превысили плановые наметки почти на 80%. Из-за непомерно высоких военных и административных расходов за счет средств текущего бюджета было покрыто лишь 13,3% государственных расходов на цели

развития по первому пятилетнему плану. Основная же масса государственных инвестиций финансировалась за счет государственного кредита, при этом около 50% государственных расходов было обеспечено за счет иностранных займов и субсидий¹⁹. Анализируя причины невыполнения первого пятилетнего плана, пакистанский экономист Махбуб уль-Хак отмечал, что правительство Пакистана смогло мобилизовать лишь 70% внутренних накоплений²⁰, в результате чего намеченная планом норма накопления в 7% не была достигнута.

В целом темпы экономического роста составили в 50-е годы 3,2% в среднем в год; при этом указанный прирост был обеспечен за счет увеличения добавленной стоимости, созданной в сфере обслуживания. Население страны выросло в это десятилетие с 36,7 млн. до 46,1 млн. человек, или на 2,4% в среднем в год. Таким образом, среднегодовые темпы роста дохода на душу населения составили 0,8%.

Пришедшее к власти в Пакистане в октябре 1958 г. правительство М. Айюб-хана встало перед необходимостью стабилизации и преобразования национального хозяйства страны. Те чрезвычайные меры в области экономики, которые предпринял военный режим в первые месяцы пребывания у власти (отказ от практики дефицитного финансирования, борьба со спекуляцией и контрабандой, установление контроля над ценами на товары первой необходимости и др.), быстро исчерпали себя, и их эффективность стала падать (так, рост общественного продукта в 1959/60 г. по сравнению с предыдущим годом составил лишь 0,8%), поскольку они не были подкреплены соответствующими экономическими преобразованиями. В связи с этим начиная с 1959/60 г. основное внимание правящих кругов уделялось проведению мероприятий, направленных на ускорение развития капитализма в стране, устранение препятствующих этому пережитков, а также на стимулирование национального производства²¹.

В 1959 г. в Пакистане была проведена земельная реформа, заметно ослабившая позиции той части помещиков, которая продолжала держаться за прежние привилегии и феодальные методы ведения хозяйства. Реформа способствовала расширению предпринимательской деятельности помещичьего класса в целом и усилению роли и влияния кулацкой верхушки в частности²². Положение о запрещении незаконного сгона арендаторов заметно ослабило напряженность в деревне; крестьянское движение после реформы значительно ослабло²³.

По заданиям второго пятилетнего плана (1960—1965) на развитие сельского хозяйства было ассигновано около 15% всех расходов частного и государственного секторов экономики, причем основная часть этой суммы направлялась на производство удобрений, закупку улучшенных сортов семян, сельскохозяйственного инвентаря и оборудования для трубчатых колодцев²⁴.

В этот период произошел значительный рост в использовании минеральных удобрений. В годы второго пятилетнего плана химизация сельского хозяйства стала одним из главных средств увеличения производства продукции этой отрасли. С 1959/60 по 1964/65 г. потребление химических удобрений в Пакистане возросло с 19,4 тыс. до 87,2 тыс. т, и они стали вторым (после ирригации) фактором роста продукции сельского хозяйства.

Индекс производства основных продовольственных культур возрос со 100 в 1959/60 г. до 128 в 1964/65 г. Производство пшеницы увеличилось соответственно с 3,8 млн. до 4,5 млн. т, а хлопка — с 287 тыс. до 371 тыс. т²⁵. Темпы роста сельского хозяйства составили в первой половине 60-х годов 3,8% в среднем в год (что означает не только прекращение падения среднедушевых размеров сельскохозяйственного производства, но рост их в размере 0,6%). Сдвиги в этой отрасли экономики были в определенной степени следствием благоприятных погодных условий, быстрого роста сельскохозяйственного населения, развития национальной промышленности, сдвигов в производственной инфраструктуре. Рост иностранной помощи и политическая стабильность повысили эффективность государственного стимулирования сельскохозяйственного производства.

Военный режим М. Айюб-хана продолжал проводить ту же промышленную политику, что и его предшественники: в 1958—1962 гг. были созданы еще более благоприятные, нежели раньше, условия для частного предпринимательства, расширилась сфера его деятельности; одновременно получила дальнейшее развитие важнейшая функция государственного сектора — обслуживание интересов частного капитала²⁶. В этот период происходило изменение направления инвестиций, основная часть которых стала идти не в традиционные, а во вспомогательные отрасли тяжелой промышленности. Это объяснялось, во-первых, тем, что в первой половине 60-х годов концентрация и накопление капитала у пакистанской буржуазии оказались настолько значительными, что она стала вкладывать их в более капиталоемкие отрасли промышленного производства; во-вторых, к началу 60-х годов наибольшей защитой государства стали пользоваться вспомогательные отрасли и производство средств производства. Следующие данные характеризуют рост обрабатывающей промышленности Пакистана в 60-е годы (1964/65 г. = 100)²⁷:

1959/60 г. — 47,4	1965/66 г. — 110,8
1961/62 г. — 68,1	1967/68 г. — 127,2
1963/64 г. — 89,8	1969/70 г. — 160,2

В результате быстрого роста промышленности (в первую очередь фабрично-заводской) удельный вес ее в общественном продукте возрос с 12% в 1959/60 г. до 16% в 1964/65 г. (в том числе крупной — до 12% и мелкой — до 4%). Однако, хотя в

этот период крупный капитал и расширил отраслевую структуру своих вложений, общая обстановка экономического подъема в стране способствовала и росту мелкого промышленного производства. Кроме того, на базе развития ряда крупных предприятий, оснащенных современным оборудованием, возникло большое число мелких и средних предприятий. Росту мелкого предпринимательства способствовало увеличение численности городского населения, так как это сопровождалось появлением новых потребностей и спроса на современные промышленные товары, приспособиться к удовлетворению которого мелкая промышленность смогла быстрее, нежели крупная ²⁸.

Важное влияние на развитие сельского хозяйства, промышленности и других отраслей оказал в это пятилетие возросший приток иностранной помощи, за счет которой в немалой степени осуществлялось финансирование капиталовложений производственного назначения. Например, в 1964/65 г. иностранная помощь составила 8,9% общественного продукта по сравнению с 6,6% в 1959/60 г. ²⁹. Однако оборотной стороной этого процесса был заметный рост расходов по управлению государственным долгом. Это положение усугублялось тем, что после 1960 г. почти вся иностранная помощь стала носить характер займов, возврат которых производился в иностранной валюте. «В результате задолженность страны увеличилась с 80 млн. рупий в 1959/60 г. до 300 млн. рупий в 1964/65 г.» ³⁰.

Опыт предыдущего плана показал, в какой степени финансирование бюджетного дефицита за счет избыточной бумажно-денежной эмиссии способствовало росту государственного долга, удорожанию стоимости капитального строительства и препятствовало процессу накопления капитала. Поэтому во втором пятилетнем плане размеры дефицитного финансирования были незначительны. В результате повышение цен было весьма умеренным: розничные цены возросли в среднем на 3%, а оптовые — на 1,6% ³¹.

Норма внутренних накоплений, возросшая с 7,7% в 1959/60 г. до 14,2% в 1964/65 г., повысилась главным образом за счет роста ординарных доходов бюджета, в частности косвенных налогов. Кроме того, благоприятное влияние на рост внутренних накоплений оказало проведение либеральной импортной политики, приведшей к сокращению таможенных пошлин на ввоз оборудования.

В результате ускорившегося развития сельского хозяйства, промышленности и других отраслей национального хозяйства Пакистана темпы экономического роста составили в первой половине 60-х годов 6,6% в среднем в год.

Хотя валовые темпы экономического роста являются одним из важных показателей трудовой деятельности общества, еще более важны темпы роста в расчете на душу населения, представляющие собой наиболее точный усредненный показатель

достигнутого страной уровня экономического развития. Между тем темпы роста населения стали в течение последних нескольких десятилетий одной из важнейших проблем экономической, социальной и политической жизни многих развивающихся государств. В течение последних столетий высокая рождаемость в этих странах уравнивалась высокой смертностью, поэтому общий прирост населения оставался довольно низким. Однако во второй четверти XX в. в этих странах обозначилось резкое снижение смертности в результате достижений современной медицины³². Среднегодовые темпы роста населения в колониальной Индии составляли менее 1% в первые два десятилетия XX в., но уже 1% в 20-е годы и 1,4% в 30-е годы³³. Ниже приводятся данные о росте населения Пакистана в 1951—1972 гг.³⁴:

	Млн. человек	Прирост, %	Темп прироста, %
1951 г.	36,7	—	—
1961 г.	46,1	25,6	2,4
1972 г.	64,9	40,8	3,2

Как видно из приведенных выше данных, темпы роста населения превысили в 60-е годы 3% в среднем в год. Но даже несмотря на столь высокий прирост численности населения темпы экономического роста в расчете на душу населения были весьма значительны — в среднем 3,4% в год (что было обусловлено высокими темпами роста общественного продукта).

Вторая половина 60-х годов ознаменовалась качественно новым этапом в развитии экономики страны, что было связано в первую очередь с ростом сельскохозяйственного производства. В этот период в Пакистане начала разворачиваться «зеленая революция». Предпосылки «зеленой революции» были заложены еще в первом пятилетии 60-х годов и были связаны с ростом применения химических удобрений, новых методов агрикультуры, ирригации и т. п. Развертывание «зеленой революции» ознаменовало собой качественный скачок в развитии производительных сил сельского хозяйства.

В стране на базе филиппинского риса и мексиканской пшеницы были получены высокоурожайные сорта зерновых, приспособленные к местным условиям. Новые сорта пшеницы в широких масштабах стали использоваться с 1967/68 г. С этого года заметно возрос сбор этой культуры (млн. т)³⁵:

1964/65 г. — 4,5	1967/68 г. — 6,3
1965/66 г. — 3,9	1968/69 г. — 6,5
1966/67 г. — 4,3	1969/70 г. — 7,2

Средняя урожайность пшеницы в районах возделывания гибридных сортов увеличилась до 19 ц с 1 га (по сравнению с местными — 7 ц). Высокой урожайности способствовали хорошая отзывчивость новых сортов на удобрения, а также то, что при обильном удобрении они не полегают. По сравнению с

местными сортами высокоурожайные не только дают больший урожай, но и созревают значительно быстрее, а это позволяет повысить коэффициент повторных урожаев. Быстро росли и посеянные площади под высокоурожайными сортами пшеницы, занявшие к концу 60-х годов свыше 50% площади, отведенной под эту культуру. За счет внедрения высокоурожайных сортов зерновых Пакистан уже в 1968 г. практически добился самообеспеченности зерном.

Внедрение высокоурожайных сортов зерновых потребовало значительного увеличения применения химических удобрений. Химизация стала в годы третьего пятилетнего плана (1965—1970) одним из основных факторов увеличения сельскохозяйственной продукции. Потребление удобрений в этот период возросло более чем в 3 раза по сравнению с первой половиной 60-х годов. Большую роль в этом сыграла политика государства по субсидированию и пропаганде химических удобрений.

Важное значение для роста сельскохозяйственного производства имело также увеличение парка тракторов. Если в 1959 г. в стране насчитывалось около 2 тыс. тракторов, то в 1968 г. их число возросло до 19 тыс., из которых свыше 16 тыс. находилось в собственности помещиков и около 2,4 тыс. тракторов принадлежало государству и кооперативам³⁶. Важной составной частью процесса тракторизации была концентрация тракторов в нескольких передовых орошаемых районах страны. Так, 75% всех частных тракторов страны приходилось на четыре округа Панджаба. Вместе с тем механизация сельского хозяйства осуществлялась главным образом в хозяйствах помещиков и кулаков: наибольшее число тракторов приходилось на землевладельцев с участками 50—100 акров³⁷. Одновременно с механизацией и увеличением применения наемного труда менялась и социальная природа крупных землевладельцев: из класса феодалов они превращались в класс буржуазный.

Индекс сельскохозяйственного производства вырос со 128 в 1964/65 г. до 186 в 1969/70 г., а темпы прироста этой отрасли составили во второй половине 60-х годов в среднем 6,3% в год. Однако, как и в предыдущие годы, несмотря на быстрый рост добавленной стоимости, создававшейся в сельском хозяйстве, доля ее в общественном продукте продолжала снижаться: с 42% в 1964/65 г. до 39% в 1969/70 г. Это было связано не только и не столько с ростом промышленного производства, сколько с увеличением удельного веса сферы услуг в создании общественного продукта (%)³⁸:

	1949/50 г.	1954/55 г.	1959/60 г.	1964/65 г.	1969/70 г.
Сфера материального производства	66,1	64,9	64,0	64,2	61,6
Сфера производства услуг . .	33,9	35,1	36,0	35,8	38,4

Из приведенных данных видно, что роль сферы услуг в создании общественного продукта в рассматриваемые два десятилетия медленно повышалась. При этом указанное увеличение было обеспечено за счет нескольких отраслей сферы обслуживания, в первую очередь за счет транспорта и связи, а также торговли, кредитной системы и государственного аппарата.

Таким образом, анализируя динамику общественного продукта и его отраслевой структуры, необходимо принимать во внимание не только рост ведущих отраслей материального производства (сельское хозяйство, промышленность), но и тот немаловажный факт, что структура общественного продукта эволюционировала в направлении от производства вещей к производству услуг. Основной причиной роста этой сферы было быстрое увеличение платежеспособного спроса на услуги. Рост сферы услуг и ее вклада в создание общественного продукта характерен для всех стран на определенном этапе их развития. Аналогичный процесс наблюдался и в Пакистане. Объективная необходимость развития этой сферы обусловила превращение ее в прибыльный объект приложения предпринимательских капиталов, в конечный пункт миграционных потоков самодельного населения ³⁹.

Если в области сельского хозяйства успехи были весьма заметны, то в ряде других отраслей экономики складывалось довольно сложное положение. Это касалось прежде всего промышленности, темпы роста которой значительно сократились, что было обусловлено рядом факторов. Во-первых, в связи с индо-пакистанским военным конфликтом намного возросли военные расходы (доля расходов на оборону в общей сумме государственных расходов центрального правительства увеличилась с 21% в 1964/65 финансовом году до 38% в следующем году ⁴⁰), что отвлекло значительные средства от их производительного использования. Во-вторых, неблагоприятные погодные условия в 1965—1967 гг. привели к росту расходов валюты на импорт продовольствия, следствием чего явилось сокращение импорта промышленного оборудования. В-третьих, во второй половине 60-х годов значительно сократился приток иностранной помощи: поступление средств из внешних источников оказалось на 3,5 млрд. рупий меньше ожидаемой суммы, что предопределило нехватку средств для финансирования экономического развития страны (общие расходы в государственном секторе в третьем пятилетнем плане оказались на 28% меньше запланированных — 21,6 млрд. рупий вместо 30 млрд.). В итоге заметно уменьшилась и доля капиталовложений в общественном продукте — с 22% в 1964/65 г. до 16% в 1969/70 г. ⁴¹. В результате этого, а также из-за трудностей обеспечением промышленности импортным сырьем значительно замедлился рост крупной промышленности — с 17% в среднем в год в первой половине 60-х годов до 10% — во второй.

К середине 60-х годов в Пакистане были созданы значительные мощности в легкой и пищевой промышленности, построен ряд предприятий вспомогательных отраслей тяжелой индустрии — цементной, химической и др., произошли рост капиталистического предпринимательства и укрепление крупного капитала в сфере производства. Вместе с тем расширившийся внутренний рынок требовал увеличения производства средств производства; значительно вырос спрос на товары производственного значения, на орудия и средства производства для сельского хозяйства; началось проникновение механизации в мелкое производство и переоснащение многих фабрично-заводских предприятий. Это предопределило развитие в стране отраслей тяжелой промышленности. Во второй половине 60-х годов Пакистан вступил в следующую фазу индустриализации, предусматривавшую рост отраслей I подразделения⁴². Но, как было показано выше, из-за нестабильности экономической и политической жизни страны нарушились прежние тенденции роста и межотраслевые пропорции. В этой связи удельный вес промышленности в общественном продукте остался в 1965—1970 гг. практически на одном уровне.

Быстрый рост капиталистического предпринимательства в сельском хозяйстве и несельскохозяйственных отраслях был теснейшим образом связан с упрочением позиций национальной буржуазии в современных сферах экономики. Несмотря на некоторые ограничения, роль и влияние частного сектора значительно возросли. В стране в 60-е годы сложился ряд предпринимательских групп, характерной чертой которых было тесное переплетение финансовых, промышленных и торговых интересов. Государственная помощь и протекционизм позволили национальной буржуазии в сравнительно короткие сроки освоить новые сферы приложения капитала и значительно увеличить норму прибыли. Однако оборотной стороной этих процессов был значительный рост неравномерности распределения доходов как в деревне, так и в особенности в городе.

Как известно, «зеленая революция», явившаяся результатом внедрения высокоурожайных сортов семян, внесения больших количеств химических удобрений, применения новых методов агрикультуры и т. д., требовала значительных инвестиций, осуществить которые могли лишь помещики, кулаки и другие капиталовладельцы. Именно они сыграли решающую роль в увеличении сельскохозяйственного производства в 60-е годы. Но им и достались практически все плоды этих сдвигов. «Весь сельский доход, порожденный сельскохозяйственными субсидиями и капиталовложениями, был присвоен небольшим числом крупных помещиков»⁴³. Именно в условиях «зеленой революции» в значительной степени увеличилось социальное неравенство, выросла неравномерность распределения доходов. Американский экономист У. Фэлкон отмечал, что в этот период в Пакистане

«имел место совершенно беспрецедентный рост неравенства в распределении доходов между различными классами сельского населения»⁴⁴.

Но особенно сильно выросла неравномерность распределения доходов в городе. Один из показателей этого — падение удельного веса заработной платы рабочих в добавленной стоимости, созданной в промышленности. В большинстве капиталистических стран мира заработная плата составляет в среднем 40—50% добавленной стоимости. В то же время в Пакистане эта доля снизилась с 25% в 1959/60 г. до 20% в 1969/70 г. (в том числе в хлопчатобумажной промышленности — соответственно с 32 до 23%)⁴⁵. Рост социального неравенства отмечался даже в официальных пакистанских документах. Так, в четвертом пятилетнем плане экономического развития страны на 1970—1975 гг. говорилось, что «реальные статистические данные о распределении доходов в стране отсутствуют, но та немногочисленная информация, которой мы располагаем, свидетельствует о росте неравенства в распределении доходов в процессе экономического развития»⁴⁶.

Этот рост неравенства не мог остаться без последствий. Ускорение экономического развития, имевшее место в 60-е годы, происходило в основном за счет усиленной эксплуатации широких масс населения и содействовало концентрации богатств в руках немногочисленной группы получателей высоких доходов. Это вызывало растущее недовольство большинства населения страны и наряду с другими причинами привело в конечном счете к острейшему политическому кризису в 1971 г., результатом которого было образование на территории Восточного Пакистана нового государства — Народной Республики Бангладеш.

* * *

В результате политических событий 1971 г. Пакистан лишился важного звена своей экономики. Особенно остро это сказалось на внешней торговле; страна потеряла важный рынок сбыта товаров развивающейся промышленности, а также лишилась источника таких сырьевых товаров, как джут и чай. Таким образом, были нарушены сложившиеся в течение четверти века экономические связи. Вследствие этого, а также ряда других причин темпы роста экономики резко замедлились, составив 0,2% в 1970/71 г. и 1,4% в 1971/72 г. К 1973/74 г. их удалось восстановить, но разразившийся в капиталистическом мире экономический кризис 1973—1975 гг. вновь оказал на национальное хозяйство Пакистана негативное влияние.

Противоречия экономического развития страны (быстрый рост национального хозяйства, с одной стороны, и резкое усиление социального неравенства — с другой), особенно остро выявившиеся во второй половине 60-х годов, требовали от пришедшего к власти в Пакистане в декабре 1971 г. правительства

гражданской администрации во главе с З. А. Бхутто изменения в расстановке акцентов в дальнейшем росте национального хозяйства.

Стратегия экономического развития Пакистана до 70-х годов заключалась в достижении максимально высоких темпов экономического роста. Наиболее полно и всесторонне она была разработана в пятилетних планах экономического развития страны, предусматривавших привлечение в широких масштабах иностранной помощи и развитие внутри страны «смешанной экономики» (с явным приоритетом частного сектора). Наряду с этим с целью повышения среднедушевых размеров конечного общественного продукта был взят курс на сокращение рождаемости и понижение темпов прироста населения.

В начале 70-х годов во главу угла дальнейшего общественного прогресса была положена доктрина большего социального равенства. Один из крупнейших пакистанских экономистов Махбуб-уль-Хак отметил в этой связи, что основной задачей развития экономики стало выдвигание на первый план необходимости подъема жизненного уровня всех слоев населения⁴⁷. Пожалуй, в наибольшей степени это нашло свое отражение в проведении аграрной и других реформ, преобразовании систем здравоохранения и народного образования, в совершенствовании трудового законодательства⁴⁸.

В 70-е годы основную роль в экономике страны продолжало играть сельское хозяйство (см. табл. 2). При рассмотрении этой отрасли национального хозяйства надо учитывать следующие ее особенности. Во-первых, продукция сельского хозяйства составляла свыше трети общественного продукта страны и в нем было занято около 57% экономически активного населения, в связи с чем стагнация этого сектора в отдельные годы чрезвычайно болезненно отражалась на состоянии всей экономики. Большая часть населения страны проживала в сельских районах, поэтому уровень развития сельского хозяйства определял благосостояние значительной части всего населения; рост же доходов сельского населения обеспечивал рынок сбыта национальной промышленности. Во-вторых, экспорт продукции этой отрасли — основной источник поступления иностранной валюты (вывоз хлопка-сырца и риса, например, составил в 1974/75 г. почти 40% общего объема экспорта)⁴⁹; еще треть — это товары, производство которых полностью зависело от переработки сельскохозяйственного сырья. Таким образом, возможности импорта и осуществления инвестиций определялись в значительной степени экспортом этих видов продукции. В-третьих, промышленность Пакистана, в частности текстильная, зависела в большой мере от сельскохозяйственного сырья, в связи с чем низкий уровень производства хлопка и другого сельскохозяйственного сырья тормозил рост промышленного производства. Наконец, рост производительности труда в сельском хозяйстве должен

Таблица 2

ОТРАСЛЕВАЯ СТРУКТУРА ВВП ПАКИСТАНА *
в ценах 1959/60 г.

	1971/72 г.		1973/74 г.		1975/76 г.		1977/78 г.		1979/80 г.	
	млн. рупий	%	млн. рупий	%	млн. рупий	%	млн. рупий	%	млн. рупий	%
ВВП, всего	32 812	100,0	37 901	100,0	40 699	100,0	44 630	100,0	50 189	100,0
В том числе:										
Сельское хозяйство .	12 611	38,4	13 357	35,2	13 659	33,6	14 348	32,1	15 851	31,6
Горнодобывающая промышленность . . .	159	0,5	180	0,5	175	0,4	210	0,5	239	0,5
Обрабатывающая про- мышленность	5 130	15,6	6 101	16,1	6 231	15,3	6 833	15,3	7 741	15,4
крупная	3 813	11,6	4 585	12,1	4 486	11,0	4 823	10,8	5 426	10,8
мелкая	1 317	4,0	1 516	4,0	1 745	4,3	2 010	4,5	2 315	4,6
Строительство	1 163	3,5	1 490	3,9	2 094	5,1	2 248	5,1	2 707	5,4
Коммунальное хозяй- ство	780	2,4	1 068	2,8	985	2,4	1 245	2,8	1 531	3,0
Транспорт, связь . .	2 025	6,2	2 466	6,5	2 605	6,4	3 003	6,7	3 401	6,8
Торговля	4 447	13,6	5 449	14,4	5 724	14,1	6 121	13,7	6 876	13,7
Кредитная система .	640	2,0	879	2,3	1 039	2,5	1 241	2,8	1 450	2,9
Домовладение	1 188	3,6	1 275	3,4	1 369	3,4	1 469	3,3	1 577	3,1
Управление, оборо- на	2 278	6,9	2 983	7,9	3 854	9,5	4 593	10,3	5 105	10,2
Прочие услуги	2 391	7,3	2 653	7,0	2 964	7,3	3 319	7,4	3 711	7,4

* Pakistan Economic Survey, 1979—80. Statistical Annexure. Islamabad, 1980, с. 11.

был обеспечить рабочей силой промышленность и другие опережающе развивающиеся отрасли экономики.

Основу сельского хозяйства по-прежнему составляло растениеводство, в котором главенствовали три культуры: пшеница, хлопок и рис; при этом пшеница — основная продовольственная культура, а хлопок и в определенной степени рис формировали основу экспорта. Удельный вес растениеводства в сельском хозяйстве в 70-е годы оставался практически неизменным — 70%, равно как не изменялся и удельный вес животноводства — 28% всей добавленной стоимости, создаваемой в сельскохозяйственном производстве (животноводство — основное занятие населения лишь в отдельных районах Синда, Белуджистана и Северо-Западной пограничной провинции). Производство основных продовольственных культур характеризуется следующими данными (тыс. т) ⁵⁰:

	1969/70 г.	1972/73 г.	1974/75 г.	1977/78 г.	1979/80 г.
Пшеница	7 294	7 442	7 673	8 367	10 870
Рис	2 401	2 330	2 314	2 950	3 204

Производство основных продовольственных культур в рассматриваемый период росло медленнее, чем во второй половине 60-х годов: если в 70-е годы сборы урожаев пшеницы и риса увеличивались в среднем соответственно на 4,1 и 2,9% в год, то во второй половине 60-х годов эти цифры составляли соответственно 10 и 12%. Такое замедление было обусловлено крайне неблагоприятными погодными условиями в отдельные годы, нехваткой воды в каналах и электроэнергии для работы ирригационных насосов, повышением стоимости химических удобрений. Так, сильная засуха в 1974/75 г. привела к тому, что производство пшеницы в этом году сократилось почти на 10% по сравнению с предыдущим финансовым годом ⁵¹. Неблагоприятные погодные условия в отдельные годы рассматриваемого периода сказались на производстве риса в меньшей степени, нежели на пшенице, однако и в этом случае плановые задания зачастую пересматривались в сторону их снижения.

Важнейшей технической культурой являлся хлопок, составляющий основу экспорта. Производство его характеризовалось следующими данными (тыс. т) ⁵²:

1969/70 г. —	527
1972/73 г. —	682
1974/75 г. —	630
1977/78 г. —	560
1979/80 г. —	735

Как свидетельствуют эти цифры, сборы урожаев хлопка отмечены большими колебаниями, что связано главным образом с погодными условиями. Так, наводнение в 1972/73 г. уничтожи-

ло около 250 тыс. акров посевов хлопчатника, а наводнение в следующем финансовом году погубило почти 650 тыс. акров посевов. Рекордный урожай хлопка был собран в 1971/72 г. — 700 тыс. т; затем ежегодно сборы его уменьшались вплоть до 1979/80 г., когда они вновь возросли — до 735 тыс. т. В целях увеличения сбора хлопчатника принимался целый ряд экстенсивных и интенсивных мер, среди которых: расширение посевных площадей под этой культурой, широкое внедрение улучшенных сортов семян, рост использования удобрений и инсектицидов и др.

Одним из первых и наиболее существенных мероприятий правительства З. А. Бхутто в области экономики было провозглашение в 1972 г. аграрной реформы, в соответствии с которой устанавливался максимум индивидуального владения в 60 га орошаемой или 120 га неорошаемой земли, ограничивался абсентеизм и др.⁵³ При всей незавершенности, непоследовательности и трудностях с финансированием реформа носила прогрессивный характер, так как была призвана привести в соответствие производственные отношения с трансформировавшимися производительными силами, стимулировала дальнейший рост капиталистического предпринимательства в сельском хозяйстве. Реформа, углубив буржуазную перестройку крупного помещичьего землевладения, сделала ставку на капиталистического предпринимателя — среднего помещика и современного фермера.

Добавленная стоимость, созданная в сельском хозяйстве, увеличилась с 12,6 млрд. рупий в 1969/70 г. до 15,9 млрд. в 1979/80 г., а среднегодовые темпы роста его составили 2,3%. Однако удельный вес этой отрасли экономики в создании конечного общественного продукта продолжал снижаться: с 39% в 1969/70 г. до 31% в 1979/80 г. Это, как и ранее, было непосредственным образом связано с ростом удельного веса в производстве общественного продукта третичных отраслей.

Промышленность занимала второе место после сельского хозяйства по удельному весу в ВВП. В 70-е годы впервые за всю историю Пакистана происходило падение доли промышленного производства в общественном продукте, что обуславливалось, во-первых, довольно низкими темпами роста этой отрасли (в среднем 4% в год) и, во-вторых, опережающим развитием сферы обслуживания.

В первой половине 70-х годов промышленная политика правящих кругов получила новое направление. Это нашло отражение в проведенных в 1972—1974 гг. реформах в области промышленности, которые были направлены на расширение государственного сектора в этой отрасли экономики за счет национализаций⁵⁴. В результате реформ государственный сектор в промышленности значительно окреп и вырос; в 1975/76 г., например, на его долю приходилось около 20% общего объема

производства в указанной отрасли⁵⁵. Кроме того, темпы роста промышленного производства на государственных предприятиях были заметно выше, чем в частном секторе.

Вместе с тем роль государственного сектора в промышленности страны была не столь значительна, как это может показаться на первый взгляд. Дело в том, что в государственный сектор входили многие предприятия, требовавшие значительных капиталовложений, в то время как оборот капитала на них был медленный, а норма прибыли низкая. Поэтому такие предприятия являлись зачастую нерентабельными и нуждались в постоянных дотациях государства. Кроме того, государственному сектору в промышленности приходилось сталкиваться также с проблемой острой нехватки квалифицированных кадров. Эта проблема обострилась в последние годы в связи с эмиграцией многих специалистов в нефтедобывающие арабские страны. Следует иметь в виду и то, что государственные инвестиции в промышленность на 70—80% финансировались за счет поступлений извне⁵⁶. Между тем, несмотря на рост валовых накоплений, норма внутренних накоплений сократилась с 12% в 1969/70 г. до 7% в 1974/75 г.⁵⁷.

Более медленными темпами шел рост промышленного производства в частном секторе экономики. Основной причиной этого являлось сокращение частных капиталовложений. В 1969/70—1976/77 гг. частные инвестиции в промышленность выросли в текущих ценах лишь с 1,2 млрд. до 1,3 млрд. рупий. Однако с учетом роста цен они не только не увеличились, но, наоборот, уменьшились. Индекс цен вырос со 146 в 1969/70 г. до 324 в 1975/76 г. Таким образом, реальные частные капиталовложения уменьшились в 1969/70—1976/77 гг. более чем в 2 раза⁵⁸. Это было связано с целым рядом факторов. Во-первых, частные предприниматели опасались новых национализаций, несмотря на то что правительство З. А. Бхутто заверило их в противоположном. Во-вторых, многие мелкие и средние предприниматели зачастую не могли осуществлять новые инвестиции ввиду того, что они были не в состоянии выполнять из-за нехватки средств требования принятого правительством рабочего законодательства. Поэтому в ряде случаев часть предприятий вообще закрывалась, а часть продолжала осуществлять производство на прежнем уровне без его расширения за счет новых инвестиций. В-третьих, высокие темпы роста инфляции делали многие капиталовложения крайне рискованными. В результате частные предприниматели далеко не полностью использовали предоставленные им возможности вкладывать капиталы даже в такие высокоприбыльные области, как жилищное и гостиничное строительство.

Трудное положение сложилось в основной отрасли пакистанской промышленности — текстильной, предприятия которой находились в руках частного сектора. Начиная с 1973 г. произ-

водство в этой отрасли неизменно сокращалось. Несмотря на предпринимаемые правящими кругами меры по ликвидации кризиса в текстильной промышленности, каких-либо положительных сдвигов вплоть до конца 1979/80 финансового года не наблюдалось. Не оправдались надежды и на то, что ряд стимулирующих правительственных мер (увеличение государственных банковскими кредитов на закупку современного оборудования, качественного сырья и др.) помогут текстильной промышленности выйти из застойного состояния. Так, в 1975/76 г. лишь 15 из 170 текстильных фабрик получили прибыль; многие испытывали острые финансовые трудности. В следующем финансовом году не использовалось 0,8 млн. веретен из 3,6 млн.; 29 из 171 текстильных фабрик было закрыто в течение 1976/77 г. Производство хлопковой пряжи сократилось в указанном году на 18%, а хлопчатобумажных тканей — на 13%⁵⁹.

После прихода к власти в июле 1977 г. правительства военной администрации во главе с Зия-уль-Хаком акцент был сделан на всемерное привлечение частного иностранного и национального капитала к участию как в развитии экономики в целом, так и в промышленности в особенности. Начало такой политике было положено осенью 1977 г. денационализацией мукомольных и предприятий по переработке риса. Затем частным предпринимателям была предоставлена возможность вкладывать капиталы в ряд отраслей, которые ранее считались для них закрытыми. Наконец, осенью 1978 г. правящие круги объявили о передаче в руки частного сектора ряда крупных предприятий в 10 основных отраслях промышленности, которые ранее (1 января 1972 г.) были переданы под контроль государства, а затем национализированы. Более того, в своем выступлении по поводу принятия государственного бюджета на 1978/79 финансовый год Зия-уль-Хак подчеркнул, что правительство не будет национализировать частные предприятия и даже готово внести изменения по этому вопросу в конституцию.

Вместе с тем частный сектор вплоть до конца 70-х годов не оправдал надежд военного режима и не спешил с увеличением капиталовложений и расширением поля своей деятельности. Нестабильность политической обстановки в стране и некоторая неопределенность стратегии курса дальнейшего социально-экономического развития Пакистана привели к тому, что частные предприниматели заняли выжидательную позицию и несколько активизировали свою деятельность лишь в ряде отраслей сферы услуг.

В этих довольно сложных условиях Пакистан приступил с 1 июля 1978 г. к выполнению пятого пятилетнего плана экономического развития страны на 1978—1983 гг.

Неудачи с выполнением четвертого пятилетнего плана (1970—1975) привели к тому, что правящие круги страны в своей экономической политике в 70-е годы стали ориентироваться

на ежегодно разрабатывавшиеся в рамках проектов бюджетов планы экономического развития страны. Иными словами, среднесрочное планирование национального хозяйства было подменено планированием бюджета. Однако заметных экономических результатов такая политика не принесла. Например, основные задачи программы развития на 1976/77 г. не были выполнены. Дискредитация краткосрочного планирования оказалась столь сильной, что план на 1977/78 г., по существу, не действовал (относящиеся к нему документы так и не были опубликованы), и пришедшая к власти военная администрация объявила о своем намерении возвратиться к практике среднесрочного планирования.

Общая сумма расходов по пятому пятилетнему плану была определена в размере 210 млрд. рупий; из них две трети — вложения государственного сектора и треть — частные инвестиции. Свыше 75% всех средств для финансирования плана предполагалось обеспечить за счет внутренних ресурсов; остальную сумму — из внешних источников. Основные наметки плана следующие: среднегодовой прирост ВВП запроектирован в размере 7%, сельского хозяйства — 6% и промышленности — 10%. К концу пятилетки намечалось довести сбор урожая пшеницы до 13 млн. т, риса — до 4 млн. т⁶⁰.

Внимательное рассмотрение этих цифр говорит о том, что пятый пятилетний план носит чересчур проагандистский характер и в меньшей степени является действительно программным документом развития экономики Пакистана на 1978—1983 гг. Большие сомнения вызывает то обстоятельство, что финансирование плана на 75% может быть осуществлено за счет внутренних накоплений. Достаточно сказать, что в предыдущие годы расходы на развитие покрывались более чем наполовину за счет поступлений извне. Анализ бюджета на 1978/79 г., являвшегося составной частью пятого пятилетнего плана, также свидетельствует о завышении плановых наметок: в соответствии с бюджетными наметками расходы на развитие почти на 70% должны быть покрыты за счет внешней помощи. Можно полагать, что специалисты Плановой комиссии определили соотношение между внутренними и внешними источниками финансирования пятилетней программы развития довольно простым способом: подсчитали, какую ориентировочно помощь удастся получить из-за границы в ближайшее пятилетие и далее простым вычитанием из общей суммы запланированных капиталовложений внешних источников финансирования была определена потребность во внутренних ресурсах. Такие «способы подсчета» практиковались в Пакистане и ранее.

Анализ основных направлений экономического развития Пакистана в 1947—1980 гг. показал, что в этот период страна достигла заметных успехов в своем развитии: конечный общественный продукт увеличился более чем в 4 раза, а среднегодовые

темпы его роста составили 4,5%, была подорвана колониальная структура экономики, созданы основы современной промышленности и производственной инфраструктуры. В годы первого, второго, третьего пятилетних планов, а также в ежегодных программах экономического развития основная часть средств направлялась на развитие промышленности и гидроэнергетики. За эти годы объем промышленной продукции возрос почти в 8 раз, а ее удельный вес в общественном продукте — с 6 до 15%. Были созданы основы промышленности по производству средств производства; начиная со второй половины 60-х годов инвестиции в отрасли тяжелой промышленности превысили капиталовложения, направленные на развитие легкой промышленности. В 70-е годы быстрыми темпами стал развиваться государственный сектор экономики, что было следствием как национализации частных предприятий, так и роста инвестиций в этом секторе.

Заметного прогресса достигла и основная отрасль экономики — сельское хозяйство. Мобилизация значительных средств на его развитие, ирригационное строительство и освоение новых земель, аграрные реформы и ослабление феодальных элементов, успехи «зеленой революции» дали ощутимые результаты. Заметно выросла прослойка сельских жителей, перешедших на рельсы капиталистического пути хозяйствования. Объем продукции сельского хозяйства возрос в рассматриваемые три десятилетия более чем в 2 раза. Наибольшие сдвиги в этой отрасли произошли во второй половине 60-х годов, когда благодаря внедрению высокоурожайных сортов зерновых культур удалось значительно увеличить производство риса и пшеницы. Правда, вследствие более быстрого роста других отраслей экономики удельный вес продукции сельского хозяйства в общественном продукте сократился с 56% в 1949/50 г. до 31% в 1979/80 г.

Вместе с тем за общими показателями роста национального хозяйства Пакистана скрываются серьезные диспропорции и трудности в развитии как экономики в целом, так и основных ее отраслей. Указанный выше рост общественного продукта был обеспечен более чем наполовину за счет сферы обслуживания. Между тем ведущие отрасли материально-вещественного производства (сельское хозяйство и промышленность) развивались в 50-е и 70-е годы весьма медленными темпами. В частности, проведенные в первой половине 70-х годов правительством З. А. Бхутто национализации отпугнули многих предпринимателей от расширения производства. В этих условиях они предпочли вкладывать капиталы в недвижимость, покупку драгоценностей, переводить значительные суммы за границу. Частный сектор с большим недоверием относился к экономической политике, предусматривавшей развитие такой смешанной экономики, в которой все более весомую роль играл государствен-

ный сектор. В результате темпы роста промышленного производства в 70-е годы составили лишь 3—4% в среднем в год.

Быстрый рост нормы накопления, имевший место в 60-е годы, значительно затормозился в следующем десятилетии, в особенности в частном секторе. Это обусловило нехватку средств для дальнейшего развития как промышленности, так и сельского хозяйства, которое в связи с «зеленой революцией» стало все более капиталоемкой отраслью. Правящие круги страны пытались повысить норму внутренних накоплений за счет дефицитного финансирования. В некоторой степени это действительно увеличило норму накопления. Однако практика избыточной бумажноденежной эмиссии привела к сильнейшей инфляции со всеми ее тяжелыми последствиями для широких масс населения Пакистана. В этих условиях внимание правящих кругов страны в еще большей степени, нежели раньше, привлекли страны-доноры. Однако если в 60-е и в начале 70-х годов ведущую роль в оказании помощи в стране играл Консорциум помощи Пакистану, то в последующие годы центр тяжести переместился на мусульманские нефтедобывающие страны.

В последние годы все более важным источником поступлений иностранной валюты в страну стали денежные переводы от пакистанцев, работающих за границей. Достаточно сказать, что в 1977/78 г. эти переводы увеличились почти в 2 раза по сравнению с предыдущим годом и достигли внушительной суммы в 1,2 млрд. долл., т. е. оказались равными поступлениям от экспорта. В конце 70-х годов в мусульманских нефтедобывающих государствах, Великобритании и других странах работало свыше 1 млн. пакистанцев. Однако эмиграция рабочей силы привела к тому, что в Пакистане ощущалась острая нехватка квалифицированных рабочих и технических специалистов.

Помимо сказанного, трудноразрешимую проблему представлял быстрый прирост населения, достигавший в 70-е годы в среднем 3% в год. В какой степени удастся стране преодолеть перечисленные трудности, покажет время.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

1. Вследствие относительно медленного и неравномерного становления капиталистических отношений процессы классовообразования в Пакистане в рассматриваемый период отличались незавершенностью. Продолжалось формирование основных классов буржуазного общества — буржуазии и пролетариата. Наряду с этим устойчивые позиции занимали группы городского и сельского населения, обязанные своим существованием докапиталистическим укладам хозяйства. Кроме того, между социальными слоями и прослойками, связанными с традиционным

(докапиталистическим) и современным (капиталистическим) секторами, количественно увеличивались промежуточные слои, хотя и затронутые современным товарным производством, но сохранившие многие черты традиционной социальной организации. Сложность социальных структур общества усугублялась этнической неоднородностью населения, религиозными, кастовыми и клановыми различиями.

В этническом отношении население Пакистана состояло из панджабцев (свыше 40 млн., по переписи 1972 г., 61,2% жителей страны), пуштунов (свыше 10 млн., 15,7%), синдхов (около 8 млн., 11,7%), белуджей (около 1,5 млн., 2,3%), брагуев (свыше 0,6 млн., 0,9%), нескольких небольших народов, расселенных преимущественно в северной части Пакистана, языки которых относятся к дардским (кхо или читральцы и др.), и из урдуязычных переселенцев из Северной и Западной Индии и их потомков, так называемых «мухаджиров» (свыше 5 млн., 7,8%). Последние осели преимущественно в крупных городах; большинство жителей (около 51%) они составляли, однако, только в Карачи. В Пакистане было также несколько сотен тысяч гуджаратцев и раджастханцев (основная масса которых живет в Индии) и несколько десятков тысяч хазарейцев (переселившихся сюда из Афганистана в конце XIX — начале XX в.).

Религиозный состав населения отличался большей однородностью. 96% пакистанцев исповедовали ислам (из них около 10% — шииты). Из религиозных меньшинств самое значительное — католики и протестанты (около 3% жителей). За ними следовали индусы и сикхи. В Пакистане проживало также около 20 тыс. парсов.

Ввиду сложности социального состава пакистанского общества целесообразно при рассмотрении его структуры учитывать классовое деление, место главных социальных слоев и прослоек в социально-политической системе, их численность и роль (см. табл. 3).

Являясь антагонистическим в классовом отношении образованием и составляя часть мировой системы, построенной на классовом антагонизме, пакистанское общество распадалось на господствующие, эксплуататорские классы, группы и слои и угнетенные, эксплуатируемые массы трудящегося населения. Имущие слои в Пакистане немногочисленны, но они сконцентрировали в своих руках подавляющую часть национальных богатств, контролировали их использование, систему распределения и перераспределения национального дохода. Наряду с местными господствующими классами в роли эксплуататоров трудовых масс выступали находившиеся вне пределов страны объединения и группы мирового капитала, правящие классы империалистических держав. Эксплуатация пакистанских трудящихся происходила при этом как прямо — посредством деятельности частного иностранного капитала, транснациональных компаний;

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПАКИСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Основное классовое деление	Место в социально-политической структуре общества	Главные социальные классовые слои и прослойки	Доля слоев и прослоек, % к числу семей
Господствующие, эксплуататорские классы и слои	Правящая верхушка господствующих имущих классов	Верхушка помещиков, связанных с активной предпринимательской деятельностью Монополистическая верхушка крупной буржуазии Верхушка гражданской и военной бюрократии	} 0,01
	Традиционная верхушка эксплуататорских классов	Помещики-рентополучатели Сардары и малики племен Верхушка сословия мусульманских богословов (улама)	} 0,05
	Социальная база правящих кругов	Обуржуазившиеся прослойки помещиков Крупная и средняя (преимущественно городская) буржуазия Зажиточная (кулацкая) прослойка крестьянства Верхнее и среднее звено государственных служащих, администраторов, специалистов, лиц свободных профессий Офицерский и унтер-офицерский состав вооруженных сил, полицейских и иных служб общественного порядка	0,6 0,25 2,1 0,3 0,4
Угнетенные массы — современные классы, традиционные и полутрадиционные слои трудящихся	Организованные отряды трудящихся	Современный промышленный пролетариат	6,0
		Основная (низшая) масса служащих (конторские служащие) государственных и частных учреждений и организаций	2,6

Основное классовое деление	Место в социально-политической структуре общества
	Неорганизованные средние низшие слои

Продолжение табл. 3

Главные социальные классовые слои и прослойки	Доля слоев и прослоек, % к числу семей
и Основная (низшая) часть интеллигенции, лиц свободных профессий, специалистов	2,3
Традиционная интеллигенция (богословы-уламы)	0,4
Мелкая (по преимуществу городская) буржуазия, включая традиционные и полутрадиционные торгово-ремесленные слои	2,8
Крестьяне-середняки (владельцы участков от 2 до 10 га)	15,8
Бедные слои крестьянства (менее 2 га)	17,3
Беднейшие малоземельные (менее 0,4 га) слои. Безземельные сельскохозяйственные рабочие, издольщики	~~24,7~~
Деревенские ремесленники и слуги, мелкие деревенские торговцы	11,2
Занятые в неорганизованном секторе городского хозяйства	5,4
Лица, занятые в сфере персональных услуг (а также низшие слои муниципальных служащих)	3,3
Безработные, пауперы, перебивающиеся случайным заработком	3,0
Люмпены, деклассированные слои	1,5

на пакистанской территории, так и косвенно — через механизм неэквивалентного обмена.

Угнетенная, эксплуатируемая часть общества, включающая подавляющее большинство населения, состояла из представителей как современных классов, так и традиционных и полутрадиционных социальных слоев и прослоек. В соответствии с этим имели место, с одной стороны, прямая капиталистическая эксплуатация труда рабочих и служащих в современном секторе, а с другой — осуществляемая за счет включения в орбиту мирового капитализма эксплуатация занятых вне этого сектора. Такого рода косвенная капиталистическая эксплуатация дополнялась прямой эксплуатацией социально приниженных и материально необеспеченных слоев трудового населения традиционными и полутрадиционными методами.

2. Основное классовое деление проецировалось на социально-политическую организацию общества и непосредственно проявлялось в структуре составлявших его классовых, социальных слоев и прослоек.

Правящая Пакистаном прослойка имущих классов, как сказано выше, весьма малочисленна. Несмотря на это, она, прямо или косвенно, не только осуществляла всю полноту исполнительной, законодательной и судебной власти, но и контролировала и владела значительной частью национальных богатств страны.

В состав этой правящей прослойки входили:

— верхушка помещиков, связанная с активной предпринимательской деятельностью (их численность составляла несколько сотен семей). Во владении этой горстки крупных, современного типа помещиков находилась существенная часть лучшего земельного фонда страны, парка сельскохозяйственных машин (тракторов) и средств малой ирригации (колодцев с механическим насосом). Часть этой, по существу крупной, аграрной буржуазии внедрялась в область торгово-промышленного предпринимательства, происходило ее сращивание с верхушкой городской буржуазии;

— крайне незначительная по численности (всего несколько десятков семейств) монополистическая верхушка промышленной и торговой буржуазии.

По своему происхождению и этнической принадлежности эта верхушка состояла в основном из переселившихся в Пакистан после 1947 г. членов гуджаратских мусульманских торговых общин — меманов, ходжа, бохра. По данным на конец 50-х годов, им принадлежало около половины всех промышленных активов крупной мусульманской буржуазии Пакистана⁶¹. Если учесть, что определенные позиции среди верхушки крупной буржуазии имели и другие инациональные по этнической принадлежности группы переселенцев из Индии, то состав монополистической верхушки оказывался более чем наполовину инациональным

для основной части населения Пакистана. Наибольшим удельным весом после инациональной располагала панджабская прослойка магнатов бизнеса. Следом за ними шли семейства монополистов-пуштунов.

Среди крупнейших пакистанских монополистических семейств выделялись ходжа Хабибы и Фаиси, меманы Адамджи и Дауды, панджабцы из группы чиниотских шейхов и Сайголы. В 60-е годы усилились позиции пуштунской монополистической группы Гохар-Хабиба, во главе которой стояли ближайшие родственники тогдашнего президента Айюб-хана. Общее число монополистических групп (семейств), по разным оценкам, равнялось 20, 22, 26, 30 и 43⁶².

В конце 60-х годов монополистическая верхушка крупной пакистанской буржуазии контролировала почти три четверти промышленных и банковских активов, личные доходы входивших в ее состав семейств почти в 2000 раз превосходили средние по стране⁶³. В результате мер по национализации, предпринятых в первой половине 70-х годов и расширения государственного сектора, позиции верхушки крупной буржуазии относительно сократились, но она по-прежнему контролировала около половины промышленных активов, преобладала в сфере внешней и внутренней торговли и обслуживания. В составе монополистической верхушки в 70-е годы произошли известные перемены: в частности, усилились позиции новых групп, состоявших отчасти из представителей влиятельной земельной аристократии; усилились и позиции верхушки гражданской и военной бюрократии (около 1,5 тыс. чиновников высших ступеней различных гражданских служб и 1 тыс. высших и старших офицеров вооруженных сил), самым тесным образом, личными и семейными узами связанной с группами богатых землевладельцев, крупной аграрной и торгово-промышленной буржуазии.

Блок этих социальных сил планировал и руководил осуществлением всех сколько-нибудь существенных акций во внутренней и внешней политике Пакистана. Представители этого блока занимали ключевые посты в разветвленном аппарате управления страной. Его интересы наряду с интересами внешних эксплуататорских сил диктовали основную направленность всей экономической и социальной политики пакистанского государства.

Эксплуататорская верхушка общества включала также социальные прослойки, порожденные докапиталистическими укладами хозяйства и формами общественного устройства. К их числу относились помещики-рентополучатели, связанные с различными остатками привилегированного феодального и полуфеодального землевладения, субаренды и землепользования. В первые годы после образования Пакистана эта паразитирующая на сельскохозяйственном производстве прослойка была весьма значительной (более 40 тыс., или около 30% всех крупных земель-

ных собственников) ⁶⁴. Земельные реформы 50-х годов нанесли серьезный удар по этой прослойке, резко сократив ее численность. Капиталистические преобразования в сельском хозяйстве и аграрная реформа начала 70-х годов еще более ослабили экономическую и юридическую основу существования этой прослойки. Она, однако, сохранила определенные социальные и политические позиции, прежде всего в наиболее отсталых, окраинных районах страны (сардары и малики племен). К этой же категории традиционных эксплуататорских слоев следует отнести и верхушку мусульманских богословов: улама, руководителей мусульманских религиозных орденов и сект — пиров и ишанов. В целом традиционная верхушка эксплуататорских классов ориентировочно не превышала 10 тыс. семей.

Необходимо отметить, что за десятилетия, прошедшие после образования Пакистана, значительная часть эксплуататорской имущей верхушки панджабцев, пуштунов, синдхов, «мухаджиров» и других этнических общностей страны фактически слилась в единую общепакистанскую элиту (что, конечно, не исключало острой борьбы и соперничества между отдельными представителями или группировками этой элиты).

В состав господствующих, эксплуататорских классов входили также более широкие буржуазные слои общества: городская крупная и средняя буржуазия; вставшие на путь капиталистического предпринимательства, буржуазных форм ведения хозяйства прослойки помещиков; сельская торговая буржуазия; зажиточная (кулацкая) верхушка деревни. Поскольку все основные социально-экономические мероприятия правящей прослойки имущих классов были направлены в конечном счете на стимулирование развития страны по пути капитализма, эта политика, естественно, отвечала в главном интересам как этих, так и всех тех социальных слоев пакистанского общества, которые получали свои доходы (целиком или по большей части) от растущего капиталистического уклада, от капиталистического предпринимательства в сельском хозяйстве, промышленности, торговле и других сферах народного хозяйства. Эти слои — социальная база правящей прослойки господствующих классов, социальная и политическая опора правящих кругов. Кроме перечисленных, к ним относились также средний бюрократический слой служащих гражданского государственного аппарата, офицерский и унтер-офицерский состав вооруженных сил, полиции и других органов общественного порядка (полувоенных формирований).

Городская крупная и средняя буржуазия насчитывала приблизительно 35—40 тыс. семей и действовала главным образом в сфере промышленного производства (отрасли легкой промышленности, в первую очередь текстильная и пищевая), строительной индустрии, организованной городской торговли и обслуживания (в частности, содержание отелей, ресторанов, кинотеат-

ров). Значительная часть этой буржуазии занималась различного рода экспортно-импортными операциями и контрабандой. В нее входила также группа крупных подрядчиков-контракторов, осуществлявших наем и эксплуатацию дешевой рабочей силы (чаще всего сезонных рабочих) на объектах производственного, военного, административного и жилого строительства, ремонте дорог и оросительных систем и т. п. К этой же категории относились главы крупных и средних брокерских, посреднических фирм, агенты различных государственных и полугосударственных учреждений и организаций, крупные владельцы городской недвижимой собственности (доходных, многоквартирных домов), владельцы значительных типографий. Большая часть представителей этой буржуазии проживала в крупных и крупнейших городах, прежде всего в Карачи, Лахоре, а также в Фейсалабаде, Лаялпуре, Хайдерабаде, Пешаваре.

К этим слоям примыкала и сельская по основной сфере своих деловых интересов по преимуществу торговая буржуазия. Ее составляли главным образом торговцы-оптовики (так называемые артхи), осуществлявшие либо контролировавшие закупку пшеницы, риса и хлопка у крестьян и сельских хозяев и оптовую продажу этих важнейших продуктов сельского хозяйства на местных рынках. Под контролем этого слоя буржуазии, генетически мало связанного с помещиками, земельной аристократией, находилось значительное число предприятий (по первичной обработке сельскохозяйственной продукции (мукомолен, рисо- и хлопкоочистительных предприятий). Наиболее сильными позиции торговой буржуазии были в рыночных городах (манди таунах). Верхушка этого слоя (крупнейшие артхи) контролировала хлебные рынки на огромных пространствах Панджаба и всей страны и пользовалась влиянием в больших сборных пунктах сельскохозяйственного сырья (Фейсалабаде, Мултане, Окаре, Сахивале и др.).

Экономически активные, т. е. связанные с капиталистическим предпринимательством, прослойки помещиков включали в себя подавляющее большинство крупных и средних землевладельцев. Переходу помещиков к предпринимательской деятельности способствовали как земельные реформы, законодательные изменения в области аграрных отношений, так и техническая модернизация сельского хозяйства, начавшаяся в основном в середине 60-х годов. По данным сельскохозяйственной переписи 1960 г., владельцы наделов площадью свыше 40 га (100 акров) насчитывалось 63,3 тыс., а более 60 га (150 акров) — 14 тыс.⁶⁵. В дальнейшем число крупных земельных собственников увеличилось за счет дробления сверхбольших земельных владений среди родственников с целью избежать изъятия земли по закону 1972 г. о потолке землевладения. Число крупных хозяйств возросло также благодаря освоению значительных пространств новоорошенных земель в Синде и политике наделения ею (про-

даже на льготных условиях) отставных военных, ушедших со службы чиновников. Согласно сельскохозяйственной переписи 1972 г., число землевладельцев — собственников свыше 60 га земли увеличилось до 20 тыс., при этом общая земельная площадь, находившаяся в их распоряжении, несколько уменьшилась⁶⁶.

Крестьяне — собственники наделов от 10 до 40 га земли (25—100 акров) обычно причислялись к зажиточным (кулацким) слоям. По данным 1960 г., их насчитывалось 286 тыс., или примерно 6% земельных собственников. По сведениям 1972 г., число хозяйств этой группы возросло до 350 тыс. Однако к зажиточным собственникам на неполивных (богарных) землях могут быть с полным основанием отнесены лишь владельцы участков свыше 20 га (50 акров). Поэтому относительную величину этого слоя земельных собственников мы несколько уменьшаем, но и при этом зажиточные (кулацкие) слои крестьянства, насчитывая примерно 300 тыс., выступали объективно как главная по численности составная часть социальной базы правящих кругов.

В отличие от разобщенной и распыленной массы зажиточного крестьянства средний бюрократический слой служащих гражданского государственного аппарата был невелик (около 12 тыс. человек), но обладал развитым чувством сплоченности и корпоративности. Этому способствовала относительно высокая заработная плата этого слоя служащих, многочисленные неденежные льготы, привилегии и вознаграждения (особенно важные в условиях инфляции). В еще большей степени дух корпоративности, исключительности был присущ офицерам вооруженных сил, что объясняется сходством социального (из состоятельных классов) и этнического происхождения (в основном это панджабцы и отчасти пуштуны и «мухаджиры»), сложной системой отбора (вступительных экзаменов) при поступлении в военные учебные заведения, значительным уровнем материальной обеспеченности. Существенное значение имело также гарантированное пенсионное обеспечение, достаточно благоприятные жилищные и бытовые условия жизни.

К социальной опоре правящих кругов следует отнести также унтер-офицерский состав вооруженных сил, полицейских частей и полувоенных формирований. Численный состав этой прослойки был довольно значителен (40—50 тыс.), социально и генетически она была связана с собственническими слоями крестьянства, причем крестьянства почти исключительно северных и северо-западных районов страны (панджабских и пуштунских).

Среди социальных групп, объективно поддерживавших политику правящей прослойки имущих классов, необходимо, наконец, отметить наиболее преуспевающую категорию лиц свободных профессий и специалистов: юристов, врачей, актеров, отдельных художников, журналистов, ведущих архитекторов, ин-

женеров, преподавателей высших учебных заведений (университетских профессоров) и т. п. Общая численность этой категории, конечно, была весьма ограничена, но ее поддержка имела немаловажное значение для правящих кругов.

Эксплуатируемые массы по их месту в социально-политической структуре общества можно было в общем виде подразделить на организованные и неорганизованные слои в зависимости от степени и потенциальной возможности развития профессиональных союзов, профдвижения, организованного массового участия в совместных выступлениях. К первому подразделению следует отнести современный рабочий класс и служащих современного сектора, прежде всего конторских служащих, условия труда, жизни и быта которых в наибольшей степени приближались к пролетарским.

Современный пролетариат Пакистана насчитывал около 1 млн. человек, из них примерно 50% — промышленные рабочие, 40% — транспортные. Среди рабочих крупной фабрично-заводской промышленности, составлявших основной костяк наемной рабочей силы, преобладали текстильщики (более 200 тыс.). В 70-е годы значительно выросло число рабочих на предприятиях государственного сектора (до 60 тыс.). Более 100 тыс. рабочих трудилось на предприятиях базовых, технически сложных отраслей промышленности и производственной инфраструктуры. Среди транспортников преобладали железнодорожники (150 тыс., включая рабочих железнодорожных мастерских), а также рабочие морского транспорта, включая докеров (около 130 тыс.)⁶⁷.

Характерные особенности современного пакистанского рабочего класса:

— высокая концентрация (на заводах и фабриках с числом рабочих свыше 1000 человек было занято не менее половины всех пролетариев, работавших в ценовой промышленности);

— относительно высокий процент квалифицированных (до 50—60%), довольно высоко (по пакистанским стандартам) оплачиваемых рабочих на крупных предприятиях;

— концентрация рабочих в нескольких крупнейших городах — центрах экономической активности, прежде всего в Карачи (где было сосредоточено до 40% производственного потенциала современного сектора экономики), Лахоре, Фейсалабаде (крупнейшем текстильном центре) и др.;

— этническая неоднородность, создававшая барьеры между различными по месту происхождения группами, затруднявшая организационное и политическое сплочение пролетариата (рабочие крупных предприятий Карачи распались на две большие группы — переселенцев из Индии, говорящих на урду, и мигрантов из внутренних районов страны, главным образом из Северо-Западной пограничной провинции и Панджаба);

— устойчивые связи с деревней, большая текучесть рабочей

силы, значительный процент сезонных и временных рабочих (это прежде всего было характерно для рабочих малой квалификации — пуштунов и белуджей, работавших в Карачи и Хайдерабаде, панджабцев, приходивших на предприятия Лахора, Фейсалабада, Равалпинди).

К организованным отрядам трудящихся относилась также значительная часть конторских служащих (клерков) предприятий и учреждений государственного и частного секторов. Большую часть конторских служащих составляли счетные работники и специалисты по регистрации и учету, занятые в банковском деле, страховании, различных налоговых, финансовых департаментах правительства. Клерки (служащие среднего и низшего звена) были весьма многочисленны во всех государственных учреждениях. Перегруженность кадрами служащих снижала оплату их труда, затрудняла борьбу за повышение этого уровня и улучшение общих условий жизни. Относительно высокая степень образования способствовала в то же время участию в организованном профессиональном движении. Общая численность конторских служащих — приблизительно 300—400 тыс. человек. Ввиду разветвленности государственного аппарата, сети различного рода контор и канцелярий конторские служащие были распылены между большим числом городских центров. К этим представителям «белых воротничков» примыкали некоторые иные категории средних служащих, в частности получившие определенное специальное образование и подготовку (служащие крупных медицинских и учебных заведений, редакций больших газет, книгоиздательских фирм, типографий и т. п.).

Хотя к организованным (реально или потенциально) отрядам трудового населения относилась и некоторая часть служащих с профессиональной подготовкой, основная их масса, так же как и большинство самостоятельных (по статусу занятости) лиц свободных профессий, принадлежала к неорганизованным слоям. Наиболее массовой прослойкой среди них были учителя средних и начальных школ. Они составляли примерно половину всех лиц, причисляемых официальной статистикой к категории специалистов, технических и связанных со специальными знаниями профессий. При общей численности свыше 200 тыс. человек учителя существенно различались по уровню подготовки и материальному положению. Большинство из них имело свидетельства об окончании лишь средней школы, значительная часть не завершила полный курс среднего образования и преподавала в начальных (сельских и городских) школах, получая мизерное жалованье, ставившее их по уровню материальной обеспеченности на один уровень с малоквалифицированными работниками физического труда. Меньшая часть учителей и преподавателей закончила специальные колледжи (получила неполное высшее образование), факультеты и колледжи универ-

ситетов (высшее образование) и занималась преподавательской деятельностью в высших и средних учебных заведениях. По уровню оплаты труда эта часть интеллигенции стояла неизмеримо выше, но в их среде имелись значительные различия в зависимости от города проживания (крупный или небольшой), места работы (профиль и престижность учебного заведения), стажа и квалификации.

Второй по величине отряд специалистов — врачи и медицинский персонал. Число врачей высшей квалификации в стране было очень невелико (один врач приходился примерно на 7 тыс. человек), они работали главным образом в больших городах. Среднее звено врачей отличалось довольно высоким уровнем оплаты труда. Этого нельзя сказать о среднем и низшем медицинском персонале (за исключением тех, кто работал в немногих привилегированных лечебных учреждениях). Примерно та же разница в уровнях материальной обеспеченности наблюдалась среди инженеров и техников, дипломированных научных кадров и подсобных вспомогательных работников, юристов, адвокатов и рядовых служащих органов судопроизводства.

К материальному положению учителей начальных школ в большинстве случаев близка обеспеченность основной массы мусульманских богословов (общее число которых превышало 50 тыс.). Около 80% богословов — служители при мечетях (имамы и муллы). Следующую по численности группу составляли преподаватели (мударрисы) светских и мусульманских религиозных школ. В сельской местности рядовые представители как традиционной (богословской, религиозной), так и современной (светской) интеллигенции занимали, по существу, идентичное социальное и материальное положение. В религиозных центрах и больших городах имелась довольно значительная прослойка улама, для поддержания материального статуса которых немалое значение имела их роль функционеров религиозных, консервативных по своему духу и направленности политических партий и организаций. Действовавшим и ранее, но получившим в 70-е годы дополнительное значение каналом материальной поддержки, подкармливания традиционных слоев интеллигенции в Пакистане служила финансовая помощь со стороны богатых мусульманских государств, международных исламских, правительственных и неправительственных органов и организаций.

Весьма значительны по численности слои мелкой, но преимуществу городской буржуазии. Его верхнюю, пограничную с собственно буржуазией прослойку составляли владельцы небольших промышленных (маломеханизированных или мануфактурных) предприятий, ремонтных и ремесленных мастерских, торговых заведений, предприятий сферы личных услуг, где было занято некоторое число наемных работников (учени-

ков, подмастерьев, а также опытных рабочих, на которых «держится дело»). Эта прослойка олицетворяла сферу начально-капиталистического предпринимательства и включала отчасти уже мелких капиталистов.

Совмещение рабочего и хозяина в одном лице при товарном характере производства и наличии в обществе присущих капитализму противоречий — есть отличительное свойство мелкой буржуазии. При той включенности экономики больших и малых городов Пакистана, а также подавляющей части его сельских торгово-ремесленных центров в товарно-денежные, а через них, косвенно или прямо, в капиталистические отношения большинство лиц, ведущих собственное хозяйство, принадлежало к классу мелкой буржуазии. Вместе с тем, учитывая сохранение остатков сугубо традиционных форм вознаграждения, относительно неизменность спроса на некоторые виды товаров и услуг со стороны ограниченного и лишь медленно расширяющегося числа потребителей (как правило, это жители мухалла — городского квартала), некоторая часть хозяев торгово-ремесленных заведений принадлежала к традиционным слоям, которые не были затронуты в полной мере товарными отношениями и капиталистическими противоречиями.

Основная часть самостоятельных хозяев действовала в сфере розничной торговли (более 200 тыс. владельцев торговых лавок и лотков в городах и больших деревнях). Следом за торговцами по численности шли мелкие промышленники (около 100 тыс.). Значительную прослойку мелких хозяев составляли владельцы небольшого числа современных средств транспорта (одного-двух авторикш, такси, мини-грузовиков), а также традиционных средств передвижения (конных повозок — тонг).

На примерно том же социально-имущественном уровне находилась в деревне средняя часть крестьян-собственников, владевших участками от 2 до 10 га (5—25 акров). Как правило, всю эту прослойку крестьянства относили к категории середняков, но полностью рентабельными в Пакистане считались наделы свыше 5 га (12,5 акров). Такие хозяйства составляли приблизительно четвертую часть «средних» по размерам хозяйств (550—600 тыс. из 2,2—2,5 млн.) по данным на 1960 г.; около 800 тыс. из 2,3 млн. согласно сведениям 1972 г.⁶⁸. Строгое соответствие между величиной земельного надела и имущественным положением владельца нарушалось уже вследствие различного уровня урожайности на поливных и неполивных (богарных) землях. Участок орошаемой земли обычно вдвое продуктивнее, чем участок неорошаемой земли. Отсутствие данных о владении отдельно орошаемой и богарной землей (в Пакистане последняя называется «барани») делает расчеты условными и приблизительными. К тому же надо учитывать пополнение как середняков, так и их верхней прослойки за счет крестьян-собственников, арендовавших дополнительную землю.

Хозяйства собственников-арендаторов в 1960 г. составляли 9% общего числа земельных хозяйств и занимали 11% обрабатываемой площади⁶⁹.

По сведениям ряда обследований, арендаторы составляли в деревне 10—15% населения. Основная их часть обрабатывала участки свыше 2 га (5 акров), но по своему имущественному положению она должна быть приравнена к бедным слоям крестьянства, ибо доход от урожая делился обычно пополам между арендатором и землевладельцем. Развитие помещичьего землевладения, капиталистическая модернизация, механизация сельского хозяйства привели к сокращению участков, сдаваемых в аренду, поставив арендаторов-издольщиков в еще более стесненные материальные условия жизни и заставив их искать приработка в хозяйствах помещиков и кулаков.

Бедные слои крестьянства включали прежде всего собственников земли размером менее 2 га (до 5 акров). По данным 1960 г., такие хозяйства составляли ровно половину от общего числа земледельческих хозяйств (около 2,5 млн.); при этом на них приходилось всего 10% обрабатываемых площадей. Сравнение данных сельскохозяйственных переписей 1960 и 1972 гг. приводит к выводу о значительном сокращении общего числа земледельческих хозяйств (более чем на 1 млн.). Это сокращение произошло главным образом за счет мелких и мельчайших хозяйств (менее 2 га), число которых в 1972 г. равнялось 1,1 млн. Их доля в обрабатываемой площади сократилась до 5%.

Участки до 2 га на неполивных землях совершенно недостаточны для обеспечения семьи крестьянина средствами существования. Орошаемая незасоленная земля в 3—5 акров позволяла как-то свести концы с концами при условии дополнительной занятости в мертвый сезон (отход на промыслы в города), либо наличия скота. Отдельные обследования показали, что крестьяне с регулярным дополнительным несельскохозяйственным доходом составляли 10—20% деревенских жителей⁷⁰. Общее число хозяйств малоземельных и безземельных крестьян равнялось приблизительно 2—2,5 млн. При этом владельцы мельчайших участков земли составляли, по существу, ту же социально-экономическую категорию, что и безземельные сельскохозяйственные рабочие. Это утверждение находится в полном соответствии с подходом В. И. Ленина, который подчеркивал отсутствие границы между безземельными крестьянами и владельцами мелких участков, относя последних к сельским пролетариям⁷¹.

Численность не имевшего земли сельскохозяйственного пролетариата и полупролетариата превышала 2 млн. человек. В различных земледельческих районах Пакистана его относительная доля и абсолютная численность были неодинаковы. В системе традиционной общинной регламентации эта категория занимала одно из самых низких мест, будучи связана с вы-

полнением различных видов работ, в основном, но не только непосредственно вытекавших из земледелия. В современной системе организации сельскохозяйственного производства к батракам временно или постоянно присоединялись беднейшие представители других лишенных земли профессиональных групп деревенского населения (ремесленники и прочие «слуги общины»). В большинстве сельских районов Пакистана (в частности, в Панджабе) сословно-профессиональные (кастовые) группы составляли до 20% населения деревень. В последние десятилетия происходило размывание слоя деревенских слуг и ремесленников, часть из них (кузнецы, плотники, гончары) переселялась в города, где стремилась найти применение потомственным трудовым навыкам и умениям.

Возросшая степень втянутости сельских обществ в товарное производство, проникновение городской торговли, постепенное усиление спроса на современные промышленные товары сказались на численности слоя деревенских торговцев. В небольших деревнях удельный вес владельцев торговых лавок не превышал 5%, в крупных селах, имевших рыночное значение, достигал иногда 25%. В целом в сельской местности в сфере торговли было занято около 6% самодельного населения⁷².

Общая же численность семей деревенских жителей, как правило не имевших земли и не занимавшихся ведением сельского хозяйства (семьи торговцев, ремесленников, слуг, скотоводов), равнялась приблизительно 2,5—3 млн.

Временная и постоянная миграция беднейших слоев деревенского населения в города привела к разбуханию неорганизованного сектора городского хозяйства. Основа его существования — исключительная дешевизна рабочей силы, сформировавшаяся как следствие низкой ее стоимости и предложения по цене ниже стоимости. Генетически городская бедность и нищета — прямое продолжение деревенской бедности, результат распространения относительной перенаселенности из аграрной сферы вовне, расширение области локализации перенаселения. Существеннейшую роль играло при этом воспроизводство бедности за счет быстрого естественного роста народонаселения в городах. В Пакистане к тому же первоначальным толчком к возникновению многочисленных «карманов» (очагов и районов) трущоб и временных построек послужило массовое переселение людей в связи с разделом 1947 г., вынужденное оседание не имевших средств к существованию беженцев (в значительной своей части деревенских жителей) в городах⁷³.

От неорганизованной сферы городского хозяйства зависело существование более 1,2 млн. семей. Главы этих семей частично были заняты на промышленных предприятиях, мелких по масштабу занятости и производства, нецензовых, нефабричных по своему официальному и юридическому статусу, в ремонтных, поделочных мастерских, в небольших торговых заведениях,

транспортных и складских фирмах, у подрячников и субподрядчиков по разгрузке и погрузке товаров, оказанию различного рода услуг. Большая часть занятых в неорганизованной сфере принадлежала к категории самостоятельных, независимых работников. Их «самостоятельность» выражалась в том, что они не имели регулярной, постоянной работы, предлагали свои услуги то одному, то другому работодателю, а владея каким-то ремеслом, работали в одиночку или с помощником на поставщика сырья и заказчика, который нередко был и кредитором и подлинным их хозяином.

Среди ремесленников наиболее массовая профессия — это ткачи (более 200 тыс.). Они работали на ручных, а чаще всего в последние два десятилетия на механических ткацких станках (число последних вне фабрик превосходило число станков, установленных на текстильных фабриках). Помимо ткачей, «независимые» ремесленники в городах — кузнецы, жестянщики, специалисты по ремонту разного рода технических приспособлений и транспортных средств, плотники, мебельщики, обувщики, портные и т. п. Кроме ремесленников, в категорию самостоятельных работников включались занятые в торговле и обслуживании, не имевшие, по существу, никакой квалификации люди, обычно не получавшие твердого заработка от хозяина, а договаривавшиеся работать за определенное вознаграждение, которое зависело от объема реализованного ими товара или предоставленных услуг. Таковы прежде всего разносчики товаров и лоточники (торговцы рыбой, зеленью, овощами и фруктами, старьем; дешевыми украшениями, авторучками и другой мелочью), чистильщики обуви, уличные продавцы газет и журналов. Среди этих занятий встречались как вполне современные, так и традиционные по характеру оказываемой услуги. Однако в значительной своей части (с точки зрения современного индустриального общества) — это сфера мнимой занятости. Мнимой как потому, что мизерно, «мнимо» вознаграждение за труд, так и потому, что мала и несущественна общественная необходимость в нем. Вместе с тем нужно учитывать, что такого рода мнимая занятость в условиях полутрадиционного восточного общества оказывалась элементом «встроенного механизма» воспроизводства ряда существенных сторон традиционного уклада его жизни (доставка товаров к порогу дома, в частности, способствовала затворничеству женщин).

Весьма значителен в Пакистане в рассматриваемый период был также слой лиц, находившихся в персональном услужении: сторожа, посыльные, домашняя прислуга (400—500 тыс. человек). Сосредоточены они главным образом были в крупнейших городах, в кварталах наиболее обеспеченной части населения (там они, как правило, не только работали, но и проживали). По своему происхождению большинство этих лиц — недавние мигранты, часто хоть и надолго, но все же не навсегда переселив-

шился из родной деревни в большой город. Среди уборщиков и подметальщиков улиц (последние составляли особую, низшую прослойку муниципальных служащих) была существенна доля христиан (среди них много обращенных в эту религию членов неприкасаемых каст).

Лица, занятые в неорганизованном секторе городского хозяйства, составляли по большей части самую бедную прослойку городского населения, влачившую полуголодное существование на окраинах, главным образом больших городов, в кварталах построенных там ими глинобитных хибарок, временных построек из неструганых досок, листов шифера и фанеры, сухих веток, тряпок и соломы. В крупных городах, где центр был застроен еще до 1947 г., этот люд заселял также кварталы «классических трущоб» — перенаселенные многоэтажные «каменные мешки», запущенные, местами полуразвалившиеся жилые строения из кирпича и камня.

Нижнюю прослойку среди них составляли пауперы, лишившиеся какого-либо постоянного заработка и возможности изменить судьбу — переехать в другое место, вернуться в родную деревню. Пауперы перебивались случайной работой, соглашаясь на любую. Нередко единственным источником их существования становилось донорство. Лишенные постоянной работы, многие жили в ожидании временной или за счет благотворительности (в Карачи и других городах имелись специальные постоянные дворы — мусафир-хана, где можно было изредка бесплатно питаться). Признак паупера — бездомность, отсутствие домашнего очага. В летнее время не имевшие крова спали прямо на тротуарах, на улицах, в общественных садах и парках. Зимой иногда они вынуждены были часами разгуливать по городу, чтобы не замерзнуть. Число бездомных в Пакистане за два последних десятилетия значительно выросло. По сообщениям газет, в одном только Карачи в середине 70-х годов их насчитывалось 160 тыс.⁷⁴

Полностью деклассированные элементы — люмпены — более разнообразная по своему составу, происхождению и материальному положению категория. Часть из них — это лишившиеся всех трудовых средств заработка пауперы, люди, потерявшие всякую надежду на работу, окончательно опустившиеся до положения деклассированных. Основная их профессия — нищенство. Для некоторой части просящих милостыню (бакшиш) причиной обращения к такому источнику средств существования было физическое увечье, врожденные пороки и заблуждения. Для определенной категории причина состояла в следовании потомственной профессии (в деревнях это профессия факира). Нищие в Пакистане (как и в других странах Востока) не были лишены черт внутренней организации; они образовывали нередко бродячие товарищества, придерживались определенных «правил игры». В дни религиозных праздников потоки профес-

сиональных нищих и люмпенов стекались в большие города. В Карачи в этот период из внутренних районов страны приехало до 100 тыс. нищих⁷⁵. К другим категориям люмпенов следует отнести членов преступных гангстерских групп, контрабандистов, спекулянтов, содержателей игорных домов и других подпольных заведений, проституток. Относительная доля люмпенов и переходных к ним слоев пауперов в традиционном деревенском обществе в Пакистане находилась в среднем на уровне 1—3%. Учитывая обострение проблемы занятости и относительного перенаселения, доля пауперов и люмпенов в городах безусловно выше, а для всего общества, очевидно, была равна примерно 5%.

В это число входила часть безработных, зарегистрированных на биржах труда. Общее число искавших работу через эти официальные каналы превышало 200 тыс. Несколько более половины из них — малоквалифицированная и малообразованная или вовсе не имевшая квалификации и образования рабочая сила. Остальная часть — лица с образованием, главным образом средним и неполным средним. Относительно велика была также доля выпускников высших учебных заведений.

Безработицей была охвачена значительная часть (до 30—40%) получившей образование молодежи. Страдавшая от этого молодежь являлась важным «бродильным ферментом» общественной и политической жизни страны. Активная роль в этой жизни принадлежала студенчеству и учащимся старших классов школ. Студентов в Пакистане насчитывалось 200—300 тыс. (из них в университетах — 25—30 тыс.), учащихся средней школы (старшие классы) — 500—600 тыс. Социальное происхождение различных групп студентов и учащихся неодинаково. Среди студентов университетов и медицинских, инженерных и иных колледжей, включая привилегированные школы и колледжи, преобладали выходцы из состоятельных слоев общества: крупной буржуазии, помещиков, верхних слоев интеллигенции. Состав студентов факультетов и колледжей общего профессионального профиля более демократичен: среди них были выходцы из относительно плохо обеспеченных в материальном отношении горожан (средних слоев служащих, интеллигенции, мелких буржуа, служителей культа, а также, правда незначительно, рабочих) и деревенских жителей (зажиточных крестьян, торговцев). Продолжение образования для этой части студенчества нередко было связано с отсутствием перспектив на получение работы и представляло собой отчасти «отложенную безработицу». Это не умаляло, а, наоборот, усиливало надежду на повышение как материального, так и социального статуса благодаря получению высшего образования.

Примерно четвертую часть студентов и выпускников средних школ составляли девушки. Их социальное происхождение в среднем было существенно выше. Давая дочерям среднее и выс-

шее образование, многие состоятельные родители (скорее всего, большинство) рассматривали это как этап их подготовки к роли неработающей замужней женщины. Распространение женского образования и сохранявшиеся запреты и препоны на пути к расширению женской занятости — одна из главных причин отмеченного переписью населения 1972 г. необычного положения, когда более половины женщин, включенных в категорию самодельного населения, не имело работы. Часть оставшихся без работы замужних женщин принимала весьма активное участие в общественно-политической жизни.

Особую общественную прослойку составлял рядовой состав вооруженных сил и полувоенных формирований. Общая численность личного состава вооруженных сил превышала 500 тыс. человек, а с полувоенными формированиями — 600 тыс.⁷⁶ Комплектование рядового состава проводилось главным образом на основе выборочной воинской повинности; минимальный срок службы — два года. Важная особенность рядового армейского состава — его этническая однородность. Солдатская масса более чем на 80% состояла из панджабцев. Остальную часть составляли по преимуществу пуштуны. Более того, подавляющая часть рекрутов — сыновья крестьян из нескольких западных и северо-западных округов Панджаба (Кембеллпура, Равалпинди, Мианвали, Джанга, Гуджарата, Желума). Учитывая неполивной (богарный) характер земледелия в этих районах (а также в округах Кохат и Пешавар Северо-Западной пограничной провинции и в «полосе племен», откуда набирались в армию пуштуны), крестьянскую бедность (при наличии порой значительных по площади участков собственной земли), неполную занятость, большое распространение сезонного отхода на заработки, служба в армии и полувоенных формированиях (а также в полиции) представляла собой разновидность важного промысла для средней крестьянской семьи.

3. Характеристика социальной структуры пакистанского общества будет неполной, если не сказать о таких важных и своеобразных элементах этой структуры, как племена в Северо-Западной пограничной провинции и в Белуджистане, кланы в Синде и «бирадари» в Панджабе.

Племена, сохранившиеся у пуштунов и белуджей, а также у брагуев, не являлись, конечно, кровнородственными коллективами. Они представляли собой своеобразные пережиточные общности, консервации которых способствовали некоторые особенности исторического развития брагуйского, белуджского и пуштунского народов. Важную роль сыграло длительное отсутствие у них собственной государственности. (Как известно, первые независимые пуштунские и брагуйско-белуджские государственные образования возникли на рубеже XVII--XVIII вв.) В результате в течение столетий единственной силой, обеспечивавшей кочевникам, крестьянам и ремесленникам защиту от гра-

бежа и притеснений со стороны правителей соседних феодальных государств, а в новое время — от захватнических посягательств колонизаторов, была родо-племенная организация. В ее сохранении была заинтересована и эксплуататорская верхушка брагуев, белуджей и пуштунов, поскольку традиции родо-племенного быта не только маскировали классовые противоречия, но и давали возможность использовать ополчения племен в завоевательных походах. В результате племенная организация стала своеобразной экономической и административной системой, в рамках которой еще недавно замыкалась жизнь основных масс тружеников. Раздел земли и воды, отбывание трудовой повинности, разверстка налогов, набор в армию производились по племенам. Каждое из племен занимало свою определенную территорию с пастбищами, пашнями и укрепленными замками — «кала», служившими резиденциями главам племен и их подразделений — сардарам, мукаддамэм, ханам, маликам и навабам.

Так, например, в «полосе пуштунских племен», где проживало почти 3 млн. человек (а также в некоторых районах административных округов Северо-Западной пограничной провинции и Белуджистана) пуштунские племена сохраняли такие элементы племенной организации, как «джирга» — совет старейшин, решавший на основе обычного права пуштунов («пуштун-валай») внутренние дела племени, клана или рода. Сохранялись ополчения боеспособных мужчин («лашкар») и трудовая взаимопомощь («ашар»).

Сохранившиеся до наших дней устойчивые пережитки родо-племенной организации, идеологии и быта оказывали значительное влияние на социальные и политические процессы, происходившие в СЗПП и Белуджистане. Пуштунские, брагуйские и белуджские ханы и малики племен, улама, политические деятели активно использовали эти пережитки как для укрепления собственного влияния, так и для того, чтобы не допустить сплочения трудящихся на классовой основе⁷⁷. Хан или сардар господствовавшего в данном административном округе брагуйского, белуджского или пуштунского племени нередко становился политическим «боссом» района. В «полосе же пуштунских племен» хан племени был единственным возможным лидером, авторитет которого никто из соплеменников даже не пытался оспаривать.

В 70-е годы в округах Пешавар и Мардан СЗПП происходили выступления крестьян-арендаторов. Однако и они были окрашены в цвета племенной розни, так как большая часть землевладельцев в этих районах принадлежала к племени юсуфзаев, а арендаторов — к племени момандов. Это привело к тому, что крупные помещики-юсуфзаи сумели придать аграрному по своей сути конфликту характер межплеменных столкновений, в которых интересы кучки земельных магнатов с оружием в ру-

ках защищала масса мелких земельных собственников-юсуф-заев.

На обстановку в пуштунских районах СЗПП и Белуджистана отрицательное влияние оказывал обычай кровной мести («бадал»). Нередко за этими столкновениями крылись глубокие интересы имущей верхушки пуштунов, связанные с политическим соперничеством и борьбой за власть. Тогда вражда между племенами приобретала упорный и длительный характер. Отношения некоторых пуштунских племен (части оракзаев и тури, являющихся шиитами) с их соседями осложнялись религиозной враждой, которая также часто приводила к столкновениям.

Сохранение пережитков клановой организации у синдхского населения Пакистана, возможно, связано с участием белуджей в этногенезе синдхского народа (на его поздней стадии). Консервации замкнутых клановых перегородок, безусловно, содействовали и неизжитые (даже у синдхов-мусульман) представления и традиции, характерные для кастового строя, присущего индуизму. Наличие в Синде около 200 кланов (некоторые из них имеют сословный характер) несомненно оказывало серьезное влияние на политическую жизнь, особенно в сельских районах центральных и северных округов этой провинции.

В Панджабе, крупнейшей провинции Пакистана, на политическую жизнь такое большое влияние (возможно, даже большее, чем в Синде) оказывало соперничество местных богатых и могущественных землевладельческих кланов. Наиболее влиятельные из них: Кизылбаши из Лахора; Джанджуа из Дарапура; Аваны из Кембеллпура; Даултана, Гилани, Куреши и Гардези из Мултана; Гурмани и Дасти из Музаффаргарха, Легхари и Мазари из Дера Гази-хана; Пирача, Нуны и Тивана из Саргодхи; Аббаси из Бахавалпура; Навабы Калабага из Мианвали; пиры Раджоа из Джанга; Хаяты из Ваха и некоторые другие.

Важную роль в социальной и политической жизни Панджаба играли также «бирадари». Нередко даже избирательная борьба в этой провинции фактически сводилась к соперничеству представителей различных «бирадари»⁷⁸.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ОСНОВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

Политическое развитие Пакистана, специфика этого развития в конечном счете определялись отменными выше социально-экономическими особенностями страны, ее социально-классовой структурой. Изменения в базисе вели к соответствующим изменениям политической системы. В то же время следует иметь в виду относительную самостоятельность элементов надстройки, ее значительное влияние на базис. На деятельность надстроеч-

ных институтов Пакистана большое влияние оказывали такие факторы, как сложившиеся в обществе традиции, роль ислама, национальный состав населения. Значительным было воздействие на внутреннюю жизнь государства его внешнеполитического курса. В периоды особо тесного сотрудничества с империалистическими и гегемонистскими силами или обострения отношений с соседними странами, как правило, ужесточалась внутренняя политика государства, затруднена была деятельность демократических сил, активизировались шовнистические религиозно-общинные элементы.

Своеобразие расстановки классовых сил в Пакистане, обусловленное социально-экономической структурой общества и эволюцией правящего блока (главное здесь состояло в усилении роли элементов, связанных с капиталистическим предпринимательством), обусловило особенности борьбы за определение путей и методов развития государства, которая развернулась в Пакистане сразу же после его возникновения. Эта борьба шла по двум основным направлениям. Во-первых, между господствующими классами в целом, с одной стороны, и широкими массами населения, включая рабочий класс, крестьянство, радикальную интеллигенцию, мелкую и часть средней буржуазии, — с другой. Во-вторых, внутри самих правящих классов между сторонниками и противниками форсированного развития капитализма в стране, модернизации общества. Борьба внутри правящего блока имела особенно большое значение для политического развития страны в первое десятилетие независимого существования Пакистана. В дальнейшем в результате происшедших изменений в экономике и классовой организации пакистанского общества вследствие развития капитализма и того, что государственную власть стали осуществлять силы, связанные с капиталистическим способом производства и заинтересованные в его ускоренном развитии, борьба внутри правящего блока постепенно теряла свое определяющее для эволюции политической системы значение.

В силу ряда особенностей исторического развития Индии в колониальный период в образованном после 1947 г. независимом Пакистане у власти оказалась ничтожная по численности верхушка господствующих классов в виде блока крупных помещиков Западного Пакистана (главным образом Панджаба и Синда) и крупной буржуазии, переселившейся в Западный Пакистан из Индии⁷⁹. В первые годы существования Пакистана экономическая деятельность этой буржуазии протекала в основном в сфере обращения, где она действовала в тесном контакте с иностранными монополиями. Главным источником ее доходов были торгово-финансовые операции и ростовщичество; поэтому она была мало заинтересована в развитии национального производства. Что касается крупных западнопакистанских помещиков, то они прежде всего стремились к сохранению своих по-

дуфеодальных привилегий, огромной земельной собственности. Оба участника правящего блока стояли за социально-экономическое статус-кво. Вот почему в течение более чем десятилетнего периода, когда именно эти силы определяли государственную политику, не были проведены сколько-нибудь значительные преобразования пакистанского общества: в течение 1947—1958 гг. практически неизменными оставались доставшиеся от колониальных времен система аграрных отношений, административный и судебный аппараты, народное образование, здравоохранение и т. д.

Для проведения подобной политики, которая шла вразрез с интересами подавляющего большинства населения, правящий блок нуждался в поддержке со стороны иностранного капитала. В рассматриваемый период усиливалась односторонняя ориентация Пакистана на западные державы, прежде всего США, политическая и экономическая зависимость от них. Именно тогда Пакистан оказался втянутым в военные блоки СЕНТО и СЕАТО.

С самого начала исключительно важную роль в политической жизни Пакистана играл национальный вопрос. Пакистан— государство многонациональное. Более половины населения страны составляли бенгалцы, проживавшие в восточной провинции (в 1971 г. на месте этой провинции было образовано независимое государство Бангладеш), в западной части страны преобладали панджабцы. В таких условиях прогрессивные силы страны выступали за демократическое решение национального вопроса, превращение Пакистана в федерацию равноправных автономных провинций, созданных на национально-лингвистической основе, предоставление всем народам возможности для развития своей культуры и языка, с тем чтобы между всеми народами были установлены отношения доверия и сотрудничества, что, в свою очередь, содействовало бы укреплению целостности и единства государства⁸⁰.

Однако правящая верхушка путь к укреплению государства видела в противоположном — в отрицании прав различных народов на автономию, в их дискриминации, в игнорировании самого факта существования в стране различных наций (официальная доктрина гласила: «Одно государство — одна нация»). Именно таким путем пытались пакистанские руководители обеспечить «единство» населения страны. Разумеется, этот путь определялся интересами господствовавшего помещичье-буржуазного блока, поскольку он открывал широкие возможности для эксплуатации Восточного Пакистана и «малых провинций» западной части страны, использования этих районов в качестве источника доходов, сырья, рынков сбыта. За период существования провинции Восточный Пакистан расходы по государственному бюджету на нее составили 30% всех расходов пакистанского государства⁸¹. В то же время Восточный Пакистан опла-

чивал за счет своего экспорта (прежде всего джута и джутовых изделий) значительную часть товаров, ввозимых в Западный Пакистан. Хотя бенгалцы составляли большинство населения страны, им принадлежало лишь 10% постов в центральном аппарате, полиции и вооруженных силах. В течение многих лет власти пытались ввести по всей стране в качестве государственного языка урду, на котором в Восточном Пакистане говорило менее 1% жителей. Понадобились годы упорной борьбы, сопровождавшиеся кровавыми жертвами, чтобы лишь в 1954 г. язык бенгали был признан наряду с урду государственным языком Пакистана. В октябре 1955 г. четыре провинции западной части страны — Панджаб, Синд, Белуджистан и Северо-Западная пограничная провинция — были объединены в единую провинцию Западный Пакистан. Это действие правительства ущемляло интересы народов западной части страны и вызвало с их стороны сильное сопротивление. Только в 1970 г. единая провинция Западный Пакистан была вновь разделена на четыре провинции.

Отрицание многонационального характера государства, национальной самобытности его народов, их экономическая и политическая дискриминация не только не способствовали укреплению единства Пакистана, но что рассчитывали его правящие круги, но повели к прямо противоположным результатам. Национальные движения в обеих частях страны были важнейшей причиной острых политических кризисов, потрясавших Пакистан в течение всего периода его самостоятельного существования. Так, именно подъем борьбы в Восточном Пакистане явился важнейшей причиной отказа президента М. Айюб-хана от поста главы государства и передачи всей власти руководителям армии в марте 1969 г.⁸² Национальное движение в Восточном Пакистане в ответ на жестокие репрессии хунты переросло в 1971 г. в национально-освободительное, результатом которого явилось образование на месте бывшей провинции Восточный Пакистан независимой Народной Республики Бангладеш.

Пакистанская конституция 1973 г. расширила и закрепила права провинции страны. Однако эти права постоянно нарушались. Поэтому в стране продолжалась борьба ее народов за соблюдение провозглашенных автономных прав и дальнейшее их расширение.

С момента образования Пакистана интересы господствующей верхушки проводила в жизнь небольшая группа политиков, в разных комбинациях находившаяся у власти⁸³. Значительную часть этой группы составляли непосредственно земельные магнаты и крупные буржуа — из 80 членов Национального собрания страны 28 были лендлордами Западного Пакистана. Такие земельные магнаты и крупные бизнесмены, как М. Ф. Х. Нун, М. А. Гурмани, М. М. Даултана, Х. И. Х. Мамдот, М. А. Хуро, М. Г. А. Галпур, Ю. А. Харун, М. А. Х. Испахани, непосредст-

венно держали в своих руках рычаги государственного управления. Став у власти, эти деятели прилагали максимум усилий, чтобы не выпустить ее из рук. Ради этого заключались беспринципные компромиссы, совершались разного рода махинации, интриги, непрерывные смены партийной принадлежности. Наконец, укажем, что в первоначальный период существования в Пакистане парламентского типа правления (1947—1958) в стране ни разу не проводились всеобщие прямые выборы высшего законодательного органа.

Монополия на власть в Пакистане в первые годы принадлежала Мусульманской лиге, возглавившей движение за создание независимого государства Пакистан. Она безраздельно господствовала в центре и на местах. Ее лидеры были руководителями государства. Мусульманское население страны практически не имело каких-либо других политических партий; считалось, что Лига представляет всех мусульман Пакистана. Кроме нее существовали лишь партии и организации религиозных меньшинств — индусов, каст неприкасаемых, христиан, буддистов и т. д. (такие, как Национальный конгресс Пакистана, Федерация каст неприкасаемых, Объединенная прогрессивная партия).

Однако такое положение существовало не долго. Социально-классовая и национальная политика Мусульманской лиги, направленная на эксплуатацию подавляющего большинства населения в интересах верхушки господствующих классов, вызвала недовольство основных групп и народностей Пакистана и привела к образованию и усилению оппозиционных партий. Особенно значительную роль в политической жизни страны стала играть образованная в 1949 г. «Авами лиг» (Народная лига). Эта партия выражала интересы национальной буржуазии Восточного Пакистана, но, поскольку она выступала против неравноправного положения провинции, ее поддерживали широкие слои восточнобенгальского населения. В Западном Пакистане возникли демократические и национально-демократические партии: партия Свободный Пакистан («Азад Пакистан парти»), Народный фронт Синда («Синд авами махаз»), Братство пуштунов («Врор пуштун»), Белуджская партия («Балуч парти»). В 1956 г. эти партии и так называемые краснорубашечники (национальная организация в СЗПП) создали единую Национальную партию Пакистана. В следующем году к ней присоединились левое крыло Народной Лиги, восточнопакистанская Демократическая партия («Ганатантри дал»), а также некоторые другие более мелкие организации, и была образована всепакистанская Национальная народная партия, которая повела борьбу под лозунгами широких демократических преобразований.

Острые внутренние кризисы потрясали Мусульманскую лигу. Различные фракции, не имея каких-либо принципиальных расхождений, вели борьбу за партийные и государственные посты. Потерпевшие неудачу в этой борьбе покидали партию и обра-

зовывали различные оппозиционные организации. Особенно этот процесс усилился после смерти М. А. Джинны (1948 г.) и гибели его преемника Лиакат Али-хана (1951 г.). Наиболее значительной из образованных таким образом партий стала Республиканская партия (1956 г.). Не отличаясь от Мусульманской лиги по социальному составу, целям и программе, эта партия вступила в острую борьбу за власть.

Нерешенность основных проблем, возникших перед вставшей на путь независимого существования страной, тяжелое положение населения (за первое десятилетие доход на душу увеличился лишь на 2% ⁸⁴) обусловили растущее движение демократических сил Пакистана за прогрессивные преобразования, укрепление национальной независимости, улучшение жизненных условий трудящихся. В первых рядах шел рабочий класс, возглавляемый Коммунистической партией Пакистана (КПП). Образованная в 1948 г. КПП выдвинула требования, отвечавшие коренным интересам широких слоев населения: национализация иностранных компаний, основных отраслей промышленности, конфискация помещичьих земель без компенсации и бесплатное их распределение среди крестьян, демократизация общественного строя, введение восьмичасового рабочего дня, проведение независимой внешней политики. Под этими лозунгами КПП вела активную борьбу против внутренней и внешней реакции. Под ее руководством находились крупные профсоюзы, некоторые крестьянские организации, ряд организаций учащейся молодежи и интеллигенции.

За интересы народных масс выступала, хотя и не всегда последовательно, Социалистическая партия Пакистана (создана в 1948 г.), другие демократические организации. Следует подчеркнуть, что прогрессивные силы действовали в исключительно тяжелой обстановке жестоких репрессий, произвола и провокаций. Были сфабрикованы судебные процессы с целью скомпрометировать и разгромить оппозицию; их острее было направлено против компартии. В июле 1954 г. правительство запретило деятельность КПП (формально этот запрет был снят только в 1972 г.). Деятельность демократических партий и организаций была затруднена также в силу общей отсталости пакистанского общества, неразвитости классовых отношений, темноты и невежества значительной части населения, господства традиций. В целом лагерь левых сил был относительно слаб, недостаточно организован. Массовое народное движение в значительной степени развивалось стихийно.

Для политического развития Пакистана за весь период его самостоятельного существования характерным были острые кризисы, существенные изменения в политической системе, смена форм правления. С августа 1947 г. по октябрь 1958 г. в стране функционировала парламентская система. В результате политического кризиса, развернувшегося в 1958 г., осенью того же го-

да был установлен военный режим. В июне 1962 г. он был отменен и стала действовать президентская форма правления. В марте 1969 г. в условиях разразившегося внутривнутриполитического кризиса в стране была вновь установлена открытая военная диктатура, которая пала в декабре 1971 г. после известных событий 1971 г., связанных с образованием Народной Республики Бангладеш. Некоторое время действовала президентская форма правления, которую сменила парламентская форма в результате ведения конституции в августе 1973 г. И наконец, острый кризис в первой половине 1977 г. привел к установлению в третий раз военного режима.

Как отмечалось выше, в независимом Пакистане с начала его образования действовала парламентская форма правления — законодательная власть принадлежала парламенту, правительство было ответственно перед ним, полномочия главы государства (генерал-губернатор до принятия первой конституции в марте 1956 г. и президент после этого) некоторое время носили номинальный характер. Однако даже в этот период имели место явления и процессы, не соответствовавшие нормам и традициям парламентской формы правления. Как уже указывалось, в течение 1947—1958 гг. не были проведены всеобщие прямые выборы в высший законодательный орган страны. Этот орган, называвшийся Учредительным собранием, поскольку главной его целью была выработка конституции, был образован в результате раздела Учредительного собрания Индии, избранного в июне 1946 г. провинциальными законодательными собраниями; депутаты от районов, отошедших к Пакистану, образовали законодательный орган нового государства. В таком виде он просуществовал до октября 1954 г., когда был распущен генерал-губернатором. Почти год страна не имела парламента, лишь летом 1955 г. было создано второе Учредительное собрание также путем избрания его членов провинциальными законодательными собраниями.

После гибели первого премьер-министра Лиакат Али-хана в октябре 1951 г. в Пакистане происходил процесс усиления власти главы государства. В 1953 г. генерал-губернатор Гулям Мохаммед уволил в отставку кабинет Ходжи Назимуддина, пользовавшегося доверием Учредительного собрания. Слабое, непопулярное, не располагавшее поддержкой населения Учредительное собрание не могло пресечь действия главы государства, противоречившие нормам и принципам парламентской формы правления. Когда парламент попытался осенью 1954 г. ограничить полномочия генерал-губернатора, тот попросту распустил высший законодательный орган страны. В дальнейшем общая нестабильность в стране, подъем демократического и национального движения, обостривший «кризис верхов», ожесточенная борьба за власть между основными буржуазно-помещичьими партиями, постоянные правительственные кризисы создавали

благоприятную обстановку для усиления власти главы государства, делали его вершителем государственных дел, носителем «порядка и законности»⁸⁵

Логическим завершением этого процесса явился происшедший в условиях острого политического кризиса в октябре 1958 г. государственный переворот и установление единовластной диктатуры главнокомандующего армией генерала М. Айюб-хана, который возглавил военную и гражданскую (в качестве президента) администрации страны. Законодательные органы были распущены, конституция отменена, запрещена деятельность политических партий. На демократические силы страны обрушились суровые репрессии.

Одновременно военное правительство осуществило ряд мероприятий, направленных на ликвидацию некоторых пережитков прошлого, тормозивших развитие капитализма. Была проведена аграрная реформа, несколько ущемившая интересы полуфеодальной верхушки помещиков, более благоприятные условия были созданы для развития национального производства, более соответствовать требованиям времени стали система народного образования, правосудие, семейное право. Все это было непосредственно в интересах промышленной буржуазии и ведущих предпринимательское хозяйство помещиков. Именно эти более многочисленные слои господствующих классов Пакистана, усилившиеся в результате развития капитализма, стали определять государственную политику страны после 1958 г.

В период военного режима было произведено существенное изменение политической системы Пакистана. Речь идет о введении четырехступенчатой (соответствующей четырем уровням территориально-административного деления страны: деревня — район — округ — область) системы органов местного управления — так называемой системы основ демократии. Только органы низшего звена избирались населением, все остальные образовывались путем косвенных выборов и назначений, сделанных администрацией. Система «основ демократии» находилась под полным контролем государственного аппарата. Она стала важной составной частью структуры государственного управления после отмены военного режима в июне 1962 г. Смысл этой структуры заключался в сосредоточении под прикрытием конституционных институтов такой же власти в руках одного человека — главы государства, — как это было при военном режиме. Эта структура управления была закреплена конституцией 1962 г., установившей президентскую форму правления с огромными полномочиями президента как в области исполнительной власти, главой которой он являлся, так и в сфере законодательной, судебной, финансовой и военной⁸⁶. Учреждалась двухступенчатая система выборов — население избирало местные органы низшего звена «основ демократии», члены этих органов составляли коллегию выборщиков (150 тыс. человек), ко-

торая избирала президента. Национальное собрание и провинциальные собрания провинций.

После отмены военного режима была разрешена деятельность политических партий, легально существовавших до октября 1958 г. (Коммунистическая партия Пакистана продолжала оставаться под запретом). В сентябре 1962 г. возобновила свою деятельность Мусульманская лига, которую возглавил президент страны М. Айюб-хан. Пользуясь недемократической системой выборов, эта партия стала у власти в центре и в обеих провинциях. В октябре того же года из правящей партии выделилась группировка, которая создала партию под тем же названием, ставшую в оппозицию к правительству. Оппозиционная Мусульманская лига выражала интересы тех групп эксплуататорских классов, которые в какой-то мере были ущемлены режимом М. Айюб-хана; возглавили оппозиционную лигу опытные деятели — Ходжа Назимуддин, С. Бахадур-хан, М. Даултана, А. Кайюм-хан, занимавшие до 1958 г. руководящие посты в Мусульманской лиге и в Республиканской партии и оттесненные сторонниками М. Айюб-хана от власти. Возобновили деятельность Народная лига (в 1963 г. генеральным секретарем партии стал Шейх Муджибур Рахман, в 1966 г. он занял пост председателя партии) и Национальная народная партия (ННП) (ею руководили Г. Б. Бизенджо, А. Х. Бхашани, А. Вали-хан, М. А. Касури, Музаффар Ахмад, М. Х. Усмани). С 1966 г. в ННП усилилась деятельность леворадикальных элементов, которая привела в 1967 г. к образованию фактически самостоятельной организации, руководимой А. Х. Бхашани и действовавшей преимущественно в Восточном Пакистане. На крайнем правом фланге были религиозно-общинные партии «Джамиат-и ислами» и «Низам-и ислам». В конце 60-х годов и в последующий период важную роль в политической жизни страны стала играть Партия пакистанского народа (ППН), созданная в 1967 г. З. А. Бхутто, который после отставки с поста министра иностранных дел в 1966 г. перешел в оппозицию к правительству М. Айюб-хана.

Со второй половины 60-х годов в Пакистане усилилось оппозиционное движение. В его основе лежало недовольство широких народных масс, практически ничего не получивших от ускорившегося экономического развития страны, все выгоды от которого достались крупной буржуазии, особенно ее монополистической верхушке. Прогрессивные силы требовали ликвидации режима личной власти, демократизации государственного строя. Против существовавшей тогда системы управления выступали практически все буржуазно-помещичьи партии, поскольку эта система делала почти невозможным их приход к власти. Необходимо отметить, что оппозиционное движение развивалось главным образом в городах.

Важным моментом в эволюции партийно-политической си-

стемы Пакистана явилось создание (фактически впервые) блока крупнейших оппозиционных партий — ННП, «Авами лиг», оппозиционной Мусульманской лиги, «Джамиат-и ислами» и «Низам-и ислам» — в связи с избирательной кампанией в конце 1964 — начале 1965 г. Их объединяло стремление нанести поражение М. Айюб-хану на президентских выборах и правящей Мусульманской лиге на выборах в Национальное и провинциальные собрания. Общей платформой для совместного выступления этих партий явилось требование парламентской демократии, однако каждый из участников коалиции вкладывал в это понятие собственное содержание. И хотя ни одна из поставленных блоком оппозиционных партий целей достигнута не была и сам блок распался после выборов, тем не менее первая попытка создания широкой партийной коалиции имела важное значение для аналогичных действий в последующие годы.

Оппозиционное движение в стране достигло большой остроты осенью 1968 г. — весной 1969 г. Его росту во многом содействовал отказ правительства пойти на дезинтеграцию Западного Пакистана и предоставление провинциям полной региональной автономии; последнее было главным требованием «Авами лиг». В обстановке растущей политической неустойчивости президент М. Айюб-хан в марте 1969 г. сложил с себя все полномочия и передал власть руководству пакистанской армии во главе с ее главнокомандующим генералом А. М. Яхья-ханом. В стране вновь было введено военное положение, распущены законодательные органы; вся власть была сосредоточена в руках Яхья-хана, который возглавил военную администрацию и принял на себя полномочия президента. Особенностью данного военного режима было то, что политические партии не были запрещены, хотя деятельность их была сильно ограничена.

И в этот период острой политической напряженности была предпринята попытка создать коалицию оппозиционных партий. Уже в 1967 г., в связи с приближением даты избрания коллегии выборщиков (1969 г.) и высших органов власти (1970 г.), был сформирован блок пяти правых партий (в основном религиозно-общинных — «Джамиат-и ислами», «Низам-и ислам», оппозиционная Мусульманская лига) под названием Пакистанское демократическое движение (ПДД). Когда борьба в стране достигла значительного размаха, возникла потребность координации деятельности большого числа партий. В январе 1969 г. была создана более широкая коалиция оппозиционных партий — Комитет демократических действий (КДД). В него вошли ПДД, Национальная народная партия, руководимая А. Вали-ханом, «Авами лиг» и «Джамиат-и улама-и ислам». Однако эта коалиция оказалась и недостаточно представительной (в ней отсутствовали Партия пакистанского народа и ННП А. Х. Бхашани), и весьма недолговечной. Уже в феврале в условиях острых разногласий внутри КДД его покинула «Авами лиг». После

введения военного режима эта коалиция перестала существовать.

Важнейшим событием в политической истории Пакистана стали первые всеобщие прямые выборы высшего законодательного органа страны и провинциальных законодательных собраний, состоявшиеся в декабре 1970 г. Большого успеха добилась «Авами лиг», завоевавшая 160 мест из 162, предоставленных Восточному Пакистану в Национальном собрании (всего было избрано 300 депутатов). В провинциальное собрание Восточного Пакистана эта партия провела 288 депутатов из 300. Партия пакистанского народа выступала на выборах с лозунгами национализации банков, страховых компаний, отраслей тяжелой промышленности, выхода Пакистана из военных блоков и др. Она получила 82 депутатских мандата в Национальном собрании и завоевала преобладающее число мест в законодательных собраниях Панджаба и Синда. В Белуджистане и СЗПП относительного большинства в законодательных собраниях добилась ННП.

После выборов «Авами лиг» потребовала передачи власти законно избранному большинству в парламенте и закрепления права Восточного Пакистана на полную провинциальную автономию. Однако военные власти отказались пойти на это и обрушили на восточнобенгальское население жестокие репрессии. Движение за автономию в Восточном Пакистане переросло в борьбу за независимость. 26 марта 1971 г. была провозглашена Народная Республика Бангладеш, которая стала реальностью лишь в декабре после нескольких месяцев упорной борьбы. После прекращения военных действий пал режим Яхья-хана. 20 декабря 1971 г. главой военной администрации и президентом страны стал З. А. Бхутто. В апреле 1972 г. военное положение было отменено, тогда же была введена временная конституция, установившая президентский тип правления.

В апреле 1973 г. Национальное собрание Пакистана⁸⁷ приняло новую конституцию страны, которая 14 августа вступила в силу. Конституция провозгласила Пакистан парламентской республикой. Вся полнота власти сосредоточивалась в руках премьер-министра; права президента носили номинальный характер, в осуществлении своих полномочий он должен был действовать по советам премьер-министра, которые являлись обязательными. Глава государства не назначал премьер-министра и членов кабинета, он не был верховным главнокомандующим вооруженных сил страны, не обладал правом отлагательного вето, не являлся частью высшей законодательной власти⁸⁸. Все эти положения конституции 1973 г. не свойственны парламентскому типу правления. Эти и некоторые другие отступления от норм и традиций данного типа правления были направлены на усиление позиций премьер-министра, именно в его руках сосредоточивалась вся полнота власти. Премьер-ми-

нистром Пакистана стал председатель Партии пакистанского народа З. А. Бхутто.

Для эволюции политической системы Пакистана в период пребывания у власти ППН были характерны следующие два момента. Во-первых, имел место постепенный процесс ужесточения внутриполитического курса правительства, ограничение провозглашенных конституцией прав и свобод, усиление личной власти. Третья поправка к конституции (1975 г.), по сути, увековечивала чрезвычайное положение, введенное правительством А. М. Яхья-хана. В том же году была запрещена основная оппозиционная партия — ННП, а ее лидеры преданы суду. Четвертая (1975 г.), пятая и шестая (1976 г.) поправки к конституции существенно ограничили права судебных органов⁸⁹. Во-вторых, в рассматриваемый период происходил процесс консолидации оппозиционных сил. Уже в марте 1973 г. был сформирован Объединенный демократический фронт (ОДФ), в который вошли следующие партии: «Джамиат-и ислами», две организации ортодоксальных мусульманских богословов — «Джамиат-и улама-и Пакистан» (ДУП) и «Джамиат-и улама-и ислам» (ДУИ), ННП, Пакистанская мусульманская лига (создана в 1972 г. на базе объединения бывшей правящей Мусульманской лиги и оппозиционной), Пакистанская демократическая партия (образована в 1969 г.) и мусульманская религиозно-общинная организация «Хаксар Техрик». Председателем ОДФ был избран Пир Пагаро (лидер Мусульманской лиги), вице-председателем — Навабзада Насрулла-хан (руководитель пакистанской демократической партии), генеральным секретарем — Гафур Ахмад (один из лидеров «Джамиат-и ислами»). Филналы ОДФ были созданы во всех провинциях страны. И хотя организационная структура этого блока была чрезвычайно аморфной и каждая партия действовала по своему усмотрению, тем не менее в рамках ОДФ проводились совместные действия, направленные против правительства. Так, в знак протеста против запрещения ННП с февраля по октябрь 1975 г. ОДФ бойкотировал работу всех законодательных органов.

Объединенный демократический фронт явился основой создания в январе 1977 г. (в связи с проведением всеобщих выборов в марте того же года) еще более широкой коалиции оппозиционных партий — Пакистанского национального альянса (ПНА). В ПНА вошли (кроме партий ОДФ) еще «Техрик-и истиклал» (создана в 1969 г., ее лидер маршал авиации в отставке М. Асгар-хан пользовался определенным влиянием в стране), Мусульманская конференция Джамму и Кашмира (действовала в «Азад Кашмире», ее руководитель — С. А. Кайюм-хан) и Национальная демократическая партия (НДП), созданная после запрещения ННП (многие члены последней вступили в НДП, ее председатель — Шербаз-хан Мазари). ПНА выступал как единое организационное целое, с общими для всех входивших в

него партий предвыборной программой, избирательным символом и флагом (зеленого цвета с девятью звездами, по числу входящих в него партий). Было избрано руководство ПНА. Главная задача альянса — нанесение поражения ППН.

Основу ПНА составили правые религиозно-общинные партии. Именно лидеры этих партий возглавили альянс: его президентом стал руководитель ДУИ Маулана Муфти Махмуд, а генеральным секретарем — один из лидеров ДУП Р. А. Баджва. Характер данного объединения проявился в его основных требованиях, которые сводились к перестройке всей структуры Пакистана на «принципах ислама», установлению в стране «исламского социального порядка», преимущественному развитию частного сектора. Однако в ПНА входили и такие партии, как левая НДП, умеренно-консервативная «Техрик-и истиклал», и др. Это позволило альянсу повести за собой довольно значительные массы недовольных правительством ППН, выступавших против него с самых разных позиций, как справа, так и слева⁹⁰. На выборах в парламент ПНА, по официальным данным, собрал около 35% всех голосов (выборы в законодательные собрания провинций альянс бойкотировал). После выборов ПНА, обвинив правительство в фальсификации их итогов, развернул массовую кампанию неповиновения, которая, как это было и прежде, охватила главным образом городское население. Конфронтация между правительством и оппозицией продолжалась несколько месяцев, экономике страны был нанесен значительный ущерб, фактически оказалось парализованным управление страной. В обстановке острого внутреннего кризиса на политическую арену вновь вышла армия. 5 июля 1977 г. начальник штаба армии генерал М. Зия-уль-Хак объявил о введении в Пакистане военного положения. Законодательные органы были распущены, центральные и провинциальные правительства смещены. Вся полнота власти была сосредоточена в руках генерала М. Зия-уль-Хака, ставшего главным военным администратором⁹¹. В сентябре 1978 г. он принял на себя также обязанности президента страны. Отметим при этом, что деятельность политических партий не была запрещена (хотя и значительно ограничена), конституция не отменялась, а лишь «временно приостанавливалась», наконец, более года на своем посту оставался президент Фазал Елахи Чоудхри, избранный еще в августе 1973 г.

Довольно длительное существование блока оппозиционных партий в виде Объединенного демократического фронта, превращение его затем в еще более широкую коалицию — Пакистанский национальный альянс можно рассматривать, в определенном смысле, как начало создания в Пакистане реальной двухпартийной системы, т. е. такой системы, когда в условиях существования множества партий реально за власть борются лишь две из них. Создание в зародыше такой системы являлось

результатом и свидетельством большей, чем прежде, зрелости социально-экономической и классовой структуры пакистанского общества, роста и диверсификации класса буржуазии, усиления ее политического маневрирования. В условиях роста антагонистических противоречий, массового движения трудящихся национальной буржуазии необходимы были две сильные партии общепакистанского масштаба для удержания с их помощью политической власти в своих руках. Трудно сказать, как пошел бы процесс создания двухпартийной системы в дальнейшем, но с установлением военного режима в июле 1977 г. он оказался прерванным.

По вопросу об отношении к военному режиму в ПНА возникли разногласия, в результате его покинули «Техрик-и истиклал», ДУП и НДП. Остальные участники блока в разной степени согласились на сотрудничество с военными властями⁹². В августе 1978 г. их представители вошли в кабинет министров. Однако после того, как в марте 1979 г. генерал Зия-уль-Хак объявил о проведении в ноябре всеобщих выборов, члены ПНА покинули правительство.

Особенно большие потери понесла в период военного режима Партия пакистанского народа. Тысячи ее деятелей были арестованы, лишены права заниматься политической деятельностью, а руководитель партии З. А. Бхутто был казнен по обвинению в причастности к убийству по политическим мотивам. Официальные органы массовой информации вели планомерную кампанию по дискредитации ППН, обвиняя ее в совершении всевозможных нарушений и злоупотреблений в период пребывания у власти. ППН покинули некоторые ее члены, в том числе и один из ее лидеров, опытный религиозно-политический деятель маулана Каусар Ниязи, создавший свою партию под тем же названием, условно поддерживавшую военный режим. В августе 1978 г. была создана «Пакистан мусават парти» («Пакистанская партия равенства») в основном из бывших членов ППН во главе с Х. Рамаем. Несмотря на все это, Партия пакистанского народа (руководимая вдовой З. А. Бхутто — Нусрат Бхутто), выступавшая под лозунгами демократизации страны, обеспечения жизненных условий широких масс населения, оставалась ведущей политической партией Пакистана. По свидетельству наблюдателей, она располагала прочными позициями в Панджабе, Синде и СЗПП.

Несколько ослабили позиции НДП после выхода из нее сторонников Г. Б. Бизенджо, сформировавших весной 1979 г. собственную Пакистанскую национальную партию. Партия выступала за значительное расширение провинциальной автономии, пользовалась поддержкой в Белуджистане.

В конце 70-х годов в Пакистане действовало немало левых партий и организаций. Среди них: Пакистанская социалистическая партия (председатель — Ч. Аслам, генеральный секре-

тарь — А. Х. Минто), Пакистанская рабочая партия (председатель — ветеран рабочего движения М. М. Ибрагим), «Маздур Кисан парти» («Рабоче-крестьянская партия», лидер — Афзал Бангаш) и др. Однако они были малочисленны, слабы организационно. Среди левых сил крепло убеждение, что успех может быть достигнут только на основе единства всех подлинно демократических элементов. Шаги к созданию блока левых партий предпринимались неоднократно. Наиболее значительными следует считать образование в конце 1978 г. Народного демократического союза (НДС) в составе 12 политических партий и организаций, включая Пакистанскую социалистическую партию. А. Х. Минто был избран руководителем НДС. Основной лозунг союза — единство народа в борьбе за демократию, за уничтожение феодализма и капитализма.

В октябре 1979 г. правительство отложило на неопределенный срок обещанные им всеобщие выборы. Внутриполитический курс военных властей стал еще более репрессивным, усилилась цензура, расширилась сфера действий военных трибуналов. Была запрещена деятельность политических партий и организаций.

В заключение отметим следующее. Для процесса развития политической системы Пакистана в целом было характерным ужесточение внутриполитического курса, ограничение конституционных прав и свобод, авторитарные тенденции. Это имело место на протяжении всех этапов политического развития страны и трижды приводило к установлению открытой военной диктатуры. Данные черты политической эволюции Пакистана в конечном счете определились особенностями социально-экономических отношений, неразвитостью социально-классовой структуры, слабостью национальной буржуазии, политической неопытностью ее и ее союзников по правящему блоку⁹³. Имея в виду известные высказывания В. И. Ленина о двух основных методах господства буржуазии — о методе насилия, отказа от всяких уступок, непримиримого отрицания реформ и методе «либерализма», шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок⁹⁴, — следует считать, что для пакистанской буржуазии в силу отмеченных ее качеств характерен был преимущественно первый метод осуществления господства. В условиях усиления народного движения, нарастания кризисных явлений не имевшая большого опыта политического маневрирования пакистанская буржуазия и помещичьи круги (еще более склонные к насилию) прежде всего прибегали к репрессиям, ужесточению государственного курса, свертыванию провозглашенных прав, авторитарному правлению, именно в этом видя гарантию своего господства. При этом, конечно, следует иметь в виду и другие факторы, способствовавшие данному методу правления, например, длительная конфронтация с Индией способствовала усилению внутренней напряженности, росту шовинизма, милитаризма, авторитаризма.

Разумеется, второй метод правления также использовался, в некоторые периоды он даже становился преобладающим; это определялось в конечном счете развитием социально-классовой структуры общества, приобретением национальной буржуазией политического опыта, с одной стороны, а с другой — растущей приверженностью политически активных масс населения к конституционно-парламентским формам правления. Об этой приверженности говорит всеобщее в период третьего военного режима требование о проведении парламентских выборов и передачи власти законно избранным народным представителям.

ПАКИСТАН В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Завоевание независимости в августе 1947 г. открыло перед Пакистаном выход на мировую политическую арену в качестве суверенного участника международных отношений. Тогда же были выработаны важнейшие принципы внешней политики молодого государства, призванные создать благоприятные международные условия для упрочения его независимости⁹⁵. Однако становление и развитие самостоятельного внешнеполитического курса Пакистана было сложным и длительным процессом прежде всего по той причине, что эта страна не только осталась в рамках мирового капиталистического хозяйства, находясь на его периферии, но и в силу классовых интересов правящего блока многие годы была привязана к политической системе империализма. (В 1954—1955 гг. Пакистан вступил в агрессивные военно-политические группировки СЕАТО и Багдадский пакт, который в 1959 г. был переименован в СЕНТО).

Блоковая политика Пакистана и составлявший ее стержень американско-пакистанский военно-политический союз были построены на непрочном фундаменте взаимных расчетов, которые лишь временно затушевывали несовместимость национальных интересов освободившейся страны и целей империализма. Уже в начале 60-х годов наметилась, а в дальнейшем получила развитие тенденция к размыванию блоковой политики, что привело к отказу пакистанского правительства от односторонней ориентации во внешних связях на Запад (середина 60-х годов).

Внешняя политика Пакистана в 70-е годы сохранила преемственность основных направлений и принципов курса 60-х годов, и прежде всего его ведущую черту — тенденцию к развитию разносторонних отношений со странами, принадлежащими к различным социально-политическим системам. Один из основополагающих принципов внешней политики Пакистана — принцип «двусторонности» в отношениях с великими державами. Суть его, изложенная в свое время М. Айюб-ханом, заключалась в признании важности для национальных интересов Па-

кистана отношений с каждой из указанных стран и в стремлении строить эти отношения на двусторонней основе, избегая вовлечения в конфликты между великими державами⁹⁶. Одновременно большое значение придавалось укреплению и всемерному развитию контактов с освободившимися государствами. Преемственность курса 60-х годов, несмотря на потрясения 1971 г., в огромной степени была обусловлена тем, что государственная политика и в 70-е годы проводилась преимущественно в интересах национальной буржуазии и связанной с ней прослойки помещичьего класса, т. е. той части правящего блока, в соответствии с потребностями которой была произведена переориентация внешнеполитического курса Пакистана в 60-е годы. Политика широких внешних связей в целом соответствовала также духу происходящих на мировой арене сдвигов, учитывающая возрастание роли и веса социалистических и освободившихся стран, разрядку напряженности.

Кризис 1971 г. на Южноазиатском субконтиненте, внося существенные изменения во внутреннее и международное положение Пакистана, поставил перед внешней политикой ряд первоочередных задач. Необходимо было выработать новые основы взаимоотношений с Индией и Бангладеш с учетом реальностей обстановки на субконтиненте. Переориентация внешнеэкономических связей потребовала поисков новых рынков сбыта пакистанских товаров. Расstroенная экономика нуждалась в увеличении экономической помощи и облегчении бремени огромной внешней задолженности. Политика широких и разносторонних внешних связей в значительной мере обеспечивала решение указанных проблем, которые сохранили свою актуальность и после того, как многие трудности, порожденные событиями 1971 г., Пакистаном были преодолены (вторая половина 70-х годов). Поскольку этот курс, с точки зрения пакистанского правящего блока, в наибольшей степени учитывал особенности обстановки в стране и ее положение в международном сообществе, он был продолжен после смены руководства в Пакистане в июле 1977 г.

Вместе с тем в рамках указанных общих принципов во внешнеполитическом курсе Пакистана на рубеже 80-х годов произошел сдвиг вправо. Он был порожден как факторами внутреннего плана (нарастание экономических трудностей и социально-политической напряженности и, как следствие, стремление правительства Зия-уль-Хака опереться на помощь и поддержку консервативных режимов ряда арабских государств в экономической, политической, идеологической и других областях), так и внешними факторами (неблагоприятные, с точки зрения пакистанских правящих кругов, изменения в регионе в связи с революционными событиями в Афганистане и Иране, активизация сил империализма, гегемонизма и реакции на мировой арене).

Важнейшее направление внешней политики Пакистана —

отношения с Индией. Вплоть до 1972 г. ведущей тенденцией пакистано-индийских отношений была конфронтация, не раз приводившая к вооруженным конфликтам между соседними странами (1947—1948, 1965, 1971 гг.). Она отвлекала политические и экономические ресурсы, в частности Пакистана, на противоборство, служившее главным каналом вмешательства империалистических сил и Пекина в дела этой страны. С 1972 г. положение начало меняться. В Симле (июль 1972 г.) были закреплены в договорном порядке начала добрососедских отношений. Несмотря на огромные трудности, вызванные, с одной стороны, наслоениями долгих лет конфронтации с Индией, а с другой — политикой империализма и маоистского руководства Китая, к середине 70-х годов Пакистан урегулировал в основном спорные вопросы с Индией, а также с Бангладеш, возникшие вследствие событий 1971 г. Курс на закрепление нормализации отношений Пакистана с Индией остался определяющим в региональной политике Пакистана на рубеже 80-х годов.

Нормализация обстановки в Южной Азии положительно сказывалась на внешнеполитическом положении Пакистана, позволяя переключить внимание с проблемы противостояния с Индией на участие в решении важных международных проблем, уменьшала зависимость от поддержки США и Китая в регионе.

Во внешней политике Пакистана в 70-е годы отчетливо прослеживалась линия на совместное с другими освобожденными странами участие в решении актуальных международных проблем, затрагивающих судьбы народов всех континентов. Речь идет о таких проблемах, как перестройка международных экономических отношений на новой, справедливой основе, ликвидация расизма и остатков колониализма, упрочение мира, разрядка международной напряженности. Пакистан поддерживал арабские страны в их борьбе против израильской агрессии. Он участвовал на переговорах между развитыми капиталистическими и группой развивающихся стран в Париже (диалог «Север — Юг»), в работе специальных сессий Генеральной Ассамблеи ООН по проблемам сырьевых ресурсов и экономического развития (VI сессия, апрель 1974 г.) и разоружения (май 1978 г.)⁹⁷. Пакистанские представители активно выступали в дискуссиях последних лет в различных органах ООН по вопросу о ликвидации колониализма и расизма в Африке⁹⁸.

Подход Пакистана к проблемам перестройки международных экономических отношений, разоружения и ряду других нес на себе отпечаток классовых позиций пакистанской национальной буржуазии. В частности, отправным моментом позиции Пакистана в вопросе установления нового, справедливого порядка в международных экономических отношениях был тезис о разделении мира на «богатые» и «бедные нации». Как следствие, в выступлении пакистанского представителя, например, на VI специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН отсутство-

вала достаточно четкая постановка вопроса об ответственности развитых капиталистических государств за экономическую отсталость освободившихся стран⁹⁹ и т. д. Вместе с тем деятельность пакистанской дипломатии совместно с представителями других афро-азиатских стран, направленная на решение вопросов социально-экономического прогресса, упрочение мира и безопасности народов, в различных международных организациях носила объективно антиимпериалистический характер.

С середины 70-х годов руководители Пакистана начали проявлять интерес к движению неприсоединения. В Исламабаде считали, что отрыв от столь представительного международного движения, объединившего в своих рядах подавляющее большинство независимых государств Азии и Африки, наносит ущерб внешнеполитическому положению страны. Выход Пакистана из СЕАТО (ноябрь 1972 г.) и из СЕНТО (март 1979 г.) расчистил путь к вступлению в движение неприсоединения.

Летом 1978 г., еще до того как Пакистан объявил о выходе из СЕНТО, усилия его правительства добиться принятия страны в движение неприсоединения принесли первые результаты. Пакистан получил приглашение участвовать в работе Белградской конференции министров иностранных дел неприсоединившихся государств в качестве страны-гостя, а затем главе пакистанской делегации была предоставлена возможность выступить на пленарном заседании конференции. Примечательно, что на заседании подготовительного комитета предложение о приглашении Пакистана на конференцию в Белграде энергично поддержала Индия, которая ранее занимала негативную позицию по этому вопросу. Когда в июне 1979 г. Координационное бюро движения неприсоединения, заседавшее в Коломбо, рассматривало официальную просьбу Пакистана о приеме в движение, Индия вновь высказалась в поддержку Пакистана, что было положительно оценено в Исламабаде. На конференции неприсоединившихся государств в Гаване (сентябрь 1979 г.) Пакистан был принят в движение неприсоединения.

В 70-е годы заметно расширились политические и экономические связи Пакистана с мусульманскими государствами. Этим связям придавалось особое значение по многим, и прежде всего экономическим, причинам. Пакистан получал от богатых нефтью арабских стран (Саудовской Аравии, ОАЭ, Кувейта, Ливии и некоторых других) значительную экономическую помощь, что в известной степени компенсировало уменьшение американской помощи и в целом укрепляло его позиции относительно развитых капиталистических стран. Экономические связи с богатыми нефтью мусульманскими странами несколько ослабили отрицательные для Пакистана последствия мирового энергетического и валютно-финансового кризиса, охватившего мировую капиталистическую систему в середине 70-х годов. Так, в 1974/75 г. мусульманские государства согласились ока-

зять ему экономическую помощь на сумму 900 млн. долл., что составило более половины займов и субсидий, обещанных Пакистану (1743,7 млн. долл.)¹⁰⁰. Существовала еще одна причина добиваться расширения контактов Пакистана с мусульманскими странами — в странах Ближнего и Среднего Востока, особенно в Саудовской Аравии и эмиратах Персидского залива, работало, по некоторым данным, более миллиона пакистанцев, денежные переводы которых на родину существенно дополняли валютные поступления Пакистана. В 1979 г. переводы пакистанцев, работавших за рубежом, достигли 2 млрд. долл., причем из мусульманских стран поступила львиная доля этой суммы. С 1974 г. предприниматели из ряда мусульманских государств начали вкладывать значительные капиталы в Пакистане. Так, частные вклады из Саудовской Аравии, по данным пакистанской печати, достигли 500 млн. долл.¹⁰¹. С Саудовской Аравией, Иорданией, Оманом и некоторыми другими мусульманскими странами Пакистан осуществлял также военное сотрудничество.

Немалую роль играли и политические соображения — стремление укрепить внешнеполитические позиции Пакистана, усилить роль исламской идеологии во внутренней жизни страны. Огромное значение придавалось «особым» отношениям Пакистана к мусульманским странами в последние годы, с приходом к власти командной верхушки вооруженных сил; явное предпочтение было отдано связям с консервативными режимами Арабского Востока, особенно упрочились отношения с Саудовской Аравией, активизировалась деятельность Пакистана в Организации исламская конференция.

Узы тесного сотрудничества в политической, военной и экономической областях многие годы связывали Пакистан с Ираном. Заинтересованность пакистанской стороны в продолжении добрососедских отношений с Ираном сохранилась и после падения шахского режима в Иране.

70-е годы стали временем разрыва Пакистана с созданной империализмом системой агрессивных военно-политических союзов. Как отмечалось, в 1972 г. пакистанское правительство отказалось от членства в СЕАТО, а в 1979 г. страна вышла из СЕНТО. Особую политическую значимость этим акциям придавало то обстоятельство, что Пакистан, по известному определению М. Айюб-хана, относящемуся к середине 60-х годов, на протяжении многих лет был «самым верным американским союзником в Азии», связанным с США «не одним, а четырьмя соглашениями о взаимном обеспечении безопасности»¹⁰².

Выход из блоков явился следствием кризиса всего комплекса отношений Пакистана с государствами Запада, и в первую очередь с США. Кризис был порожден совокупностью внутренних и внешних факторов, в основе которых в конечном счете лежало противоречие между интересами освободившейся стра-

ны и целями империализма, добивавшегося сохранения ее зависимого положения в мировой капиталистической системе. Кризис в первую очередь и в наиболее открытой форме проявился в сфере политических взаимоотношений, поскольку именно в этой области позиции Пакистана в силу его государственного суверенитета, новой расстановки сил на мировой арене были наиболее выигрышны. Что касается сферы экономики, цепи, которые привязывали Пакистан к мировому капиталистическому хозяйству, были неизмеримо более прочны, нежели узы, связавшие его с политической системой империализма.

Заинтересованность правящих кругов Пакистана в экономических и политических связях с развитыми капиталистическими государствами была очень велика, особенно в свете ухудшившегося положения экономики и обострения социальных противоречий. Пути же обеспечения более благоприятных условий существования Пакистана в рамках мирового капиталистического хозяйства руководители страны видели главным образом в расширении источников экономической помощи и облегчении условий ее предоставления, диверсификации внешнеторговых связей и других подобных мерах; повышение роли страны в международных отношениях рассматривалось и в плане обеспечения интереса к Пакистану со стороны ведущих западных государств.

Консорциум помощи Пакистану, объединивший большую группу развитых капиталистических государств и международные валютно-финансовые организации (МБРР, МВФ и др.), согласился предоставить экономическую помощь Пакистану в размере 775 млн. долл. в 1977/78 г. и 800 млн. долл. в 1978/79 г.¹⁰³ Это было больше того, что ассигновалось Пакистану в предыдущие годы, но доля консорциума в общем объеме полученной страной помощи в конце 70-х годов сократилась до 50—65% против 90% в 60-е годы. Внешний долг Пакистана на конец 70-х годов достиг огромной суммы — 8 млрд. долл., львиная доля этой задолженности (более 6 млрд. долл.) приходилась на консорциум. На протяжении 70-х годов, как и в предыдущие десятилетия, зависимость Пакистана от развитых капиталистических стран не раз использовалась последними для оказания давления на пакистанские власти.

Пакистанская буржуазия использовала в собственных интересах присущее империализму соревнование нескольких крупных держав в стремлении к гегемонии, которое привело к превращению Западной Европы (прежде всего Европейского экономического сообщества) и Японии в серьезных конкурентов США. Многие годы американо-пакистанский военно-политический союз не только обуславливал «политическое единение» Пакистана с Западом¹⁰⁴, но и определял приоритет связей Пакистана с США по сравнению с другими развитыми капиталистическими странами. Одновременно и в несомненной связи

с угасанием американо-пакистанского военно-политического союза на протяжении 60-х годов, особенно во второй половине, расширились контакты Пакистана с Францией, ФРГ, Японией и другими капиталистическими странами по многим линиям. В 70-е годы связи Пакистана с указанными государствами в торгово-экономической области, сфере частного предпринимательства и некоторых других заметно окрепли, а Франция все более теснила США в военном сотрудничестве с Пакистаном. Пакистан покупал во Франции военную технику, в том числе самолеты «Мираж»; в мае 1978 г. вступил в строй созданный при участии французских фирм завод по капитальному ремонту самолетов этого типа¹⁰⁵. Пакистан и Франция разработали долговременную программу военного сотрудничества.

Если пакистано-американские отношения в 70-е годы носили сложный и в определенной степени неустойчивый характер¹⁰⁶, то в начале 80-х годов на почве сближения подхода сторон к проблемам, связанным с обострением ситуации в Юго-Западной Азии, включая так называемый «афганский вопрос», эти отношения потеплели. В 1981 г. было достигнуто соглашение о предоставлении Пакистану американской помощи в 3 млрд. долл. в течение пяти лет (из них 65% на военные цели).

С начала 60-х годов Пакистан стал поддерживать тесные отношения с Китаем, в основе которых лежали взаимные расчеты сторон, связанные в первую очередь с особенностями региональной политики каждой из них. Подход пакистанской стороны к сближению с Китаем определялся главным образом существовавшими в тот период условиями на субконтиненте — Пакистан находился в затяжном конфликте с Индией, и Китай в силу напряженности его отношений с Индией рассматривался влиятельными политическими кругами Пакистана как «естественный друг»¹⁰⁷. В 70-е годы на субконтиненте сложилась принципиально иная политическая обстановка. Нормализация межгосударственных отношений носила стабильный в целом характер, что отвечало интересам национальной безопасности Пакистана. Важно отметить, что нормализация, в частности, пакистано-индийских отношений произошла отнюдь не благодаря выступлениям китайских представителей в «защиту» Пакистана, а вследствие жизненной заинтересованности в ней затронутых сторон; позитивному развитию процесса нормализации на субконтиненте в немалой степени содействовало претворение в практику переговоров между южноазиатскими государствами принципа невмешательства внешних сил. Новая обстановка в межгосударственных отношениях в Южной Азии изменила значение отношений с Китаем для Пакистана.

Что касается целей политики китайского правительства в отношении Пакистана, главная из них после войны 1971 г. состояла в том, чтобы, используя заинтересованность Исламабада в воссоздании «равновесия сил» на субконтиненте, противопоста-

вить Пакистан Индии и Бангладеш, помешать урегулированию спорных вопросов, уменьшить положительное воздействие советско-индийского договора от 9 августа 1971 г. на обстановку в регионе и тем самым укрепить свои позиции. Декларации китайских государственных деятелей о их якобы готовности оказать Пакистану поддержку в «отстаивании территориальной целостности и государственной независимости» преследовали двоякую цель. С одной стороны, Пекину было необходимо сохранить заинтересованность Исламабада в сотрудничестве с Китаем, а с другой — постоянными упоминаниями об «угрозе» подогревать недоверие у Пакистана к соседней Индии. В свете изменения политической ситуации в Иране и Афганистане возросла взаимная заинтересованность руководителей Китая и Пакистана в укреплении контактов, что нашло выражение в активизации их сотрудничества в политической и военной областях.

Важным аспектом внешней политики Пакистана в рассматриваемый период являлись отношения с Советским Союзом. Пакистанская сторона была заинтересована в экономической помощи Советского Союза и других социалистических стран, в развитии с ними торговли, в научно-техническом сотрудничестве, в контактах в политической области. Подход пакистанского руководства к отношениям с Советским Союзом определялся такими главными моментами, как объективная потребность в развитии ряда важных с точки зрения экономического прогресса отраслей народного хозяйства, в особенности тяжелой промышленности, создание которой сознательно тормозили западные монополии, стремление укрепить свои позиции в целом в отношении с развитыми капиталистическими странами, понимание возросшей роли Советского Союза на мировой арене и невозможности решать без участия СССР сколько-нибудь значительные международные проблемы.

В 70-е годы дважды происходили советско-пакистанские переговоры на высшем уровне (в 1972 и 1974 гг. в Москве). В ходе контактов наряду с обсуждением проблем двусторонних отношений большое внимание уделялось важнейшей для национальных интересов Пакистана проблеме — нормализации обстановки в Южной Азии. Во всех совместных советско-пакистанских документах (равно как и в документах, принимавшихся по итогам переговоров руководителей СССР с руководителями других стран субконтинента) неизменно подчеркивалась глубокая заинтересованность Советского Союза в том, чтобы между государствами Южной Азии установились добрососедские отношения¹⁰⁸.

В то же время антиафганский курс правительства Зия-уль-Хака, расширение военно-политического сотрудничества между Пакистаном и Китаем и некоторые другие моменты не могли не оказывать негативное влияние на отношения между Советским Союзом и Пакистаном.

ТУРЦИЯ

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Турция — одна из относительно быстро развивавшихся за последние два десятилетия стран Азии, в целом обладающая необходимым потенциалом материальных (исключая нефть) и людских ресурсов для создания при благоприятных условиях комплексного многоотраслевого хозяйства и равноправного участия в международном разделении труда. Иначе говоря, речь идет о стране, способной в условиях целеустремленной хозяйственной политики успешно бороться за экономическую самостоятельность.

После государственного переворота 1960 г. в общественной жизни Турции довольно четко обозначились такие позитивные явления, как повышение роли государства в решении наиболее острых социально-экономических проблем, обращение к планированию как важному методу хозяйственного развития, провозглашение и начало осуществления программы индустриализации, отказ от курса односторонней ориентации на капиталистические страны и налаживание экономического и технического сотрудничества с социалистическими государствами, особенно с Советским Союзом.

Все это в сочетании с другими благоприятными факторами (переводы валюты турецкими рабочими, находящимися в Западной Европе, хорошие погодные условия) позволило значительно ускорить экономический прогресс страны. В ходе реализации первого (1963—1967), второго (1968—1972) и третьего (1973—1977) пятилетних планов довольно быстрыми темпами рос ВВП (в среднем на 6,9% в год), изменялись пропорции между главными отраслями материального производства (доля промышленного сектора поднялась с 17% в 1963 г. до 25% в 1979 г., сельскохозяйственного — соответственно упала с 41 до 24%¹), повышался размер национального дохода на душу населения (с 350 до 900 долл.), эволюционировала структура экспорта на базе повышения в нем доли продукции национальной индустрии. Одновременно с межотраслевыми сдвигами происходили и внутриотраслевые. Особенно это характерно для промышленности, где за годы осуществления трех перспективных

программ наряду с традиционными отраслями промышленности (пищевая, текстильная, табачная) получили заметное развитие новые, перспективные отрасли (топливно-энергетическая, черная и цветная металлургия, химия и нефтехимия, производство строительных материалов, зачатки машиностроения).

В результате этого центр тяжести развития постепенно перемещался с традиционных сфер хозяйства, т. е. с отсталого сельского хозяйства и мелкой промышленности, на современные, более эффективные, а в экономической структуре наращивались элементы, необходимые для воспроизводства на национальной основе.

Специфика пройденного Турцией общественного пути развития состоит в том, что формально, юридически, она никогда не лишалась своего национального суверенитета, хотя фактически со второй половины XIX в. и до начала 20-х годов XX в. она была на положении полуколонии западных держав. Кроме того, Турция, совершившая антимпериалистическую революцию еще на первом этапе общего кризиса капитализма, получила возможность начать борьбу за экономическое освобождение значительно раньше многих развивающихся стран. В результате этого она имела более продолжительный период развития по капиталистическому пути, исчисляемый почти шестью десятилетиями.

Вместе с тем формирование стратегии борьбы турецкого народа за экономическую самостоятельность началось и происходило в условиях, когда мир социализма был представлен единственным государством — СССР. Колониальная система империализма, хотя и испытывала в то время удары крепнувшего национально-освободительного движения поработенных стран Азии и Африки, но была еще далека от окончательного развала. В результате этого Турция, как и другие зависимые и полузависимые страны, добившиеся политического суверенитета сразу же после Великого Октября, не могла рассчитывать на разностороннюю экономическую помощь единственного социалистического государства, осуществлявшего, как известно, в 20—30-х годах коренную реконструкцию своего народного хозяйства. Империализм располагал в то время господствующими позициями на мировом рынке товаров, капиталов и услуг и владел, таким образом, разносторонними рычагами давления на правящие круги Турции, в том числе и в отношении выбора пути социально-экономического развития. Не меньшее значение, естественно, имели и внутренние факторы, а именно отсутствие в стране на том этапе объективных и субъективных условий для постановки вопроса о возможности некапиталистического развития. Вот почему происходившие в Турции в 20—30-х годах поиски наиболее эффективных методов общественного прогресса не выходили за рамки капиталистических решений.

В итоге значительных сдвигов, наблюдавшихся да два по-

следних десятилетия в межотраслевой и внутриотраслевой структурах, заметно преобразился экономический облик Турции. И ныне она относится к разряду аграрно-промышленных капиталистических стран, в которых капиталистические уклады (частный и государственный) заняли ведущие позиции во всех главных отраслях и сферах хозяйства. «Современная Турция,— говорится в программе Коммунистической партии Турции (КПТ), принятой в 1977 г., — это капиталистическая страна, в которой сохраняются остатки феодальных отношений и которая лишена ряда суверенных прав, так как империалистические державы захватили ключевые позиции в ее экономике, политике и армии».

Однако капиталистически сбалансированный сектор охватывал относительно небольшой (до 40%) сегмент населения и национального производства. Численно преобладали там хозяйства мелкотоварных и полунатуральных производителей, составившие традиционную докапиталистическую периферию и находившиеся в значительной мере за пределами процессов капиталистического воспроизводства. Вот почему Турция, достигнув по ряду показателей уровня страны среднеразвитого капитализма, продолжала относиться и к группе развивающихся стран, с которыми ее роднил ряд важных признаков, таких, как довольно стойкая многоукладность² (основные уклады: государственно-капиталистический, частнокапиталистический, мелкотоварный и натурально-патриархальный), наличие многочисленных остатков докапиталистических структур, особенно в сельском хозяйстве, невысокий в целом уровень развития производительных сил, ограниченный, несмотря на заметные сдвиги, объем национального дохода и размер его на душу населения, прослеживаемая по ряду аспектов зависимость от иностранного капитала. Объединяла Турцию с развивающимися странами и не решенная до сих пор проблема борьбы за экономическую самостоятельность.

В международном капиталистическом разделении труда Турция продолжала играть роль аграрно-сырьевой периферии: ее экспорт на две трети состоял из сельскохозяйственного сырья (хлопок, табак, сухофрукты, орехи) и минералов, а импорт — из готовых промышленных изделий и сырья для национальной индустрии (особенно сырой нефти). Осуществляемая Турцией за последние три десятилетия экономическая модель развития требовала крупных закупок импортного оборудования и промышленного сырья. Поступления же от экспорта с каждым годом были все менее способны покрыть затраты на эти жизненно необходимые стране закупки. В результате торговый баланс в 70-х годах сводился с колоссальным дефицитом в 2—3 млрд. долл. в год. А это, в свою очередь, вело к росту внешнего долга, который в расчете на душу населения (в 1980 г. около 500 долл.) был одним из самых крупных в мире.

Но влияние мирового капиталистического рынка на социально-экономические процессы в Турции было неоднозначно и противоречиво. По мере хозяйственного прогресса в ее внешнеэкономических отношениях с развитыми капиталистическими странами устранялись старые, классические формы зависимости и появлялись новые, порожденные научно-технической революцией и борьбой развивающихся стран за новый экономический порядок в международных отношениях.

Методологически важно подчеркнуть, что тенденция экономической самостоятельности и тенденция интенсификации внешнеэкономических связей не находились в непримиримом противоречии между собой. Наоборот, наиболее высокие темпы роста материального производства демонстрировали именно те освободившиеся государства, где процесс интернационализации национального производства был выражен наиболее отчетливо.

При определении характера социально-экономической структуры Турции в рассматриваемый период широко использовался термин «смешанная экономика». При этом представители различных идеологических течений вкладывали в это понятие далеко не идентичный смысл. Для традиционно-консервативных кругов «смешанная экономика» представляла собой систему, переходную от сосуществования государственного и частного секторов к высокоразвитому частному предпринимательству. «Этатизм, — говорится в программе Партии справедливости, — начинается там, где кончается частная инициатива. Он осуществляется лишь в случае необходимости»³. Буржуазные реформисты в лице Народно-республиканской партии (НРП) отстаивали постоянно действующую систему «смешанной экономики», при которой государственный и частный секторы должны развиваться параллельно на равных условиях, взаимодействуя и дополняя друг друга. Для леводемократических кругов государственное предпринимательство было призвано наращивать элементы для перехода страны при определенных условиях на некапиталистический путь. Сущность «смешанной экономики» Турции и место в ней двух наиболее динамичных укладов (государственно-капиталистического и частнокапиталистического) всецело определялись составом политических сил, осуществлявших руководство политикой и экономикой страны, и в развитии «смешанной экономики» там верх брала тенденция укрепления крупного частного капитала, возникновения монополистических объединений, формирования в недалеком будущем основ государственно-монополистического капитализма⁴.

В Турции, которая раньше многих других развивающихся государств начала создание независимого национального хозяйства, возникли социально-экономические явления, которые впоследствии стали характерными и для молодых освободившихся стран Азии и Африки, появившихся на политической карте на втором и третьем этапах общего кризиса капитализма. К числу

таких явлений, несомненно, относится государственный капитализм: Турецкая Республика была в числе первых афро-азиатских государств, сделавших упор в своей экономической политике на создание государственного сектора в ряде отраслей хозяйства (в промышленности, на транспорте, в кредитно-банковской системе).

Политика и практика государственного капитализма (этатизма) в Турции означали непосредственное вмешательство буржуазной надстройки в базисные отношения с целью ускорения развития в стране национального капитализма путем непосредственного предпринимательства государства в базовых отраслях хозяйства, требовавших больших капиталовложений, и проведения мероприятий экономического регулирования, направленных на активизацию частного предпринимательства, на укрепление политической и экономической независимости страны. Иначе говоря, турецкий этатизм — это политика форсированного развития капиталистических отношений в слаборазвитой стране, борющейся за экономическую самостоятельность, т. е. за равноправное партнерство в системе мирового капиталистического хозяйства.

Государственный сектор продолжал и продолжает ныне играть важную роль в экономической жизни страны, что было одной из главных особенностей развития капитализма в Турции. В руках государства находился весь железнодорожный транспорт, средства связи, половина морского торгового флота, около 75% операций кредитно-банковской системы, свыше одной четверти обрабатывающей промышленности и после проведенной в 1979 г. правительством Б. Эджевита национализации вся добывающая промышленность, а также практически все электростанции. Бажный показатель значимости государственного сектора для хозяйства страны — доля государственных капиталовложений во всей совокупности экономических инвестиций: в течение всех трех пятилетних планов эта доля колебалась, не опускаясь ниже 51—52%. Особенно велика роль государства в развитии инфраструктуры.

Но в результате целенаправленной деятельности частного капитала государственное предпринимательство в наиболее прибыльных отраслях экономически шло на убыль. Так, в обрабатывающей промышленности его доля с 46% в 1955 г. снизилась до 36% в 1973 г. и 27,4% в 1977 г.⁵ Кроме того, хотя основные затраты на создание государственной собственности в промышленности, инфраструктуре, кредитно-финансовой сфере обеспечивали в форме налогов трудящиеся массы города и деревни, но главные выгоды извлекали эксплуататорские классы: торговая и промышленная буржуазия, крупные производители товарной сельскохозяйственной продукции. И вообще в рамках официально признанной системы «смешанной экономики» происходило по всем линиям укрепление частного сектора, «инвестиции

и производственная мощность которого каждый год быстро возрастали»⁶.

Важно подчеркнуть, что повышение роли частного сектора происходило не за счет приватизации государственных предприятий или сокращения экономической активности государства. Причина здесь другая — растущая из года в год предпринимательская экспансия частного капитала в наиболее прибыльные сферы хозяйства. Во всех остальных крайне необходимых, но мало доходных отраслях решающую роль по-прежнему играло государство. Иначе говоря, активность частного капитала и взаимоотношения его с государственным сектором протекали в рамках сложившейся после войны системы разделения труда между существовавшими экономическими секторами. При этой системе государственный сектор концентрировался в топливно-сырьевых отраслях индустрии, металлургии, электроэнергетике, а также в производственной (транспорт, связь, ирригация) и социальной инфраструктуре (просвещение, здравоохранение); частнокапиталистический сектор — в выпуске промышленной продукции конечного потребления, импортно-экспортной и оптовой торговле, кредитно-банковских операциях; сектор мелкого производства — в сельском хозяйстве, ремесле (производство массовых предметов потребления и компонентов для крупной индустрии), сфере розничной торговли и услуг. В рамках буржуазного развития невозможно было ожидать в ближайшем будущем резких сдвигов в пропорциях указанных секторов как в результате актов национализации или приватизации, так и в результате крупномасштабного перераспределения частновладельческих земель.

Со второй половины 60-х годов заметно ускорились процессы концентрации и централизации производства и капитала, активизировалось сращивание промышленного и банковского капитала, что привело к появлению первых национальных монополий и началу формирования финансовой олигархии. Монополии в Турции возникали в форме холдинг-компаний, которые держали в своих руках портфели акций дочерних промышленных и финансовых фирм. Для турецких холдингов была присуща семейно-клановая структура. Таковы холдинги В. Коча и Н. Эдзаджыбашы (Стамбул), Р. Сабанджы и Сапмаза (Адана), Я. Дурмуша (Измир) и Байкара (Анкара), предпринимательские группы Акера, Бурлы и др.⁷. В последнее время появились и объединения, построенные на организационных принципах западных фирм и стремившиеся полностью заместить у них ультрасовременные методы извлечения сверхприбылей.

Специфика развития крупного капитала в Турции состояла в том, что, во-первых, монополистические объединения его возникали, как правило, в тесной связи с деятельностью иностранного финансового капитала и при прочной опоре на него, во-вторых, крупный капитал стремился поставить под действенный

контроль всю совокупность предприятий и имущества государственного сектора и использовать этот сектор в своих корыстных интересах⁸.

Монополистический капитализм — это определенная (высшая) стадия развития капитализма. И появление первых объединений крупного капитала, имевших ряд признаков монополий, совсем не равноценно формированию системы монополистического капитализма, которая определила бы основные закономерности общественно-политического развития данной страны. А. И. Левковский на базе многолетнего анализа многоукладного общества стран Востока пришел в конечном счете к выводу, что «неправильно говорить о наступлении монополистической стадии в развитии местного капитализма в пределах переходного общества»⁹. Применительно к Турции речь также должна идти лишь о появлении первых местных монополий, но не о наступлении монополистической или даже государственно-монополистической стадии развития капитализма.

Получали все большее распространение акционерные компании как форма мобилизации капиталов и свободных денежных средств населения с целью их сосредоточения и прибыльного помещения в интересах крупных акционеров. Путем основания компаний, «открытых для народа», буржуазные реформисты надеялись пропагандировать турецкий вариант «народного капитализма».

Но за этими частными успехами социально-экономического развития Турции нельзя не увидеть главного: избрав капиталистический путь, эта страна не смогла решить основных проблем, а именно: создать многоотраслевое высокоразвитое народное хозяйство, ликвидировать неравноправное положение страны в международном разделении труда, существенно поднять жизненный уровень населения, города и деревни. Кроме того, наблюдавшееся в период планового развития под влиянием ряда благоприятных факторов (определенные успехи по мобилизации внутренних ресурсов для финансирования капиталовложений, рост поступлений иностранной валюты от турецких рабочих, находившихся в Западной Европе, форсирование внешне-экономических связей) улучшение экономической конъюнктуры оказалось временным, непрочным, нестабильным. Начавшийся с 1973 г. очередной кризис мирового капиталистического хозяйства немедленно оказал на Турцию в силу ее включенности в международное капиталистическое разделение труда негативное воздействие, усилив переживаемые этой страной трудности и противоречия.

Противоречиво проходило развитие сельского хозяйства — главной отрасли турецкой экономики. Наиболее характерная черта данной отрасли на современном этапе — преобразование технических условий производства на базе механизации и химизации. Численность используемых на турецких полях тракторов

с 1,8 тыс. в 1948 г. выросла до 106 тыс. в 1970 г. и 342 тыс. в 1977 г. В 1948 г. тракторным плугом вспахивалось менее 1% обрабатываемых площадей, в 1970 г. — 32%, а в конце 70-х годов свыше 60%. Если четверть века назад на хлебных полях работало несколько сот комбайнов, то к 1978 г. их стало 19,5 тыс.¹⁰. В десятки раз увеличилась также численность сеялок, косилок, металлических плугов всех систем, мотопомп и насосов. Одновременно с ростом машинного парка стали более широко применяться минеральные удобрения (в 1978 г. в почву было внесено 7,8 млн. т фосфатных, азотных и калийных удобрений против 0,5 млн. т в 1967 г.), химические средства защиты растений, отборные семена и т. д.

Все это, естественно, повысило органический состав капитала, функционировавшего в сельском хозяйстве, и не могло не отразиться на урожайности. Во второй половине 70-х годов производство продовольствия в Турции достигло уровня, который позволял покрыть потребности в целом невысокого платежеспособного спроса и по некоторым товарам даже иметь экспортные излишки. Напомним, что после второй мировой войны Турция уже дважды (в первой половине 50-х годов и второй половине 60-х годов) подходила к рубежу самообеспеченности, но вскоре выяснилось, что решение продовольственной проблемы оказывалось не полным, не окончательным. Уровень надежности достигнутого к концу 70-х годов положения покажет будущее.

Промышленность, которая в Турции стала играть роль ведущего фактора общественного прогресса и технического обновления, в своем развитии по-прежнему наталкивалась на ряд нерешенных общеэкономических проблем, в первую очередь аграрного вопроса. Ведь решение комплекса проблем, связанных с индустриализацией (внутренние источники финансирования капиталовложений, повышение товарности сельского хозяйства с целью обеспечения быстро растущего городского населения продовольствием, а развивающейся промышленности — сырьем, расширение емкости внутреннего рынка), возможно лишь при условии соответствующих сдвигов в отраслях сельскохозяйственного производства и превращении их в надежный источник трудовых, сырьевых и финансовых ресурсов индустриализации.

Так как аграрные преобразования в Турции не были завершены, то промышленность Турции, хотя и развивалась за последнее десятилетие довольно высокими темпами и выпускаемая этой отраслью продукция по объему уже сравнялась с продукцией сельского хозяйства, не смогла полностью преодолеть черты отсталости. Это проявлялось в отсутствии оптимальной отраслевой структуры, низкой производительности труда, слабом внедрении достижений научно-технической революции, хроническом дефиците квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадров при избытке неквалифицированных¹¹. Не-

смотря на наметившуюся концентрацию и централизацию промышленного производства, характерным для турецкой промышленности все еще было численное преобладание мелких и мельчайших ремесленных мастерских и кустарных заведений: в 1970 г. предприятия, имевшие менее 10 наемных рабочих, составляли 97,2% всех предприятий (включая нецензовую промышленность), по 10—100 рабочих — 2,3% и свыше 100 рабочих — 0,5%. Подобная распыленность обуславливала, как известно, отсталую технологию и неконкурентоспособность турецкой продукции на мировом рынке.

Ввиду валютных затруднений Турция с середины 70-х годов не в состоянии была ввозить из-за границы необходимое количество остро необходимого промышленно-энергетического сырья и полуфабрикатов, что отрицательно влияло на объем материального производства. Важный лимитирующий фактор — хронический недостаток электроэнергии (в 1976 г. например, дефицит составил 2,3 млрд. кВт·ч, т. е. около 13% потребности)¹².

Очень остро стояла в Турции проблема занятости. Из 18 млн. человек самостоятельного населения почти 3 млн. не имело постоянной работы. С учетом скрытой безработицы в деревне и мнимой занятости в городе излишние рабочие руки достигали около половины самостоятельного населения. Свыше 700 тыс. турецких граждан работало в странах Западной Европы и столько же ожидало очереди на выезд за границу. В одном официальном документе говорилось, что среди всех забот турецкого правительства проблема занятости являлась одной из главных¹³.

Во второй половине 70-х годов под влиянием ряда внутренних и внешних факторов заметно ухудшилось валютно-финансовое положение страны. Важнейшие показатели этого: инфляция, темп которой в последние годы составлял 40—50%, быстрый рост государственного долга (только внешняя задолженность достигла около 20 млрд. долл.), дефицит государственного бюджета по причине систематического роста военных расходов, острый валютный кризис из-за хронического пассива торгового и платежного балансов. Комплексным показателем трудностей хозяйства Турции являлся темп роста ВВП: в 1976 г. этот показатель составил 7,7%, в 1977 г. снизился до 4,0%, в 1978 г. до 3,0% и, наконец, в 1979 г. составил лишь 0,2%¹⁴. И если с середины 60-х годов Турция входила в группу наиболее быстро развивающихся стран Азии и Африки, то к концу 70-х годов она полностью утратила такое положение.

В результате умножения кризисных явлений и нарастания экономических трудностей обострились социальные противоречия, затрагивавшие все слои и группы турецкого общества, его город и деревню. В Турции конца 70-х годов можно выделить следующие основные комплексы противоречий:

а) имманентные капиталистическому способу производства

антагонистические противоречия между трудом и капиталом, которые по мере общественного прогресса в рамках этого способа, несомненно, могут достигнуть в будущем критической стадии;

б) рост социальной напряженности между современными (капиталистическими) и традиционными (докапиталистическими) укладами в результате дальнейшего разрыва между ними как по линии материальных условий производства, так и с точки зрения уровня подушевых доходов населения, связанного с этими укладами;

в) все более обострившиеся противоречия между турецким народом и иностранным империализмом, которого поддерживали крупный турецкий капитал и крупные землевладельцы.

Совершенно очевидна невозможность преодоления указанных противоречий в рамках эволюционного буржуазного развития.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

Классообразование (этот термин включает как процесс дезинтеграции старых классовых сил, базирующихся на традиционных, докапиталистических укладах, так и формирование новых классов и социальных прослоек, соответствующих капиталистическому способу производства) определялось в Турции многокрасочной палитрой внутренних и внешних факторов. Характерная для Турции многоукладность широкого диапазона, включавшая докапиталистические, предкапиталистические (переходные) и вполне сформировавшиеся капиталистические уклады, обуславливала большую пестроту турецкого общества¹⁵.

Поскольку в Турции, как отмечалось выше, капитализм как общественная формация занял господствующие позиции почти во всех отраслях и сферах хозяйства, то в рассматриваемый период он во многом определял характер общественных процессов в стране, в том числе и классовообразовательных. Вместе с тем количественно в экономике преобладали мелкие производители, экономической основой которых служили мелкотоварный и полунатуральные уклады, переходные от докапиталистических отношений к капитализму. В результате классовообразование в Турции, как и в других развивающихся странах, не представляло собой гладко протекавший процесс разложения докапиталистических и рождения буржуазных классов и прослоек, т. е. процесс, который в общих чертах повторял бы явления, имевшие место в свое время на капиталистическом Западе.

Многоукладность (как свидетельство переходного к капитализму состояния экономического базиса развивающихся стран) обуславливала незавершенность процессов социальной дифференциации, т. е. стадийную незаконченность формирования в

Турции классов и прослойки буржуазного общества и ухода со сцены старых классов. В итоге наряду с современными классами и социальными слоями, связанными с капиталистическими укладами (частным, государственным), весомо были представлены и социальные общности, базировавшиеся на старых (докапиталистических) способах производства: натурально-патриархальном и мелкотоварном укладах. Наконец, во всех развивающихся странах, включая и Турцию, имелись внеукладные, так называемые маргинальные слои. Это социальные группы населения, вытесненные из традиционных укладов и не сумевшие по различным причинам установить стабильные функциональные связи ни с одним из современных укладов¹⁶.

Турецкое общество — часть мировой системы, построенной на классовом антагонизме, — распадалось по этому принципу на: а) эксплуататорские классы, слои и группы, которые, составляя не более 10% всех жителей, контролировали производство, распределение и использование национального дохода; б) угнетенные, эксплуатируемые массы трудящихся, составлявшие большинство населения города и деревни, но отстраненные от какого-либо участия в определении внутривнутриполитического курса и внешнеполитической ориентации страны, от выработки основ экономической политики.

Характеризуя политическую роль господствующих классов, важно показать классовые компоненты правящей элиты, т. е. выявить наличие в ней представителей классов и слоев современного и традиционного типов, обрисовать ее социальную базу. При анализе же места эксплуатируемых масс в социально-политической структуре общества кроме их величины и численности необходимо принять во внимание и уровень их политической активности, т. е. степень участия в массовых политических движениях: рабочем, профсоюзном, крестьянском, молодежном и т. д. С учетом всех этих замечаний попытаемся нарисовать количественную и качественную стороны классовообразовательных процессов в Турции. Конечно, измерение количественного состава классов и социальных групп — дело сложное и во многих отношениях ненадежное. Во-первых, это объясняется незаконченностью классовообразовательных процессов, во-вторых, невозможностью достаточно точно провести классовые границы между соответствующими группами населения из-за наличия у них многозначных социально-экономических характеристик (по одним признакам они могут принадлежать к одной социальной группе, по другим — к другой). Наконец, эти объективные трудности усугублялись недостаточностью первичного статистического материала.

Основной правящий класс, господствующая сила в Турции — это буржуазия (крупная и средняя). Процесс концентрации и централизации капитала привел, как отмечалось выше, к появлению первых монополий и тонкого слоя монополистической

буржуазии. Крупные предприниматели (торговцы, промышленники, банкиры) численно составляли небольшую социальную прослойку, которая включала не более 50 тыс. человек, или 0,3% всего самодельного населения. (Вместе со средней буржуазией предприниматели города в 1977 г. насчитывали 151 тыс. человек, т. е. примерно 0,8% самодельного населения¹⁷.) Но политика турецкого государства в наиболее важных вопросах экономической и социальной жизни и международного положения отражала преимущественно интересы этого социального слоя. Прочна и экономическая база крупной буржуазии: она присваивала около одной пятой части всего национального дохода и оказывала решающее влияние на всю экономическую структуру страны: на направление и характер капитальных вложений, на распределение ресурсов сырья, топлива и полуфабрикатов, на расходование иностранной валюты, на использование трудовых ресурсов¹⁸.

Турецкая буржуазия по своему составу была неоднородна, распадаясь на посредническую проимпериалистическую и национальную. Посредническая буржуазия современной Турции — это наиболее реакционная группа местной буржуазии, экономически тесно связанная с иностранными монополиями, а внутри страны — с крупными землевладельцами, в значительной мере сохранявшими докапиталистические черты. Сотрудничавшая с империализмом буржуазия полностью включала монополистическую буржуазию, сформировавшуюся в Турции на почве тесного сотрудничества с иностранным капиталом, а также на основе вытеснения иностранной буржуазии портовых городов (Стамбула, Измира). Дело в том, что за годы республики рядом с инонациональными предпринимателями (греками, армянами, евреями) или на их месте росла и крепла прослойка предпринимателей-турок, завязывающих тесные деловые отношения с иностранными фирмами. Сотрудничество с иностранным капиталом проходило не только по линии экспортно-импортной торговли, как это было, но и совместно с иностранным капиталом путем основания и владения промышленными предприятиями и кредитно-банковскими учреждениями. «Бизнес уик», раскрывая секрет делового успеха турецкого мультимиллионера Вехби Коча, сообщал, что «все его производственные предприятия возникли на базе контактов с иностранными компаниями»¹⁹.

Посредническая буржуазия (в Турции ее нередко называют компраторской), извлекая из сотрудничества с иностранным капиталом материальные выгоды, становилась его агентурой. Другая часть буржуазии, работавшая на внутренний рынок и обслуживавшая его нужды, кровно была заинтересована в развитии отраслей национального производства, в осуществлении воспроизводства прежде всего на национальной основе. Эта часть буржуазии образовала социальную группу, которую называют национальной буржуазией. Из сказанного выше видно,

что при анализе класса капиталистов необходимо, на наш взгляд, избегать двух крайностей: включать в национальную буржуазию все имевшиеся в Турции слои этого господствующего класса; полагать, что всякая крупная буржуазия обязательно должна быть проимпериалистической.

Между национальной и посреднической буржуазией Турции усилывались противоречия. Острота этих противоречий одно время позволяла леводемократическим кругам (турецким коммунистам и сторонникам других прогрессивных организаций) надеяться на возможность привлечения определенных слоев национальной буржуазии на сторону единого антиимпериалистического общедемократического фронта²⁰. Однако впоследствии проблема коалиции демократических сил с национальной буржуазией была снята с повестки дня. Во всяком случае, в принятых в 70-х годах программах левых партий (Коммунистической, Рабочей и Социалистической рабочей) об этом уже говорилось.

Важную роль в правящем лагере играли крупные землевладельцы — предприниматели, хозяйство которых основано на частной собственности на землю и постоянной эксплуатации наемного труда. Производство таких хозяйств, часто имевших монокультурную специализацию (крупные фермы по производству хлопка в Аданском и Эгейском районах, табака в Черноморских и Мраморноморских районах, фундука в районе Гиресуна и Трабзона и т. д.), было подчинено требованиям рынка²¹.

Крупные землевладельцы, составлявшие менее 0,2% самостоятельного населения (38 тыс. человек), концентрировали в своих руках на правах собственности около четверти всех частновладельческих земель. Если по масштабам землевладения класс помещиков подразделялся на крупных (контролировали по 500 га и более), средних (100—500 га) и мелких (50—100 га), то, в зависимости от методов и приемов эксплуатации непосредственных производителей, можно было более или менее четко выделить: а) крупных собственников капиталистического толка, постепенно интегрировавшихся с другими отрядами буржуазного класса; б) помещиков-абсентеистов (перепись 1968 г. обнаружила 283 собственника, которые, владея по 700—800 га каждый, все свои земли сдавали в аренду); в) собственников, персонифицировавших переходные формы эксплуатации. В 70-е годы более половины земель крупных собственников (4 млн. га из 7,7 млн.) было занято капиталистическим сектором, около четверти охватывало различные переходные формы, а оставшаяся земля (менее четверти) сдавалась в продовольственную аренду безземельным и малоземельным крестьянам²².

Таким образом, социальная физиономия крупных землевладельцев Турции существенно менялась: из класса феодального общества они весьма интенсивно превращались в социальную группировку переходного типа и постепенно все ближе станови-

лись к капитализму, чем к докапиталистическим отношениям. Лидер Рабочей партии Турции Б. Боран еще в 60-х годах писала по данному вопросу: «Хотя в сельском хозяйстве сохранились пережитки феодализма, совершенно очевидно, что помещики отличаются от бывших феодалов и что они значительно обуржуазились. Помещики Юга, которые занимаются производством для внешних рынков, являются представителями крупной буржуазии, применяющей в земледелии систему капиталистического производства»²³.

Крупные землевладельцы стремились сочетать предпринимательство в деревне с аналогичной деятельностью в городе. Так, владельцы хлопковых плантаций строили хлопкоочистительные и текстильные фабрики, а крупные производители сахарной свеклы финансировали строительство сахарных заводов. В выступлении турецкого представителя на международном семинаре марксистов-аграрников отмечалось, что в Турции «за последние четверть века появился новый тип буржуазии. Это крупные ага, которые, накопив капиталы и вступив в соглашение с иностранными капиталистами, превратились в то же время в промышленных и торговых предпринимателей. Таким образом, родился тип капиталиста, который действует одновременно и в городе, и в деревне»²⁴.

Второй слой сельской буржуазии формировался на базе расчленения крестьян — мелких товаропроизводителей. Зажиточная прослойка крестьянства Турции (кулачество) входила в группу собственников, владевших, как правило, 10—50 га земли. В распоряжении этой группы находилось до 30% частновладельческих земель, и она являлась держателем крупной доли товарной продукции и занимала важное место в использовании наемного труда батраков²⁵.

Специфика многоукладного общества, в частности наличие огромных масс пауперизированного крестьянства, позволяла кулачеству применять для своего обогащения различные приемы эксплуатации, в том числе докапиталистические. Формы предпринимательства этой прослойки не находились в застойном состоянии, а видоизменялись под влиянием сдвигов в экономической конъюнктуре (развитие инфраструктуры, вытеснение сельских ремесел промышленностью), технического прогресса (приход двигателя на смену ветра и воды, замена мускульной силы животного машиной) и т. д. В частности, ныне широко распространена сдача кулаками в аренду машин.

Хозяином укреплению «крестьянской» буржуазии служила совокупность социально-экономических и агротехнических мероприятий правительства, ибо результатом земельной реформы и мер государственно-капиталистического регулирования явилось дальнейшее углубление классовой дифференциации и консолидации кулацкой прослойки. В этом же направлении действовала «зеленая революция», которая улучшила положение:

только богатых крестьян и крупных землевладельцев в «анклавах» развитого сельского хозяйства.

Социальную базу правящих кругов образовывали также верхние слои государственных служащих, администраторов, инженерно-технических специалистов (150 тыс. человек, или 0,8% самодеятельного населения). Профессиональные политики, высокооплачиваемые чиновники государственного аппарата, директора и члены правлений государственных предприятий и учреждений составляли особую социальную группу, которую принято называть бюрократической буржуазией. Формированию этой прослойки, кастовые стремления которой нередко противоречили интересам не только широких масс, но и государства, способствовала особая роль государственного аппарата в обществе. Ф. Энгельс писал: «Общество порождает известные общие функции, без которых оно не может обойтись. Предназначенные для этого люди образуют новую отрасль разделения труда *внутри общества*. Тем самым они приобретают особые интересы также и по отношению к тем, кто их уполномочил; они становятся самостоятельными по отношению к ним...»²⁶.

В условиях Турции, где государство в рамках этатизма давно уже выполняло широкие экономические функции, возможности выделения бюрократического слоя, управлявшего и распорядившегося государственной собственностью, были особенно благоприятны.

К правящим кругам тесно примыкали по своим устремлениям и уровню материального благополучия высший и старший командный состав вооруженных сил, полиции и жандармерии, которые воздействовали на солдатские массы при посредстве офицеров и унтер-офицеров. Из 430 тыс. человек личного состава армии в 1978 г. 80 тыс. составляли офицеры и унтер-офицеры²⁷.

Среди эксплуатируемых масс возвышающийся класс — рабочий класс. В Турции как капиталистической стране все более пробивала себе дорогу тенденция, которая требовала, чтобы «все рабочие силы народного хозяйства применялись к производству лишь после продажи-купли их предпринимателями»²⁸. Численность наемных работников (рабочие и служащие) выросла с 2,4 млн. человек в 1960 г. до 3,8 млн. в 1970 г. и 5 млн. в 1978 г., а удельный вес этой категории работников во всем самодеятельном населении страны поднялся соответственно с 22 до 26,9% и затем до 34,7%²⁹. По численности наемной рабочей силы Турция в рассматриваемый период занимала на Ближнем и Среднем Востоке, безусловно, первое место.

Авангардное место среди различных категорий работников наемного труда по праву принадлежало рабочему классу. Современный пролетариат Турции насчитывал около 4 млн. человек. Примерно четверть всех рабочих составляли женщины и дети. 1,8 млн. рабочих было занято в промышленности (около

900 тыс. приходилось на фабрично-заводских рабочих, 130 тыс. трудилось на шахтах и рудниках, 45 тыс. — на объектах энергетики, 250 тыс. — на транспорте и в связи, 450 тыс. — в строительстве), 0,5 млн. — в торговле и сфере услуг, 0,6 млн. — на государственных земледельческих и животноводческих фермах, крупных и средних частных хозяйствах капиталистического типа в деревне (с учетом временных в сельском хозяйстве было занято свыше 1 млн. рабочих), 0,7 млн. рабочих находилось за границей³⁰.

Среди 900 тыс. фабрично-заводских рабочих большой отряд составляли пищевики (до 300 тыс.), текстильщики (до 250 тыс.), кожевники и обувщики, табачники. Значительно также было число металлургов, нефтяников, химиков, полиграфистов.

Свыше 35% рабочих обрабатывающей промышленности трудилось на предприятиях государственного сектора, на которых создавалось 37% промышленной продукции. Однако доля занятости и объема производства государственного сектора систематически снижалась в пользу частного сектора.

Наиболее характерные черты рабочего класса Турции того периода: а) высокая степень его концентрации: свыше половины рабочих ценовой промышленности (имеются в виду предприятия с числом рабочих более 10) трудилось на фабриках и заводах, имевших более 500 рабочих. Особенно высока концентрация была в государственном секторе: на 224 предприятия было занято 183 тыс. рабочих, т. е. в среднем по 810 рабочих на одно предприятие (в частном секторе на одно крупное предприятие приходилось в среднем лишь 67 рабочих); б) относительно высокая организованность: около 70% всех рабочих было объединено в профсоюзы³¹; в) высокая территориальная концентрация: до 80% производственного потенциала и рабочей силы было сосредоточено в пяти крупнейших городах страны — Стамбуле (до 40%), Анкаре, Измире, Адане и Бурсе; г) устойчивые связи с деревней: основная часть рабочих — рабочие первого поколения — недавние выходцы из деревни, нередко имевшие там близких родственников и даже членов семьи (жену и детей); д) низкий в целом уровень квалификации.

Подавляющая часть служащих государственных и частных предприятий и учреждений по всем основным экономическим параметрам — отношению к собственности на средства производства, роли в общественной организации труда, величине и способу получения дохода — мало чем отличалась от рабочего класса. Общая численность таких конторских служащих составляла 800 тыс., из которых 600 тыс. находилось на государственной службе (кроме того, в государственном аппарате работало 60 тыс. служащих высшего ранга, включенных в разряд господствующих классов и слоев). Рядовые служащие, занятые обслуживанием административного и налогового аппарата на местах, рассредоточены в большом числе городов и местечек.

Неорганизованные массы трудящихся деревни, главной массы самодеятельного населения (60%), с точки зрения обеспеченности основными средствами производства — землей — включали собственников различного масштаба и полностью безземельные семьи. Главная тенденция в сельском хозяйстве, как и во всей экономике, — сокращение доли так называемых (с 31% в 1965 г. до 29% в 1977 г.) «самостоятельных хозяев» при одновременном росте численности неимущих. В самом деле, осуществленная в 1963—1965 гг. инвентарная опись сельских жителей установила, что 30,7% из них относилось к категории полностью безземельных, добывавших себе средства существования в качестве сельскохозяйственных рабочих, арендаторов и издольщиков³².

Принимая во внимание, что в сельской местности проживало более 20 млн. человек, а полностью безземельных среди них было 30%, это означало, что неимущие насчитывали более 6 млн. человек, в том числе не менее 2,5 млн. человек работоспособных. Все это лишенное земли население представляло не только капиталистический уклад деревни. Согласно самым разнообразным официальным и неофициальным данным, численность сельскохозяйственных рабочих (постоянных и временных) не превышала 1 млн. человек³³. Остальные 1,5 млн. рабочих рук — это лица, вытесненные из традиционных (натурально-патриархального, мелкотоварного) укладов и не втянутые в систему новых производственных связей в результате явного разрыва между разложением докапиталистических способов производства и становлением новых, капиталистических. На базе указанного разрыва в турецкой деревне возникла проблема пауперизации, люмпенства и деклассирования.

Но проблема аграрного перенаселения в рассматриваемой нами стране не исчерпывалась только полностью неимущими крестьянами. Прямо затрагивала она и парцеллярное крестьянство, составлявшее в турецкой деревне очень значительный контингент. Это, как правило, владельцы участков до 2 га, которые существовали частично за счет продажи своей рабочей силы, частично — за счет труда на собственном или арендованном земельном участке. Их можно определить как полупролетариев или парцелльных крестьян (батраки с наделом). Систематическое увеличение числа хозяйств с земельной площадью до 2 га — свидетельство роста нищеты, пролетаризации и пауперизации тружеников деревни.

Безземельные и малоземельные сельские жители, т. е. пролетарии и полупролетарии, составлявшие вместе около половины всего населения деревни, в официальных турецких документах именовались терминами: сельскохозяйственные рабочие, арендаторы, издольщики, мелкие крестьяне. На самом же деле огромное большинство их были: во-первых, сельские пауперы, т. е. представители непролетарской трудовой бедноты, для ко-

торой характерна хроническая незанятость и полузанятость, а отсюда и нищенский уровень жизни, во-вторых, люмпен-крестьянство, вбирающее в себя деклассированные элементы. По официальным данным, даже в сезоны больших работ в сельскохозяйственном секторе насчитывалось более 1 млн. полностью безработных, а в другое время численность незанятых возрастала в 5—6 раз³⁴. На базе различных статистических источников и описательных материалов нами установлено, что при существовавшем в Турции агротехническом уровне избыток рабочей силы в деревне составлял не менее половины всего самостоятельного населения, или, другими словами, 6 млн. работников из 12 млн. были «лишними» людьми, фактически не создававшими материальных ценностей³⁵. Турецкий вариант помещичьего капитализма породил свои особые условия формирования относительного перенаселения в деревне. Применение машин в сельском хозяйстве Турции прежде всего потребовало «чистки земель» от крестьян — мелких собственников и арендаторов. Общее число крестьянских хозяйств, ликвидированных в ходе технического прогресса, достигло к концу 60-х годов 350 тыс.³⁶ Новая волна механизации 70-х годов увеличила число сельских семей, подвергшихся «раскрестьяниванию», до 500 тыс. Пауперизм, представлявший вытолкнутые из различных укладов незанятые и мнимо занятые трудовые массы, и люмпенство, охватывавшее деклассированные прослойки, приобрели в турецкой деревне характер не менее острой проблемы, чем в развивающихся странах, отличавшихся особой интенсивностью «пролетариатского обнищания». Хотя потоки неимущих крестьян хлынули после войны в крупные городские центры, но социально-экономическая значимость пауперизма и люмпенства в деревне, а также численность этих предпролетарских и деклассированных прослоек продолжали расти. Некоторые турецкие ученые полагают, что из 4,5 млн. семей, проживавших в деревне, около 2,5 млн. семей, т. е. свыше половины, должны быть отнесены к категории пролетаризированного и пауперизированного³⁷.

Официальные сведения о распределении доходов среди различных групп сельского населения и, следовательно, о глубине социально-имущественного его расслоения показывают, что на долю двух низших групп, составлявших 40% населения (все жители деревни разбиты на пять равных по численности групп) и охватывавших наименее обеспеченные и наиболее эксплуатируемые слои турецкой деревни, приходилось лишь 6,5% всей обрабатываемой земли и 17,5% совокупных доходов. Следовательно, по сравнению со своим удельным весом в общем населении деревни пролетарии, полупролетарии и пауперы, находившиеся на нижних этапах социальной пирамиды, располагали в 6 раз меньшей долей земли и в 2,3 раза меньшим доходом. Относительно более благоприятное положение с доходом, чем с зем-

лей, — это результат массовой продажи указанными слоями своей рабочей силы. Диспропорции в распределении доходов влекли за собой перепад уровней потребления. Для беднейшего пауперизирующегося крестьянства национальное богатство оказывалось, применяя выражение К. Маркса, «по самой своей природе тождественным с народной нищетой»³⁸. Пример Турции — убедительное доказательство бесперспективности капиталистического решения социально-экономических проблем деревни развивающихся стран, в том числе проблемы пауперизированных масс трудящихся и сельских люмпенов. Проблема «избыточного» населения деревни в известной мере является определяющей при анализе перспектив национального капитализма в такой развивающейся стране, как Турция.

Так как мелкотоварный уклад занимал в турецкой деревне первостепенное место, то был значителен и удельный вес населения, представлявшего этот уклад, т. е. мелкой буржуазии деревни. С учетом ряда оговорок, связанных с качеством земли (поливная или богарная), характером ее использования (экстенсивное или интенсивное земледелие), можно с большой долей уверенности полагать, что носители мелкотоварного уклада были представлены в группах владельцев от 2 до 5 и 5—10 га. При этом совершенно очевидно, что уровень товарности в этих двух группах, а отсюда правомерность включения их в мелкотоварный уклад весьма неодинаковы.

Важно подчеркнуть, что мелкотоварный сектор турецкой деревни под влиянием конкуренции находился в состоянии постоянного разложения и выделения полярных социальных слоев. Для сельского хозяйства, подверженного буржуазной эволюции, это было вполне закономерным явлением. Вместе с тем в условиях многоукладного турецкого общества сфера действия мелкотоварного уклада в целом не только не сокращалась, а, наоборот, расширялась за счет преобразования натурально-патриархального сектора и приобщения его к товарно-денежным отношениям. Выявленный А. И. Левковским применительно к развивающимся странам вообще феномен почти одновременно, хотя и неравномерного, подъема капиталистических и мелкотоварных отношений³⁹ всецело распространялся и на Турцию.

На основании вышеизложенного очевидно, что сельская мелкая буржуазия, составлявшая костяк сельских средних слоев, содержала в себе как потенции капиталистического развития, так и тенденции стагнационного состояния экономики и общества.

Становлению и укреплению позиций мелкой буржуазии деревни в определенной степени способствовали государственно-капиталистические мероприятия. Хотя буржуазные реформы в сфере сельского хозяйства Турции проводились такими методами и темпами, при которых отсутствовало прямое вторжение в отношения частной собственности, но крестьянское землевладе-

ние все же увеличивалось, что достигалось за счет государственного колонизационного фонда. Напомним, что с целью ослабления остроты земельного голода турецкое буржуазное государство за 1923—1975 гг. передало крестьянам из своего фонда на различных условиях 3,5 млн. га земли, которую получили 750 тыс. семей (в среднем по 4—5 га на семью⁴⁰). Эти новые собственники количественно укрепили мелкотоварный сектор турецкой деревни. В Турции деревня — основной с точки зрения численности бастион мелкой буржуазии. Мелкотоварный уклад деревни концентрировал, включая деревенских ремесленников, свыше 5 млн. человек самостоятельного населения, в то время как в городе представителей этого уклада было в 3—4 раза меньше.

Кроме перечисленных слоев и прослоек, неперемный компонент социальной структуры сельского общества — ремесленники (кузнецы, плотники, столяры, бондари, скорняки, ремонтники техники и транспортных средств)⁴¹, многочисленные отряды мелких торговцев, а также представители сельской интеллигенции как общественной группы людей, занятых умственным трудом. Это — учителя (школы в то время были уже в подавляющем большинстве деревень), работники медицинского обслуживания, деревенские писцы и, наконец, представители традиционных слоев — имамы и хатибы (по переписи 1960 г., они имелись в 25,8 тыс. деревень из 35,4 тыс., т. е. в 73%⁴²). Все перечисленные прослойки вместе с крестьянами — мелкими товаропроизводителями составляли средние слои деревни. В целом на их долю приходилось 29,9% самостоятельного населения страны.

Весьма пестры и многочисленны средние и маргинальные слои города, составлявшие непролетарские и полупролетарские отряды трудящихся. Эти отряды вместе с крестьянством принято именовать промежуточными слоями, так как они занимали как бы среднее положение между пролетариатом и буржуазией. Если для развивающихся стран Азии и Африки со слабо выраженными процессами формирования классов буржуазного общества применение данного термина дискуссионно, то для Турции в этом отношении нет затруднений. Характерная отличительная черта промежуточных слоев Турции — мозаичность, социальная раздробленность и разобщенность.

Мелкие самостоятельные производители города: ремесленники, владельцы мельчайших предприятий в промышленности, строительстве, на транспорте, в сфере торговли и услуг формировали один из главных отрядов городских средних слоев. Согласно материалам второго пятилетнего плана, только в мелкой промышленности и кустарно-ремесленном производстве было занято 711 тыс. мастеров, подмастерьев и учеников⁴³. С учетом мелких собственников, занятых в торговле и сфере услуг, общая численность данного слоя достигала 900 тыс. человек.

Мелкий буржуа отличался от рабочего класса прежде всего тем, что имел в частной собственности средства производства. Как бы ни были малы ее размеры, именно она составляла основу производства. Весь доход мелкого собственника, для которого характерно прямое личное участие в производственном процессе, служил основным источником существования хозяина и его семьи.

Общность классового положения мелкой буржуазии не означала какой-либо ее социальной однородности; если верхние слои представляли состоятельные и в отдельных случаях преуспевающие хозяева, то нижние нередко смыкались по своему положению с люмпен-пролетариатом. Превращение мелкого собственника в капиталиста происходило тогда, когда его собственный труд становился второстепенным по сравнению с присвоением чужого неоплаченного труда, а переход к пролетарскому положению предполагал превращение работы по найму в основной источник его существования.

Наличие избыточного населения в деревне, безработных и пауперов в городе вынуждало мелких товаропроизводителей цепляться за свое предприятие как за единственный источник существования. В этом была одна из причин живучести мелкого производства⁴⁴.

Положение, аналогичное мелкобуржуазным слоям, занимала большая часть турецкой интеллигенции, включая лиц так называемых свободных профессий: частнопрактикующие врачи, адвокаты, писатели, художники, артисты и др. Сюда же относились и всевозможные посредники, агенты различных мелких фирм и контор.

Особый социальный слой в Турции составляли занятые в неорганизованном секторе городского хозяйства, включая сферу персональных услуг. Миграция освобожденных от всякой собственности сельских люмпенов в города, сильно превышавшая рамки спроса на нее, вела к гипертрофированному развитию неорганизованного сектора городского хозяйства. Прежде всего сюда входили занятые в мелкорозничной торговле (лоточники, разносчики товаров, торговцы зеленью, овощами и фруктами, торговцы старьем и дешевыми украшениями, уличные продавцы газет и журналов, а также всевозможных напитков — айрана, кофе и чая) и обслуживании (носильщики, грузчики, чистильщики обуви). Весьма значителен был контингент горожан, находившихся, особенно в богатых кварталах крупных городов, в персональном обслуживании в качестве ночных сторожей, швейцаров, посыльных, лифтеров, домашней прислуги.

Фактически это — сфера мнимой занятости как с точки зрения уровня вознаграждения за труд, так и потребности общества в таких работниках. От неорганизованной сферы городского хозяйства зависело существование не менее 800 тыс. работников и их семей. Большинство этих лиц — недавние мигранты

из деревни. В городах они обитали на окраинах в лачугах, называемых в Турции «геджекконду» (буквально «выстроенный за ночь»). В 1948 г. насчитывалось 30 тыс. «геджекконду», а в 1953 г. — уже 80 тыс. Под влиянием повышения темпов урбанизации наблюдался рост числа этих лачуг: в 1960 г. их стало 240 тыс., а в 1978 г. — уже свыше 850 тыс. В целом по стране подобные жилища обеспечивали кров для четверти всех горожан⁴⁵.

Самые нижние прослойки городской бедноты составляли пауперы и люмпены, лишившиеся по болезни, старости и по какой-либо другой причине постоянного заработка и возможности вернуться в родную деревню. Разбухание городских низов происходило и за счет представителей других укладов, лишившихся по разным обстоятельствам привычных источников существования: мелких товаропроизводителей города и деревни, выброшенных из сферы производства конкуренцией, лиц, занятых в неорганизованном секторе городского хозяйства и оказавшихся полностью ненужными обществу.

Основная причина пауперизма и люмпенства в Турции — рост аграрного перенаселения, вовлекшего в свою орбиту до половины жителей деревни, и хроническая безработица в городе, охватившая до 13% самодеятельного населения. Пауперы — это лица, перебивавшиеся случайными заработками и потому соглашавшиеся на любую работу, сколь ни мизерно было бы вознаграждение за труд⁴⁶. Значительное число пауперов не имели собственного крова. В лучшем случае жилищем для них служила лачуга — «геджекконду».

Люмпены — это деклассированные элементы, формировавшиеся главным образом из пауперов, полностью лишившихся даже временных источников заработка и существовавших за счет нищенства. Иначе говоря, если пауперизм — первая стадия деклассирования, когда потеряно привычное занятие, но сохранилась надежда на случайные заработки и временное жилище, то люмпенство — это высшая стадия деклассированности, когда нищета и бездомность приобрели характер обычного состояния. Второй источник формирования деклассированных элементов — преступный мир, включавший членов воровских и бандитских шаяк, фальшивомонетчиков, поставщиков наркотиков и других контрабандных товаров, содержателей игорных домов и всевозможных заведений. Следовательно, по сравнению с пауперами люмпены более мозаичны по своему составу, генезису и материальному положению.

Доля пауперов во всем самодеятельном населении Турции находилась на уровне 3%, а люмпенов — около 1%. В результате обострения проблемы занятости социальная значимость и численность пауперов и люмпенов, составлявших маргинальные слои города, систематически росли.

Городская беднота с учетом мнимо занятых в неорганизо-

Таблица 1
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА САМОДЕЯТЕЛЬНОГО
НАСЕЛЕНИЯ ТУРЦИИ В СЕРЕДИНЕ 70-х ГОДОВ *

	Тыс. человек	% к итогу
Имущие (господствующие) классы и слои	1 360	7,6
Пролетариат города и примыкаю- щие к нему по положению слу- жащие («белые воротнички») . .	3 325	18,4
Пролетарские и полупролетарские слои крестьянства	5 100	28,3
Сельские средние слои	5 550	30,9
Городские средние слои	1 900	10,5
Городские маргинальные слои . . .	765	4,3
Итого . . .	18 000	100,0

* Таблица составлена по: «Türkiye istatistik ser-
yılığı. 1978». Ankara, 1979, с. 76—78, 86—88; St. Yera-
simos. 'Az gelişmişlik sürecinde Türkiye. İstanbul,
[1976], с. 1489.

ванном секторе и среди мелкобуржуазных слоев насчитывала свыше 10% самодельного населения страны и более трети городских жителей.

В заключение приведем обобщенные данные о социальной структуре Турции (табл. 1).

Из приведенных в табл. 1 данных видно, что пролетарские и полупролетарские слои города и деревни составляли 46,7% самодельного населения, т. е. почти половину жителей страны. Их численность и роль систематически повышались: все более они выступали не как пассивный объект классовой эксплуатации, а как активно действующая общественная сила. Средние сельские и городские слои охватывали вместе несколько более двух пятых (41,4%) самодельных работников. Их положение и будущее весьма противоречивы. Пролетарским и непролетарским слоям трудящихся противостоял небольшой по численности конгломерат социальных сил, осуществлявший политическое и экономическое господство в стране.

В целом формирование буржуазных классов и прослойки достигло в Турции довольно высокой стадии, что привело к глубоким сдвигам в турецком обществе. При этом суть этих сдвигов не только в преобразовании старых и формировании новых классов, но и в модификации отношений между различными социальными общностями, т. е. в перегруппировке классовых сил, в изменении социальной мобильности города и деревни.

Отмеченная для Турции специфика не отменяла принци-

ально общих для всех развивающихся стран Востока черт социально-классовой перестройки переходного многоукладного общества, таких, как: а) незавершенность классообразования, падавшая, в частности, выражение в нечеткости, размытости граней между слагаемыми компонентами (классами, слоями и прослойками) социальной структуры турецкого общества; б) множественность социальных образований, что, в свою очередь, определяло нечеткость, аморфность форм общественного сознания и классовой борьбы; в) большая роль государства в определении эволюции хозяйства, а отсюда — динамики и содержания классообразования; г) быстрый рост резервной армии труда под влиянием не только развития капитализма, но и давления докапиталистических структур.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ОСНОВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

После победы национально-освободительного движения 1918—1923 гг. гегемон этого движения — буржуазия в союзе с частью крупных землевладельцев и военно-гражданской бюрократии приступили к осуществлению мероприятий по интенсивному развитию капитализма.

Первоначально, в 20—30-е годы, вся эта деятельность осуществлялась в рамках однопартийной системы. Созданная в 1923 г. Народно-республиканская партия (НРП) на этом этапе вобрала в себя представителей различных социальных сил — от буржуазии и крупных землевладельцев до мелкой буржуазии и пролетариата, декларируя свой «общенациональный характер».

Однако по мере развития капитализма, углубления классовой дифференциации и обострения классовых противоречий правящие круги сочли целесообразным переход в 1945 г. к многопартийной системе своей политической власти, к буржуазному политическому плюрализму.

Уже в 1945—1946 гг. в Турции возникло 15 политических партий самых различных направлений, всего же в стране в 1945—1975 гг. было создано 84 партии⁴⁷. Подавляющее большинство их к концу 70-х годов по разным причинам распалось. Так, за указанный период 14 политических партий были закрыты по решению суда, 3 — по решению военных властей во время чрезвычайного положения, 16 — самораспустились, 16 — закрыты по решению их съездов⁴⁸ и т. д.

Накопленный республиканской Турцией более чем полувековой опыт применения западной системы демократии, а с 1945 г. — буржуазного плюрализма — представляет интерес в теоретическом плане как опыт функционирования такой системы в рамках развивающегося общества.

С 1945 г. многопартийная система не оставалась чем-то неизменным, она трансформировалась под влиянием социально-экономических изменений, происходивших в турецком обществе, отражала эти изменения. В некоторые периоды, например в 1950—1960 гг., многопартийная система фактически являлась двухпартийной, политическая борьба велась, по существу, между двумя партиями — находившейся в этот период у власти Демократической партией (ДП) и главной оппозиционной силой — Народно-республиканской партией. Другие партии практического влияния на политическую борьбу не оказывали. Парламентские же выборы 1961 и 1973 гг., напротив, показали усиление ряда малых партий. После выборов 1973 г. ни Партия справедливости (ПС, наследница ДП), ни НРП не смогли сформировать ни одного правительства без участия малых партий. Выборы же 1977 г. вновь обнаружили тенденцию концентрации влияния в двух основных партиях — НРП и ПС за счет ослабления малых партий.

Правящий класс по мере развития капитализма в рассматриваемый период стремился укрепить свою организованность, найти наиболее действенные, изощренные способы сохранения и укрепления своих экономических и политических прерогатив. Он стремился приспособить избранную им для осуществления своего политического господства многопартийную систему к происходившим в турецком обществе изменениям экономическому и социальному порядку, сделать эту систему как можно более стабильной, устойчиво и надежно проводящей в жизнь его интересы. При этом единого мнения в правящем классе по этому вопросу не было. Значительная часть буржуазии продолжала связывать свои надежды с «либеральным» экономическим курсом Партии справедливости, с ее «авторитарной демократией». Другая часть буржуазии считала это недостаточным, она полагала, что в существовавших в Турции условиях ее интересы лучше защитит «жесткий» режим профашистского толка. Третья часть буржуазии, напротив, считала, что необходимо снизить накал классово-политической борьбы в стране и ликвидировать опасность существовавшему режиму путем расширения буржуазно-демократических свобод, частичного улучшения положения трудящихся классов.

Дальнейшее движение турецкого общества по капиталистическому пути неизбежно сопровождалось увеличением численности и консолидацией пролетариата. Рост сознательности, организованности пролетариата и усиление его классово-политической борьбы вели к политической активизации всех трудящихся слоев, что находило отражение в многопартийной системе и в политической жизни в целом.

Для последней характерным являлось то, что основное классовое противоречие капиталистического общества — противоречие между буржуазией и пролетариатом — проявляет себя в

Турции все более ярко. Наряду с этим происходит политизация мелкой буржуазии, которая сохранила существенные позиции в экономике страны. Некоторые слои мелкой буржуазии неизбежно подвергались размыванию по мере развития капитализма. Однако, с другой стороны, происходил рост других отрядов мелкой буржуазии, например мелких предпринимателей в городе как в сфере производства, так и в сфере услуг. Не получая от правящего класса и представляющих его интересы политических партий решения своих проблем, мелкая буржуазия все более решительно продолжала бороться за свои права. В едином фронте с ней выступала значительная часть интеллигенции, военно-гражданской бюрократии.

В целом для классовой борьбы в рассматриваемый период Турции наиболее характерным было то, что против правящей верхушки складывалась широкая коалиция социальных сил, охватывавшая в основном пролетариат, городскую и сельскую мелкую буржуазию, часть интеллигенции и военно-гражданской бюрократии. Эти социальные силы объединялись на данном этапе такими целями, как ограничение экономических и политических позиций правящей верхушки и, следовательно, борьба с империалистическим влиянием, проводником которого эта верхушка стала, расширение демократических свобод, улучшение социально-экономического положения трудящихся.

Размежевание социальных сил неизбежно вело к обострению классовой борьбы, что находило свое выражение в увеличении размаха массовых выступлений трудящихся в различных формах, усилении давления со стороны эксплуататорских классов, невиданной ранее в Турции волне терроризма и насилия.

В такой обстановке многопартийная система политической власти правящей верхушки уже не могла действовать безотказно. Снаружи она испытывала удары со стороны крепнущего движения пролетариата и других отрядов трудящихся. Изнутри, в недрах самой этой системы либо создавались новые, либо трансформировались старые политические партии, которые пытались выражать интересы социальных сил, противостоявших правящей верхушке.

В результате для Турции по крайней мере двух последних десятилетий была характерна нестабильность, неустойчивость внутривнутриполитической обстановки, почти перманентный политический кризис, что находило выражение в частых сменах правительств, периодических вмешательствах армии в политическую жизнь.

Так, политическая акция военных — меморандум командования армии от 12 марта 1971 г., приведший к отставке правительства Партии справедливости, преследовал следующие цели: нанесение превентивного удара по назревавшему выступлению радикальных офицеров, которые намеревались устранить политические партии и взять власть в свои руки; разгром левого

движения и укрепление пошатнувшихся основ политического аппарата правящего класса. После переходного периода 1971—1973 гг., когда действовали несколько сменявших друг друга «надпартийных» кабинетов, по существу проводивших политику буржуазно-помещичьего блока, поддержанного генералитетом, в октябре 1973 г. были проведены парламентские выборы, которые показали, что вопреки всем репрессиям, предпринятым после меморандума 12 марта против демократических сил страны, в настроениях избирателей произошел сдвиг влево, что отразилось соответствующим образом на соотношении политических сил в парламенте. Итоги выборов свидетельствовали о том, что оппозиция блоку крупной буржуазии и верхушки военно-гражданской бюрократии со стороны противостоявших ему классов и социальных группировок продолжала нарастать.

Период после выборов 1973 г. характеризовался в политическом плане в основном борьбой за власть двух крупнейших партий, сменявших друг друга у руководства страной в коалициях с теми или иными малыми партиями, которые временами вносили существенные коррективы в противоборство НРП и ПС.

Отмеченные выше особенности классовой и политической борьбы наложили отпечаток на состав и характер политических партий, их стратегию и тактику.

В ряду буржуазных и буржуазно-помещичьих партий особое положение занимала Народно-республиканская партия. Это — одна из старейших политических партий страны, создание и деятельность которой тесно связаны с национально-освободительным движением турецкого народа и историей Турецкой Республики. Она возникла из группы «националистов», сформировавшейся в составе Великого национального собрания Турции первого созыва (1920—1923) наряду с несколькими другими группами и являвшейся самой влиятельной из них.

Группа «националистов» разделилась на консервативное крыло и «революционеров», которых впоследствии по имени вождя национально-освободительного движения Мустафы Кемалья (Ататюрка) стали называть кемалистами. Группа кемалистов, в социальном плане представлявшая анатолийскую торгово-промышленную буржуазию, часть крупных землевладельцев-феодалов и военно-гражданскую бюрократию, и явилась основой НРП, о создании которой Мустафа Кемаль объявил в августе 1923 г. В утвержденном на II съезде НРП в 1927 г. расширенном уставе указывалось, что партия основывается на принципе республиканизма, народности и национализма, и подчеркивалось, что она опирается на всю нацию, является общенациональной⁴⁹.

Действительно, в процессе решения задач завоевания национальной независимости и создания турецкого государства вокруг НРП объединилось большинство нации. Однако в дальнейшем попытки НРП сохранить «общенациональный» характер терпе-

ли неудачу. По мере развития капитализма, углубления классовой дифференциации турецкого общества и обострения классовых противоречий недовольство идейными установками и политикой НРП стали выражать как трудящиеся классы, так и часть капиталистов и крупных землевладельцев. Неудачи НРП стали особенно заметны в рамках многопартийной системы. На парламентских выборах 1950 г. НРП, неизменно бывшая до этого правящей партией, уступила свои позиции Демократической партии.

В кругах НРП начались поиски путей преодоления кризиса. Они завершились объявлением ею в 1965 г. нового курса «левее центра». После острой внутривнутрипартийной борьбы новый курс утвердился в НРП, его инициатор Б. Эджевит был избран в 1972 г. генеральным председателем партии. В 1976 г. XXIII съезд НРП принял новую программу, в которой были изложены основы нового курса, переименованного в «демократический левый».

Новая программа НРП свидетельствовала о том, что эта партия стала выступать за всемерное обеспечение дальнейшего развития капитализма, но иными методами, нежели другие буржуазные партии. Наиболее эффективным путем развития капитализма НРП считала не усиление давления, репрессий и т. п., а осуществление системы мероприятий по оздоровлению экономики, расширению буржуазно-демократических свобод, некоторому ограничению крупного частного бизнеса и улучшению положения трудящихся⁵⁰.

«Демократический левый» курс, как отмечали и руководители НРП, сложился под влиянием социал-демократических партий Запада и представлял собой интересный опыт внедрения социал-реформизма на почве развивающегося общества Востока. Новая НРП стала называть себя социал-демократической партией, она стремилась к развитию контактов с социал-демократическими партиями Западной Европы. НРП вступила в Социалистический интернационал.

Итак, НРП отказалась от «общенационального» характера и тщетных попыток представлять интересы всех классов. В социальном аспекте за «демократическим левым» курсом НРП стояла часть турецкой буржуазии и часть военно-гражданской бюрократии, которые считали, что применение в условиях современной Турции теории и практики западной социал-демократии — наиболее надежный путь обеспечения капиталистического процветания и одновременно успешной борьбы с нарастающим рабочим движением.

Новая НРП довольно успешно решала задачу «мобилизации» масс. К 1973 г. она стала самой популярной политической партией Турции. На парламентских выборах в 1973 г. она получила 33,3% голосов, в 1977 г. — 41,4%, на выборах местных генеральных советов и председателей городских муниципалитетов в 1978 г. — соответственно 41,8 и 45,7% голосов. Социал-демокра-

тические лозунги НРП «свободы», «равенства», «предоставления земли тем, кто ее обрабатывает», «народного капитализма» и т. п. привлекли значительную часть интеллигенции, мелкой буржуазии города и деревни и даже пролетариата.

НРП занимала место на левом фланге фронта буржуазных партий, была левоцентристской. В январе 1978 г. она сформировала правительство в коалиции с группой независимых депутатов и представителями Демократической партии и Республиканской партии доверия. На проведенных в октябре 1979 г. дополнительных выборах в нижнюю палату парламента и частичных выборах в сенат НРП потерпела поражение. Все пять вакантных мест в нижней палате и 33 из 51 в сенате в результате выборов достались ПС. От НРП было избрано лишь 12 сенаторов. За НРП на частичных выборах проголосовало 28% избирателей, за ПС — 47%. Основной причиной поражения НРП явилось глубокое разочарование массы избирателей практической деятельностью этой партии в период пребывания ее у власти. Итоги выборов свидетельствовали не столько об успехе ПС, сколько об отходе избирателей от НРП. Поражение на частичных выборах заставило правительство Б. Эджевита 16 октября уйти в отставку.

Вторая крупнейшая партия Турции — Партия справедливости, главная сила группы правых партий. О ее создании было объявлено в феврале 1961 г., вскоре после того, как Комитет национального единства, взявший в свои руки власть после государственного переворота 27 мая 1960 г., вновь разрешил деятельность политических партий. ПС была создана как политическая наследница запрещенной после переворота Демократической партии.

Кредо Партии справедливости изложено в ст. 1 ее программы, где говорится, что партия «считает своей целью достижение уровня западной цивилизации, приобщение турецкой нации к свободному миру»⁵¹. Программа в свойственном буржуазным партиям духе декларировала буржуазные свободы, «равенство прав всех граждан». Она подчеркивала приверженность партии принципу национализма, единство и неделимость турецкой нации, недопустимость классовой борьбы.

Партия справедливости — сторонница «либеральной» экономической политики, т. е. всемерного поощрения частной инициативы. В программе отмечалось, что идеал партии — «свободный экономический строй (т. е. капитализм. — Авт.) и частная инициатива». Программа указывала на «чрезвычайно важную роль государственного предпринимательства в экономическом подъеме», но тут же оговаривала, что оно «должно не мешать, а помогать частному бизнесу»⁵².

Вообще вся программа в целом — это гимн частному предпринимательству, для которого предусматривались самые благоприятные условия. Это относилось и к иностранному капита-

лу, по поводу которого говорилось: «Мы примем все меры для поощрения притока иностранного капитала в разных формах»⁵³.

В области сельского хозяйства, как указывалось в программе, особенно в ст. 45, предусматривалось весьма ограниченное и обусловленное наделение крестьян землей, но основной курс — на поощрение капиталистического предпринимательства в деревне, все мероприятия в рамках которого должны были быть объединены в «сельскохозяйственной реформе»⁵⁴.

Программа признавала, что «по мере индустриализации и урбанизации возрастает значение проблем рабочих». Неизбежно принятие каких-то мер по обеспечению социальных прав рабочих, в том числе сельскохозяйственных. Разрешалась ограниченная, профессиональная, но никак не политическая деятельность рабочих профсоюзов. На фабриках и заводах рекомендовалось создание комитетов «для достижения полной гармонии в отношениях между рабочими и предпринимателями»⁵⁵.

Программа обещала удовлетворить насущные нужды огромной массы мелких хозяев города и деревни, но эти обещания были неконкретны и, как показала многолетняя практика пребывания ПС у власти, почти не выполнялись.

В области культуры и образования признавалось необходимым осуществление комплекса мер по обеспечению «самого глубокого внедрения западной культуры, цивилизации, идеологии»⁵⁶.

Хотя ПС считают продолжательницей дела ДП, это не следует понимать буквально. ПС учла урок, преподанный Демократической партией государственным переворотом 27 мая 1960 г. Руководство ПС внимательно следило за настроениями в офицерском корпусе и многое делало, чтобы создать там лояльную по отношению к партии прослойку. ДП называли партией крупного капитала и крупных землевладельцев. В принципе это можно было отнести и к ПС. Однако к середине 60-х годов в ней обозначился курс на преимущественное обеспечение интересов «крупного промышленного, торгового и финансового капитала, как правило, имевшего деловые связи с Западом. Со своей стороны крупные промышленники, торговцы и финансисты делали ставку на ПС, считая ее «своей» партией. С этим было связано избрание в 1964 г. генеральным председателем партии Сулеймана Демиреля, получившего поддержку в кругах крупного капитала»⁵⁷.

Если говорить о массовой базе партии, то ею была значительная часть мелкой буржуазии города и деревни, которая все еще верила в заманчивые лозунги ПС типа «равные возможности для всех в бизнесе», «каждой деревне — школу», «каждой семье — жилище» и т. п. Мелкий буржуа мечтал расширить свое дело, разбогатеть и надеялся на помощь ПС в этом.

Уже на выборах 1965 г. ПС получила 52,9% голосов и единолично пришла к власти. Этот успех был закреплен на выбо-

рах 1969 г. Однако в 70-е годы авторитет ПС начал падать. На выборах 1973 г. она получила 29,8% голосов, 1977 г. — 36,9%. Основной причиной этого стала популярность нового курса НРП, отобравшей у ПС часть избирателей, особенно трудящихся, мелкой буржуазии. Хотя ПС и оставалась одной из двух крупнейших партий, такое положение тревожило ее. В партийных кругах в 70-е годы начался пересмотр стратегии и тактики партии, поиск возможных путей их обновления⁵⁸.

В 1975 г. ПС совместно с Партией национального спасения, Партией националистического движения и Республиканской партией доверия (см. ниже) сформировала блок правых партий — Националистический фронт (НФ), который находился у власти в 1975—1977 гг. В ноябре 1979 г. после ухода в отставку правительства Б. Эджевита лидер ПС С. Демирель сформировал однопартийное правительство, которое осуществляло руководство страной до 12 сентября 1980 г., когда оно было отстранено от власти командованием турецкой армии.

Одной из наиболее своеобразных и популярных малых партий можно считать Партию национального спасения (ПНС), созданную в октябре 1972 г. Основателем и бессменным лидером ПНС являлся д-р проф. Неджеттин Эрбакан, который еще в конце 60-х годов, будучи видным членом ПС, активно выступал в защиту интересов мелкого предпринимательства в Анатолии и обвинял ПС в сговоре с иностранным капиталом и в утрате ею национального характера⁵⁹.

Программа ПНС объявляла главной целью партии обеспечение «духовного и материального подъема нации», придавая при этом особое значение «сохранению целостности нации», «социальному миру в рамках демократического порядка», «опоре на духовный, нравственный принцип», поощрению «законных прибылей и предпринимательства», уважению частной собственности, ликвидации всякого ростовщичества⁶⁰.

В программе ставилась цель сделать Турцию «самой сильной промышленной страной», создать тяжелую промышленность, атомную, электронную, авиастроительную и другие современные отрасли, отказаться от таких внешних связей, которые тормозили, по ее мнению, индустриализацию, от создания «подражательских монтажных предприятий»⁶¹.

В «крайне отсталом сельском хозяйстве» партия намерена была предотвратить как чрезмерную концентрацию, так и чрезмерное дробление земельных наделов, всемерно поддержать крестьянские хозяйства, решить аграрную проблему без обращения к «подражательским методам»⁶².

В социальном плане предлагалось учитывать интересы как рабочих, так и работодателей, строить отношения между ними на основе «взаимной любви и уважения», обеспечить участие рабочих в прибылях предприятий, ликвидировать путем расширения рынка труда безработицу и экспорт рабочей силы. Преду-

считывалась всемерная помощь мелким предпринимателям в промышленности, ремесленникам⁶³.

Программа интерпретировала ланцизм как гарантию свободы мыслей и совести, придавала особое значение религиозному воспитанию и образованию и улучшению «материальных и моральных условий деятельности служителей культа»⁶⁴.

ПНС действовала в условиях интенсивно развивавшегося капитализма в Турции. Предлагаемые ее программой основные положения, по существу, констатировали этот процесс и не отличались от программ других буржуазных партий. Особенность ПНС заключалась в том, что выдвигавшаяся ею программа капиталистической модернизации турецкого общества была сильно окрашена в религиозные тона, ориентировала на возрождение ислама, на сотрудничество не с Западом, а с мусульманским миром.

ПНС выражала интересы анатолийской буржуазии, недовольной засильем сконцентрированного в больших городах и связанного с Западом крупного капитала. Вместе с тем возникновение ПНС было обусловлено глубоким разочарованием массы мелких предпринимателей, связанных как с капиталистической, так и традиционными формами хозяйства, политикой ПС, которая стала оплотом крупного капитала. Живущие в Анатолии, вдали от крупных промышленных центров, мелкие торговцы, ремесленники, крестьяне — издольщики и исполщики — искали спасения от наступавшего крупного капитала. Эти социальные слои отличаются приверженностью к традиционным формам сознания, глубокой религиозностью. Положения программы ПНС и ее лозунги, говорившие о необходимости «спасения духовных ценностей», введения «простой и справедливой системы налогов», «отказа от ростовщического процента», «внедрения нравственности и доверия в торговле» и т. п., нашли живой отклик в этих слоях. Они потянулись к ПНС и составили в основном ее массовую базу.

На выборах 1973 г., через год после своего создания, ПНС добилась существенного успеха: она получила 11,8% голосов и 48 мест в парламенте, оказавшись на третьем месте после НРП и ПС. На выборах 1977 г. партия получила 8,6% голосов и 24 места в парламенте. Характерно, что наибольшее число голосов партия собирала в областях с наиболее распространенными традиционными формами хозяйства⁶⁵.

ПНС участвовала в правительственных коалициях как с левоцентристской НРП (1974 г.), так и с правыми партиями (1975—1977), войдя в состав НФ. В обоих случаях она стремилась использовать свое пребывание в правительстве для осуществления положений своей программы и продвижения своих кадров в государственный аппарат.

Партия националистического движения (ПНД) возникла на основе Республиканской крестьянской национальной партии

(РКНП), которая, в свою очередь, была создана в октябре 1958 г. в результате слияния Турецкой крестьянской партии и Республиканской национальной партии. В 1965 г. в РКНП вступил с группой своих единомышленников Альпарслан Тюркеш, один из руководителей государственного переворота 1960 г., выступавший за ликвидацию многопартийной системы и передачу власти в руки военного руководства, за что он был выведен из состава Комитета национального единства. В том же году партия приняла новую программу, а в 1969 г. была переименована в ПНД.

Программа партии предусматривала комплекс мероприятий, мало чем отличавшихся от положений других буржуазных партий: развитие и укрепление государственного экономического сектора; всемерная поддержка частной инициативы; аграрная реформа в интересах развития капитализма; индустриализация под руководством государства; обеспечение в рамках капиталистического государства социальных прав рабочих; поддержка мелких предпринимателей⁶⁶.

Однако в отличие от других партий ПНД предлагала осуществить это при условии проведения коренной административной реформы, направленной на централизацию власти, усиление государственного руководства. Для ПНД был характерен крайний буржуазный национализм. А. Тюркеш писал, что для Турции не подходит «ни марксизм, ни капитализм». Она пойдет по третьему пути — националистическому, который должен обеспечить подъем всей нации⁶⁷. Все это давало основание ряду турецких исследователей проводить аналогию между программными установками ПНД и бывших фашистских партий Германии и Италии⁶⁸.

По существу, речь идет, разумеется, не о каком-то «третьем пути», а о наиболее концентрированном использовании буржуазно-националистических догм и методов для укрепления буржуазного строя. Это обеспечивало поддержку ПНД со стороны той части крупного капитала, которая полагала, что для сохранения режима и развития капитализма, борьбы с рабочим и коммунистическим движением нужна не «демократия», а «твердый режим» и «жесткие меры».

На парламентских выборах 1969 г. ПНД получила 3% голосов и одно место в меджлисе, в 1973 г. — 3,4% и три места, в 1977 г. — 6,4% и 16 мест. В 1977 г. ПНД оказалась единственной малой партией, за которую было подано больше голосов, чем на предыдущих выборах. Это свидетельствовало о росте массовой базы партии, основу которой составляла националистически настроенная часть мелкой буржуазии, особенно в центральных районах Анатолии, где ПНД собирала наибольшее число голосов⁶⁹. Большим и растущим влиянием ПНД пользовалась среди молодежи, воспитанию которой в духе крайнего национализма она уделяла серьезное внимание. В 1975 г. ПНД во-

шла в состав НФ и в 1975—1977 гг. принимала участие в коалиционных правительствах этого фронта.

Остановимся еще на двух малых правых партиях, создание которых было обусловлено фракционной борьбой в ПС и НРП. В конце 60-х годов в ПС сформировалась оппозиционная группа во главе с Садеттином Бильгичем, выступавшая против руководства партии. Социальную подоплеку этой оппозиции составило в основном недовольство крупных и средних землевладельцев курсом ПС на преимущественное выражение интересов крупного промышленного капитала. Это объединило представителей указанных слоев в партии с рядом видных деятелей бывшей ДП.

В декабре 1970 г. вышедшая из ПС группа депутатов парламента основала Демократическую партию⁷⁰, генеральным председателем которой стал ушедший перед этим с поста председателя национальной палаты парламента Феррух Бозбейли, а его заместителями — С. Бильгич и сын казненного после переворота 27 мая 1970 г. премьер-министра Турции А. Мендереса — Юксель Мендерес⁷¹.

В программе партии указывалось, что она выступает за экономическую политику, основанную на «демократическом порядке» и «либеральных экономических принципах», т. е. приоритете частнопредпринимательской инициативы. Программа предлагала ряд изменений в системе кредитования, политике цен и т. д., направленных на некоторое ограничение крупного промышленного капитала и поддержку, в противовес этому, средних и мелких промышленников и торговцев. Программа подчеркивала особое значение для Турции сельского хозяйства и предусматривала всемерную поддержку крупных землевладельцев, сельскохозяйственной буржуазии. Программа признавала необходимость такой аграрной реформы, которая «не должна затрагивать интересов крупного землевладения»⁷². Лидер ДП охарактеризовал курс партии как «демократический правый», основу которого в идеологическом плане составлял национализм, а в экономическом — «свободное предпринимательство»⁷³.

Создатели партии рассчитывали на поддержку землевладельцев, мелкой буржуазии города, «обиженных» членов бывшей ДП. Возникнув в недрах парламента, ДП располагала там в 1970 г. 49 голосами, которые принадлежали вышедшим из ПС депутатам. На выборах 1973 г. ДП получила 11,9% голосов и 45 депутатских мест. В 1977 г. за ДП проголосовало всего 1,8% избирателей, в результате чего она лишилась своей парламентской фракции. Результаты последних всеобщих выборов показали, что ДП практически потеряла социальную базу. Значительная часть ее сторонников вернулась в лоно ПС. В декабре 1978 г. Ф. Бозбейли покинул пост генерального председателя партии.

В 1965 г. в связи с выдвижением лозунга «левее центра» в НРП сформировалась оппозиционная группа во главе с Турха-

ном Фейзиоглу, которая отражала беспокойство части поддерживавших НРП крупных землевладельцев и торговой буржуазии новым курсом и радикальными лозунгами НРП, обвинив ее руководство в «предательстве идей Ататюрка», «социализме» и даже «коммунизме». Эта группа в составе 48 депутатов парламента вышла из НРП и основала в апреле 1967 г. Партию доверия, переименованную в 1971 г. в Национальную партию доверия⁷⁴.

В 1971 г. в НРП вновь обострилась внутрипартийная борьба. На этот раз оппозиция новому курсу была представлена группой Кемаля Сатыра, которая обвиняла руководство НРП в том, что она стремится «придать НРП классовый характер», и заявляла, что партия должна остаться «национальной»⁷⁵. Очевидно, это был протест части военно-гражданской бюрократии против отказа НРП от расплывчатой «общенациональной» платформы. В сентябре 1972 г. эта группа основала Республиканскую партию. В марте 1973 г. обе отколовшиеся от НРП партии объединились в Республиканскую партию доверия (РПД) во главе с генеральным председателем Т. Фейзиоглу и руководителем партийного совета К. Сатыром.

Программа РПД включала в себя основные положения старой программы НРП. Она подчеркивала необходимость обеспечить «спокойствие и свободу» в стране, отказаться от «социализма» и следовать по пути, начертанному Ататюрком. РПД, отмечалось в программе, «не классовая, а национальная массовая партия». При этом, однако, особое внимание уделялось обеспечению интересов сельскохозяйственной буржуазии⁷⁶.

Как и ДП, РПД возникла в парламенте и не смогла создать себе массовой базы. В 1973 г. РПД получила 5,3% голосов и 13 мест в парламенте, а в 1977 г. — всего 1,9% голосов. В 1975—1977 гг. РПД как член НФ участвовала в коалиционных правительствах С. Демиреля.

По основным, принципиальным вопросам внешнеполитического курса, осуществляемого Турецкой Республикой, среди буржуазных партий расхождений не было. Существовали лишь оттенки в трактовке этих вопросов в соответствии с особенностями той или иной партии. НРП заявляла о стремлении проводить во внешней политике «национальный курс», что означало ее стремление лучше обеспечить национальные интересы страны в рамках НАТО, соглашений с США, «Общего рынка», сократить военную зависимость от США, расширять связи с развивающимися странами, «не действуя при этом как представитель НАТО»⁷⁷.

Партия справедливости — наиболее последовательная и убежденная сторонница скорейшей и полной интеграции Турции с Западом по всем линиям; она подчеркивала, что это — основа ее внешнеполитического курса. Программа ПС указывала на необходимость углублять «политическое, военное, куль-

турное, социальное, духовное и экономическое» сотрудничество со «свободным миром»⁷⁸.

Партия национального спасения в области внешней политики акцентировала внимание на необходимости расширять политическое и экономическое сотрудничество с мусульманскими странами, стремилась использовать религиозную общность как основу такого сотрудничества.

В программе других буржуазных партий трудно выделить какие-либо существенные особенности в области внешней политики.

Развитие отношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами, особенно технико-экономическое сотрудничество, стало для Турции объективной необходимостью, и ни одна из буржуазных партий официально не отрицала этого. В 60—70-е годы обе главные партии — ПС и НРП, — находясь у власти единолично либо в коалиции с другими партиями, неизменно поддерживали курс на развитие технико-экономического сотрудничества с СССР, что способствовало развитию отношений и в других сферах, в том числе в политической.

Характерная черта социально-политического развития Турции последних десятилетий — активизация левых демократических сил, представленных прежде всего Коммунистической партией Турции (КПТ), находящейся уже свыше полувека на нелегальном положении, а также рядом политических группировок «легального социализма» — Рабочей партией Турции (РПТ), Социалистической рабочей партией Турции (СРПТ) и некоторыми другими организациями.

Нарастающее воздействие на консолидацию революционного процесса в Турции в рассматриваемый период, на подъем борьбы рабочего класса и всего народа за свои экономические и социальные требования, приобретавшие политический характер, оказывало упорочение КПТ, усиление ее способности вести за собой массы.

Путь, пройденный КПТ за 60 лет, был непростым и нелегким. Буквально с первых шагов своей деятельности КПТ включилась в напряженную борьбу за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении народов колониальных и зависимых стран, с попытками некоторых буржуазно-националистических элементов «перекраситься в цвет коммунизма»⁷⁹, против правого оппортунизма и «левого» сектантства и всех прочих отступлений от научного социализма.

Эта борьба происходила в условиях непрекращавшихся репрессий в отношении турецких коммунистов. И тем не менее и в такой сложной обстановке КПТ смогла достичь за последние годы значительных успехов в своей деятельности, поднявших коммунистическое движение в стране на новую качественную ступень.

Важное место в летописи коммунистического и рабочего дви-

жения в Турции занимает конференция турецких коммунистов, состоявшаяся нелегально в начале 1977 г. в Конье. Делегаты конференции, представлявшие все партийные организации, обсудили и одобрили отчет ЦК КПТ, его политическую линию и практическую деятельность. На конференции были обсуждены актуальные политические вопросы, избраны руководящие органы партии, утверждены новая программа и устав КПТ.

Как подчеркнул в интервью афинской газете «Ризоспастис» генеральный секретарь ЦК КПТ И. Билен, конийская конференция продемонстрировала верность КПТ принципам пролетарского интернационализма, заявила о необходимости всемерного укрепления единства международного коммунистического и рабочего движения на основе принципов марксизма-ленинизма⁸⁰.

В своих программных положениях КПТ исходила из того, что «Турция — капиталистическая страна, где сохраняются остатки феодальных отношений и где империалистические государства занимают ключевые позиции в экономике, политике и армии»⁸¹. В Турции, отмечалось в программе КПТ, господствует крупная буржуазия, тесно связанная с помещиками, милитаристской верхушкой и иностранными монополиями⁸². Эта буржуазия находится на стадии превращения в монополистическую буржуазию, в финансовую олигархию⁸³.

Как отмечалось в программе КПТ, в Турции обострились основные противоречия, присущие политической структуре антидемократического режима: усилились и стали более ожесточенными непримиримая борьба между трудом и капиталом, противоречие между большинством всей нации и империализмом, борьба между монополистическим и немонополистическим крылом буржуазии. В этих условиях активизировалась борьба рабочего класса — главной революционной силы турецкого общества — против диктатуры крупной буржуазии и помещиков, против засилья империализма, за национальную независимость, демократию, мир и социальное освобождение.

Вот почему ближайшая и непосредственная цель КПТ — ликвидация власти империализма и его местных реакционных сообщников, крупной соглашательской буржуазии и крупных землевладельцев — ага, переход страны на путь демократического развития, ориентирующегося на социализм, построение которого в Турции признается конечной стратегической целью КПТ⁸⁴.

Иначе говоря, на пути к социалистической революции Турция обязательно должна пройти определенный переходный этап, во время которого под руководством рабочего класса должны быть осуществлены все национальные, демократические, антиимпериалистические и антифеодальные преобразования.

Таким образом, в результате антиимпериалистической демократической революции, осуществленной под гегемонией рабочего класса и при опоре на трудящиеся массы, в Турции возник-

нет возможность создания на месте старого государственного аппарата нового, прогрессивного демократического государства. «Однако, — как указывал генеральный секретарь КПТ И. Билен, — основное противоречие общества, противоречие между трудом и капиталом, на этой фазе революции преодолено еще не будет. Второй фазой революции как единого процесса будет социалистическая революция, являющаяся перспективной, долговременной целью нашей партии»⁸⁵.

КПТ считает, что только на путях социализма, через диктатуру пролетариата можно обеспечить окончательный выход из глубокого кризиса и преодолеть экономическую разруху, в которой находится страна.

Важную роль в осуществлении программы-минимум КПТ — подготовки и проведения демократической революции — был призван сыграть национально-демократический фронт, который должен был объединить все революционные прогрессивные силы Турции: рабочий класс, трудовое крестьянство, передовую интеллигенцию, демократическую молодежь, патриотически настроенных военнослужащих. В рядах этого фронта, как считало руководство КПТ, могла находиться и национальная буржуазия, т. е. часть немонополистической буржуазии, которая не связана с империализмом прочными узами.

Вместе с тем для создания единого национально-демократического фронта необходимо было еще решить ряд актуальных вопросов, главный из которых — установление профсоюзного и политического единства в рядах рабочего класса.

КПТ стремилась использовать все возможности для диалога и установления единства действий с легальными социалистическими организациями, и прежде всего с Рабочей партией Турции и Социалистической рабочей партией Турции, а также с социал-демократами, представлявшими левое крыло буржуазно-реформистской НРП, которое пользовалось большим влиянием в головных профцентрах — конфедерациях ТЮРК—ИШ и ДИСК. КПТ боролась также за создание действенного союза рабочего класса с трудовым крестьянством — основного костяка национально-демократического фронта.

КПТ рассматривала городские средние слои как потенциального союзника в этом едином фронте. С борьбой за создание национально-демократического фронта турецкие коммунисты увязывали также и борьбу за легализацию КПТ.

К концу 70-х годов движение за отмену антидемократических статей уголовного кодекса (ст. 141, 142 и др.), направленных не только против КПТ, но и против всех прогрессивных сил, охватило в Турции широкие массы населения. Многотысячные первомайские демонстрации в Стамбуле, имевшие место в 1977 и 1978 гг., проходили под лозунгом «Свободу коммунистической партии!».

Знаменательно, что за отмену запрета на деятельность КПТ

стали выступать также видные представители ведущих турецких буржуазных партий — ПС и НРП, которые вынуждены были учитывать требования и настроения общественности, а также и то обстоятельство, что после краха фашистских диктатур в Португалии и Испании Турция оставалась единственной страной в Европе, где запрещена деятельность компартии. Премьер-министр Б. Эджевит в интервью американской газете «Нью-Йорк Таймс» в июне 1979 г. заявлял, что он поддерживает идею легализации коммунистической партии Турции⁸⁶.

КПТ в рассматриваемый период считала первостепенной задачей борьбу против фашистской опасности. При этом турецкие коммунисты учитывали и ту особенность обстановки, что фашизм в Турции организационно оформился и его ударной силой выступала Партия националистического движения (ПНД), имевшая свою агентуру в ключевых звеньях государственного аппарата.

Одними из важнейших союзников фашизма в Турции в борьбе против КПТ и других прогрессивных и демократических сил являлись местные маоистские группировки и легально созданная на их основе так называемая Рабоче-крестьянская партия Турции (РКПТ). Председатель этой партии Догу Перинчек был активным пропагандистом «идей Мао» в Турции. Учредительные декларации и программные установки РКПТ были пронизаны воинствующим антисоветизмом и ненавистью к КПТ. При этом перинчечковцы стремились свою провокаторскую деятельность (объективно направленную в политических интересах империализма, турецкой реакции и пекинского руководства) замаскировать антиимпериалистическими и демократическими лозунгами и спекулировать на именах Мустафы Субхи и других пролетарских революционеров, посвятивших свою жизнь борьбе за демократию и социализм⁸⁷.

Оценивая деятельность правительства Б. Эджевита, КПТ решительно критиковала его за колебания при разрешении социально-экономических проблем, за его уступки реакции, пассивность в борьбе против фашистской опасности и т. д. «Тем не менее, — указывал И. Билен, — КПТ не ставит кабинет Б. Эджевита на одну доску с прежними реакционно-фашистскими правительствами. Наша партия поддерживает реалистические тенденции в его внешней политике, его робкие попытки помешать сползанию к фашизму. Иными словами, поощрение коммунистов получают любые — пусть даже самые малые — шаги, предпринимаемые правительством в правильном направлении»⁸⁸.

КПТ считала и продолжает считать, что развитие турецким правительством взаимовыгодных торгово-экономических, политических и научно-культурных связей с социалистическими странами, и прежде всего с Советским Союзом, полностью отвечало бы национальным интересам Турции. Коммунисты по-

этому требовали от турецкого правительства соблюдения положений политического документа о принципах добрососедского и дружественного сотрудничества между СССР и Турецкой Республикой, подписанного в июне 1978 г.

Опираясь на положения этого документа, КПТ продолжала бороться за ликвидацию военных баз США и НАТО на турецкой территории, добиваться выхода страны из НАТО и вывода из Турции всех военных миссий и воинских частей США и НАТО.

КПТ выступала в защиту независимости, территориальной целостности и суверенитета Кипра, за вывод с острова всех иностранных вооруженных сил, в том числе турецких; за ликвидацию иностранных военных баз на его территории; за мирное решение кипрской проблемы в интересах обеих общин — греческой и турецкой — под контролем ООН и в рамках международного соглашения; за решение проблемы континентального шельфа Эгейского моря усилиями Турции и Греции без вмешательства США и НАТО и в соответствии с интересами всех народов этого района.

Турецкие коммунисты поддерживали национально-освободительную борьбу против империализма, сионизма и реакции, которую вел палестинский народ и народы других арабских стран, осуждали агрессивные действия Пекина в отношении социалистического Вьетнама.

КПТ неизменно выступала в поддержку всех мероприятий КПСС и других братских партий, направленных на укрепление единства мирового коммунистического движения на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

По целому ряду положений идейно-политической платформы КПТ имела определенное сближение позиций с социалистическими партиями — РПТ и СРПТ, хотя между ними в целом продолжали сохраняться расхождения по некоторым вопросам стратегии и тактики, связанным с развитием революционного процесса в Турции.

Социалистическая рабочая партия Турции была создана в июне 1974 г. по инициативе группы представителей прогрессивной интеллигенции и автономных рабочих профсоюзов, ранее состоявших в Рабочей партии Турции⁸⁹ и партии «Ватан» («Родина») ⁹⁰.

Руководство профцентра ДИСК, с которым вначале имели контакты учредители партии, выступило против создания СРПТ, поскольку считало более целесообразным в существовавшей внутривнутриполитической обстановке оказание всемерной поддержки НРП.

В соответствии с установками партии СРПТ провозглашалась авангардной организацией рабочего класса и беднейшего крестьянства, которая должна направить «все свои усилия» на установление «прочной революционной и демократической

власти трудового народа»⁹¹. Главная цель СРПТ — достижение окончательной победы социализма — определяла ее стратегические и тактические задачи: 1) соединить теорию социализма с рабочим движением; 2) устранить разобщенность в турецком социалистическом движении, «направить его на верный путь, к революционному единству»; 3) добиться создания народного демократического фронта на «прочной основе единства демократических сил», который базировался бы на «рабоче-крестьянском союзе» и признании «исторической руководящей роли рабочего класса».

Программа СРПТ предусматривала национализацию в стране иностранных компаний, крупнейших банков, промышленных и сельскохозяйственных предприятий, рудников, установление государственной монополии на внешнюю торговлю.

Внешнеполитический раздел программы содержал требования выхода Турции из НАТО, разрыва связей с «Общим рынком», ликвидации иностранных баз на турецкой территории.

В разгар националистической кампании в Турции, вызванной высадкой турецких войск на Кипре летом 1974 г., СРПТ активно боролась против разгула в стране шовинизма, открыто выступала против империалистических планов раздела острова между партнерами по НАТО, требовала решения кипрской проблемы только на основе вывода всех иностранных военных сил, ликвидации на Кипре военных баз, создания единого независимого и демократического государства киприотов — греков и турок.

СРПТ активно выступала за разрядку международной напряженности, за коренное улучшение как советско-турецких, так и советско-американских отношений, резко осуждала пекинское руководство за отход от научного социализма и фактический союз с империалистическими и реакционными силами. Генеральный председатель СРПТ Ахмед Качмаз еще на начальном этапе деятельности партии отмечал, что нет советско-китайского конфликта, есть международное рабочее движение и противостоящие ему пекинские раскольники, обвиняющие другие социалистические страны в ревизионизме⁹².

Социалистическая рабочая партия Турции высоко оценивала усилия КПСС, направленные на «сохранение мира и братства между народами, в борьбе против империализма и фашизма», «против всяких уклонов ревизионизма, троцкизма, маоизма и левого авантюризма», о чем свидетельствовало приветственное послание генерального председателя СРПТ А. Качмаза, направленное XXV съезду КПСС⁹³.

Партия последовательно боролась за единство левых демократических сил Турции, против всех форм репрессий и угрозы фашизма в стране.

В 1975 г., в период подготовки и проведения частичных парламентских выборов, СРПТ удалось достичь взаимопонимания

с некоторыми социалистическими и демократическими антиимпериалистическими организациями: Социалистической партией (СП), Партией трудящихся Турции (ПТТ) и Партией единства Турции (ПЕТ).

Для укрепления антифашистского и антиимпериалистического сотрудничества левых сил в сентябре 1975 г. был создан постоянно действующий координационный центр, куда вошли по два представителя от трех партий — СРПТ, ПТТ и СП. Однако эта важная инициатива в дальнейшем не привела к каким-либо существенным сдвигам в решении проблемы единства левых сил Турции. СРПТ не прекращала своих усилий в этом направлении. Выступая на II съезде партии (конец декабря 1978 г.), А. Качмаз подчеркнул, что одно из основных направлений деятельности партии — укрепление сотрудничества левых сил страны⁹⁴.

На съезде в качестве почетных гостей присутствовали представители других прогрессивных партий и организаций Турции, которые в своих выступлениях также отметили необходимость консолидации левых сил страны перед лицом реакции, в борьбе за справедливые требования трудящихся.

О практических шагах СРПТ на пути решения проблемы единства левых сил свидетельствовало предложение СРПТ, сделанное Рабочей партией Турции, которое предусматривало слияние СРПТ с РПТ и создание на базе этих партий Объединенной социалистической партии во главе с генеральным председателем — лидером РПТ⁹⁵.

Руководство СРПТ также обратилось к конфедерации ДИСК с призывом к сотрудничеству со всеми левыми политическими партиями на частичных парламентских выборах в октябре 1979 г., выразив убежденность в том, что «ДИСК может укрепить это единство»⁹⁶.

Программа Рабочей партии Турции, воссозданной на новой основе в мае 1975 г. (после отмены чрезвычайного положения в стране, действовавшего в 1971—1973 гг.), более близка к принципам научного социализма, чем программы других легальных социалистических партий. Но, являясь легальной партией, РПТ вынуждена была соблюдать существовавшие в Турции законоположения о политических организациях, в том числе формальный запрет на распространение марксистско-ленинских идей, и это ограничивало ее возможности четко формулировать многие положения научного социализма.

Ряд программных положений РПТ — проведение активной антиимпериалистической политики, развитие демократических прав и свобод, повышение уровня жизни трудящихся и др. — перекликались с политическими и социально-экономическими требованиями коммунистов. Однако существовали и принципиальные расхождения по некоторым кардинальным вопросам стратегии и тактики. Так, РПТ ориентировала своих сторонни-

ков исключительно на мирные парламентские формы прихода рабочего класса к власти.

Рабочая партия Турции также расходилась с КПТ в вопросе о фазе революционного процесса в Турции на современном этапе. В программе РПТ подчеркивалось, что Турция уже миновала стадию буржуазно-демократической революции и в настоящее время не может быть и речи о такой же новой революции или же части ее — национально-демократической. На повестке дня революционного движения в Турции, утверждалось в программе, стоит задача осуществления социалистической революции, в борьбе за которую должны быть решены задачи полного освобождения от империализма и завоевания демократических свобод.

РПТ решительно отрицала наличие в Турции господства монополистической буржуазии. «Крупный монополистический капитал, — отмечалось в программе, — не смог создать новый классовый союз, который бы, установив полную гегемонию над другими слоями и прослойками буржуазии, привязал их к себе»⁹⁷. Далее подчеркивалось, что противоречия между монополистическими и немонополистическими слоями буржуазного класса не являются непримиримыми.

РПТ считала, что господствующий класс в Турции — вся буржуазия в целом при главенствующей роли крупной буржуазии. И далее: крупные землевладельцы, ведущие предпринимательские хозяйства, — это часть буржуазного класса, а крупные землевладельцы — ага, выступавшие как носители остатков феодальных отношений, — союзники этого класса в управлении страной.

РПТ настойчиво выступала за принятие закона, который разрешал бы рабочему классу Турции проведение всеобщих забастовок и забастовок солидарности, а также законодательства о правах сельскохозяйственных рабочих, требовала легализации Коммунистической партии Турции и осуществления всеобщей политической амнистии.

Резкое осуждение со стороны РПТ вызывала деятельность в Турции маоистских группировок. В заявлении Центрального руководящего совета РПТ, опубликованном в печати в связи с образованием в Турции маоистской партии Д. Перинчека, подчеркивалось, что подобные партии «встречают поддержку и направляются международными капиталистическими и реакционными кругами», а подлинный смысл деятельности маоистских группировок, именующих себя «левыми», «сводится к антисоветизму и антикоммунизму»⁹⁸.

В связи с эскалацией политического терроризма в Турции, развязанного ультраправыми силами, острого которого направлено прежде всего против левых сил, РПТ настойчиво призывала все прогрессивные, демократические политические и общественные организации в Турции проявлять максимальную бдитель-

ность и не поддаваться на провокации экстремистов, пытавшихся использовать введенное в стране военное положение в целях свержения правительства и установления фашистского режима.

Хотя в решениях партийных съездов и акцентировалось внимание РПТ на необходимость единства действий всех прогрессивных сил страны, тем не менее практических действий в этом направлении не наблюдалось. Так, отсутствовали контакты между РПТ и КПТ, что мотивировалось нелегальным статусом КПТ. Руководство РПТ считало приемлемым вариант объединения с СРПТ только на основе роспуска этой партии и вступления ее членов в РПТ⁹⁹.

К концу 70-х годов все еще сохранялся барьер отчужденности между РПТ и другими социалистическими организациями, которые, несмотря на малочисленность своих рядов и некоторые трудности, возникшие в процессе их деятельности, пытались удержать свои позиции в социально-политической структуре страны.

К числу этих небольших партий относились прежде всего партия «Ватан», Партия трудящихся Турции и Социалистическая партия.

Партия «Ватан» была воссоздана в январе 1975 г. после отмены чрезвычайного положения и частичной амнистии политическими заключенным, осужденной в 1974—1975 гг. Учредителями новой партии являлись Эмине Кывылджымлы, Ахмед Джансызоглу, Ариф Шимшек и другие сподвижники и сторонники идейно-политических воззрений бывшего лидера партии Хикмета Кывылджымлы. В основу концепций Х. Кывылджымлы положены утверждения о том, что ключевые позиции в Турции принадлежат якобы «горстке» представителей финансового капитала, и поэтому основная задача турецких социалистов — просвещение и объединение рабочего класса в пролетарской партии, способной возглавить социалистическую революцию, не ограничиваясь только мирными формами борьбы.

Руководство КПТ занимало резко отрицательную позицию в отношении идейно-теоретических концепций Х. Кывылджымлы и деятельности партии «Ватан».

В сравнении с другими группировками «легального социализма» партия «Ватан» не отличалась какой-либо заметной активностью в политической жизни страны. Правда, в 1979 г., накануне Первомайского праздника, генеральный председатель партии «Ватан» Феридун Шакир выступил с заявлением в печати, в котором осуждался отказ правительственных властей разрешить проведение в Стамбуле Первомайской демонстрации и митингов¹⁰⁰.

Созданная в феврале 1975 г. Партия трудящихся Турции (ПТТ) именовала себя политической организацией, рассматривавшей социалистический строй как подлинное социальное осво-

бождение для турецкого народа. «Однако, — подчеркивалось в учредительной декларации ПТТ, — в нынешних условиях революционная цель, стоящая перед Турцией, заключается в том, чтобы достигнуть независимости в политической, экономической и в других областях, а также осуществить демократию, которая означала бы ликвидацию всех устаревших (социальных) отношений»¹⁰¹.

В основу идейно-теоретических концепций основателя и лидера ПТТ Михри Белли положено отрицание существенных различий между кемалистской идеологией и научным социализмом. М. Белли считал ошибочными утверждения некоторых идеологов «турецкого социализма» о возможности для левых сил прийти к власти мирным путем при существующей в Турции «реакционной парламентской системе»¹⁰².

М. Белли рассматривал национально-демократическую революцию, направленную на завоевание национальной независимости и уничтожение остатков феодализма, как необходимую для Турции стадию на пути к социализму, и признавал руководящую роль в революционном процессе за рабочим классом. В то же время, проявляя явную непоследовательность, М. Белли предлагал разрешить спор между «пролетарскими революционерами» и «истинными ататюркистами» о гегемонии в революции, придерживаясь принципа «кто лучше всех будет бороться — тот авангард»¹⁰³.

М. Белли отрицательно относился к любой постановке вопроса о некапиталистическом пути развития применительно к Турции, отвергал утверждения буржуазной прессы о приверженности его группы к «политической линии маоистов», утверждал, что «пужный для Турции социалистический путь будет отличаться от китайского пути»¹⁰⁴.

Идейно-политические концепции ПТТ и ее лидера вызвали резко негативную реакцию со стороны промаоистской партии Д. Перинчека.

Деятельность ПТТ повлекла за собой гонения и репрессии в отношении руководства и рядовых членов партии со стороны как правительственных органов, так и правоэкстремистских политических кругов. Так, в апреле 1979 г. в результате вооруженного нападения, организованного членами профашистской организации «Союз идеалистических очагов», был тяжело ранен генеральный председатель партии М. Белли.

В свою очередь, генеральный совет конституционного суда в июне 1979 г. приступил к рассмотрению дела, возбужденного генеральной прокуратурой Турции в отношении Партии трудящихся Турции. Генеральная прокуратура считала, что некоторые программные установки ПТТ находятся в прямом противоречии с положениями действовавшего законодательства и на этом основании требовала запретить деятельность Партии трудящихся Турции.

Пропаганду социально-реформистских концепций так называемого «независимого турецкого социализма» продолжала вести созданная в мае 1975 г. Социалистическая партия (позднее она стала именоваться Социалистической революционной партией — СРП), которую возглавлял один из ее учредителей — Мехмед Али Айбар (бывший генеральный председатель Рабочей партии Турции).

Основа идейно-теоретических установок СРП — борьба за осуществление социалистической демократии, установление власти трудящихся под руководством рабочего класса, развитие Турции по некапиталистическому пути. Проблему некапиталистического пути развития для Турции Айбар продолжал рассматривать в свете некемалистской трактовки этатизма.

Мехмед Али Айбар по-прежнему считал всех последователей «турецкого социализма» ортодоксальными националистами. Его тезис «социалисты — истинные националисты» был призван подчеркнуть органическую связь социализма «турецкого типа» с одним из основополагающих принципов кемализма — национализмом.

Коммунистическая партия Турции, как это отмечалось в материалах конийской конференции КПТ, рассматривала партию Айбара как «легальное правооппортунистическое течение в социалистическом движении», которое толкало трудящиеся массы «к пацифизму, идеологической путанице и безысходности»¹⁰⁵.

СРП обладала некоторым влиянием в рабочих профсоюзах, входивших в конфедерацию ДИСК («Асис-иш», «Япы-иш», «Гыда-иш» и др.), руководство которых принимало участие в создании партии. Видный профсоюзный деятель Дженан Бычакчи был генеральным секретарем СРП.

К левым демократическим силам, принимавшим участие в политической жизни Турции относилась и Партия единства Турции (ПЕТ), созданная в 1967 г.

На парламентских выборах 1969 г. ПЕТ, выступавшая с требованием проведения «религиозной реформы», получила поддержку со стороны влиятельной в Турции секты шиитов и смогла провести в меджлис восемь депутатов. На очередных парламентских выборах 1973 г. ПЕТ, выступавшая против участия Турции в НАТО и «Общем рынке», в поддержку «демократического левого течения», смогла получить в меджлисе только одно место. Стремление лидеров ПЕТ увеличить свое представительство в парламенте подтолкнуло их к созданию альянса с НРП накануне выборов 1977 г. Этим объяснялся и отход ПЕТ от сотрудничества с социалистическими партиями. Руководство НРП потребовало от ПЕТ полного слияния с НРП на основе роспуска партии, однако лидеры ПЕТ это требование отвергли. В течение последних лет ПЕТ возглавлял генеральный председатель партии Мустафа Тимиси.

В ходе развернувшейся после выборов 1973 г. борьбы за власть между основными политическими партиями страны игнорировались нужды экономического развития, что привело к экономическому спаду, замедлению темпов роста в промышленности и сельском хозяйстве. Находившееся у власти с ноября 1979 г. правительство ПС предприняло ряд мер, которые шли вразрез с интересами национальной экономики.

Обострение экономических проблем закономерно привело к инфляции, дальнейшему росту цен, увеличению безработицы и, как следствие, — к дальнейшему обострению классовой борьбы, социальной напряженности. Все это послужило питательной почвой для невиданного ранее в Турции размаха терроризма и насилия со стороны различных экстремистских групп.

Такие условия в совокупности поставили под угрозу стабильность режима в целом. В результате произошло очередное вмешательство военных в политическую жизнь. 12 сентября 1980 г. военное командование отстранило от власти правительство ПС, распустило парламент, временно приостановило деятельность политических партий и некоторых других политических, профессиональных и общественных организаций. Вся власть перешла в руки Совета национальной безопасности, куда вошли начальник генерального штаба турецкой армии, командующие родами войск и жандармерией. Судя по заявлениям военного руководства страны, оно намерено реформировать некоторые основы буржуазной демократии в Турции в целях ее укрепления, после чего вернуть власть в руки политических партий и парламента.

ТУРЦИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Турция все послевоенные годы осуществляла военно-политическое и экономическое сотрудничество с западными державами, особенно с США. Обосновывалась такая политика необходимостью обеспечить безопасность страны от «внешней и внутренней коммунистической угрозы», создать условия для проведения курса на европеизацию страны, для развития ее экономики. Турция активно участвовала в империалистической политике «холодной войны», проводила проимпериалистическую политику на Востоке. В экономическом отношении она связала себя с США, с западноевропейскими державами.

Турция — единственная развивающаяся страна — член НАТО¹⁰⁶. Она была членом СЕНТО с первого дня до его развала в 1979 г. в результате выхода из блока Ирана и Пакистана¹⁰⁷. Турция связана рядом военно-политических соглашений с США, среди них основные — Соглашение об оказании помощи Турции от 12 июля 1947 г.¹⁰⁸ и Соглашение о сотрудничестве между

правительствами Турции и США от 5 марта 1959 г.¹⁰⁹, соглашения в рамках НАТО и вне их об оказании Турции военной, экономической помощи и о сотрудничестве в других областях. Наиболее важное соглашение между США и Турцией, формально в рамках НАТО, — Соглашение о сотрудничестве в области обороны и экономики, подписанное 29 марта 1980 г.¹¹⁰. По существу — это соглашение, вновь подтвердившее основы и расширение сотрудничества в военной и экономической областях.

Турция была и является ассоциированным членом Европейского экономического сообщества (ЕЭС)¹¹¹, которое занимало определяющее место в ее внешнеэкономических связях. Среди членов ЕЭС на первом месте в развитии отношений с Турцией находится ФРГ. Турция была и является членом Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (в которую кроме европейских стран входят еще США, Канада и Япония)¹¹², членом Европейского совета, большинства европейских и многих международных экономических и финансовых организаций, среди которых — Европейское и Международное агентство по атомной энергии, Европейская организация по ядерным исследованиям, Международный банк реконструкции и развития (МБРР), Международный валютный фонд (МВФ) и др.¹¹³.

Односторонняя ориентация на западных союзников нанесла большой ущерб национальным интересам Турции, отрицательно сказалась на экономическом развитии, способствовала ухудшению отношений со многими странами. Холодными либо напряженными были отношения со многими странами Азии.

Положение стало постепенно меняться с середины 60-х годов, когда начали проявляться тенденции к проведению более независимой внешней политики, и главным образом к расширению торговых и экономических связей со многими странами, с которыми ранее эти связи были незначительными или отсутствовали. Турция стала осуществлять многостороннюю политику.

Главными предпосылками перехода на новый внешнеполитический курс были следующие.

1) Советская политика мира, способствовавшая ослаблению международной напряженности, развитию контактов между Востоком и Западом, что должно было рано или поздно оказать влияние на страну, тем более что Советский Союз с 1953 г. принимал энергичные меры к улучшению отношений с Турцией. Политика мирного сосуществования в начале 60-х годов имела уже значительные успехи в улучшении и развитии отношений СССР со многими союзниками Турции по НАТО, а Турция отставала от них в процессе разрядки напряженности.

2) Известная международная изоляция Турции как результат ее односторонней, прозападной политики в отношении молодых освободившихся государств, поддержки агрессивных действий империалистов в Азии и Африке. Эта изоляция особенно

болезненно для Турции проявилась в связи с «национальным вопросом» Турции — кипрской проблемой. Неприязненное отношение, например, неприсоединившихся стран к Турции из-за ее поддержки политики Запада против молодых стран было одной из причин их отрицательного отношения к турецкой позиции при обсуждении кипрского вопроса на многих международных форумах, в том числе в ООН. Турции необходимо было улучшить отношения с этими странами.

3) Тяжелое экономическое положение Турции как результат односторонней внешнеэкономической ориентации на западных союзников. Турции нужны были новые внешние источники кредитования экономики и новые возможности для сбыта товаров, как сельскохозяйственных, так и промышленных.

Важным стимулом была при этом позиция тех торгово-промышленных кругов, которые несли потери от односторонней внешнеэкономической ориентации на США и другие страны НАТО. Эти круги испытывали трудности со сбытом многих товаров, особенно сельскохозяйственных, и с ввозом машин и оборудования, необходимых для развития промышленности. Политика монополий США и западноевропейских стран, на которые ориентировалась Турция, приводила к замораживанию больших партий экспортных товаров, а ввоз оборудования был ограничен из-за валютных трудностей. Возможности использования кредитов, которые давали Турции ее союзники, ограничивались определенными условиями со стороны кредиторов. В такой обстановке развитие торговли и экономического сотрудничества на взаимовыгодной основе с социалистическими государствами и с другими странами сулило немалые выгоды.

Правящие круги Турции, представлявшие интересы крупных капиталистов и помещиков, вносили во внешнюю политику новое направление, обеспечивавшее ей такое внешнеэкономическое сотрудничество, которое не ставило ее в зависимость от стран-кредиторов. Наряду с этим стал осуществляться тезис о том, что стране «следует держать подальше от международных конфликтов и спорных ситуаций», которые могли бы помешать развитию ее внешнеэкономических связей, необходимых для обеспечения новых рынков сбыта товаров и кредитов для экономического развития страны¹⁴. Турция стала развивать экономическое сотрудничество с рядом стран, особенно с СССР, с другими социалистическими государствами, которые не сопровождали свою помощь какими-либо условиями и содействовали эффективному развитию важных отраслей промышленности, что способствовало ослаблению экономической зависимости от стран Запада, достижение чего было провозглашено в 60-е годы в качестве важнейшей задачи Турции. Большое внимание стало уделяться развитию отношений с арабскими странами — экспортерами нефти с целью обеспечения для Турции новых кредитов и поставок нефти.

4) Среди важных факторов, приведших к новым направлениям во внешней политике Турции, в том числе к развитию отношений с Советским Союзом, были: во-первых — недовольство союзников по НАТО к позиции Турции в «национальной» — кипрской проблеме; во-вторых, сомнения относительно надежности безопасности Турции, вызванные и первым обстоятельством, и переходом НАТО к стратегии «гибкого реагирования».

В 1964 г., в связи с резким обострением обстановки на Кипре и вокруг него, руководству Турции стало ясно, что позиция Советского Союза по кипрскому вопросу более приемлема, чем позиция союзников Турции по НАТО. СССР выступал за независимость Кипра, что противоречило греческим притязаниям на присоединение острова к Греции (энозис), против которых резко выступала Турция, учитывая в первую очередь стратегические позиции острова, находящегося вблизи ее территории. Присоединение Кипра к Греции поставило бы Турцию в тяжелое положение с военно-стратегической точки зрения. В этом Турция видела также угрозу нормальному существованию турецкой общины на острове. Турция намеревалась высадить войска на Кипр в связи с усилением вооруженных столкновений между греческой и турецкой общинами. Высадка усилила бы позиции и общины и самой Турции на острове. Однако союзники по НАТО видели в этом возможность столкновения между Грецией, которая самым активным образом поддерживала греческую общину, и Турцией, что могло бы привести к развалу юго-восточного фланга блока. Возражения против турецкой высадки были выражены в письме президента США Л. Джонсона от 5 июня 1964 г. премьер-министру Турции И. Инёню, в котором указывалось на это обстоятельство. В письме выражалось сомнение, выступят ли союзники Турции на ее защиту, если она своими действиями «вызовет советское вмешательство»¹¹⁵. Л. Джонсон напоминал также, что в соответствии с американо-турецким соглашением 1947 г. предоставленное Турции американское оружие может быть использовано только в общих союзнических целях для борьбы против «внешней и внутренней агрессии»¹¹⁶.

В ответном письме И. Инёню выразил несогласие с позицией США, однако Турция отказалась от высадки войск на Кипре.

Политика США была расценена в Турции, как нежелание понять ее позицию в «национальной» проблеме. США обвинялись в нарушении принципов сотрудничества между двумя странами, в неправильном толковании существа НАТО и союзнических обязательств ее членов. Из-за позиции США и НАТО, проявившейся в письме Джонсона, в Турции была поколеблена послевоенная традиционная «национальная» односторонняя ориентация внешней политики на США и НАТО.

С этим была связана и тревога в общественном мнении Турции в связи с переходом НАТО к стратегии «гибкого реагирования», которая была официально принята в 1967 г. взамен стратегии «массированного воздействия», но предложена военными кругами США еще в 1957 г., и с тех пор вокруг нее в НАТО шли споры. Турция была среди тех членов блока, которые сопротивлялись переходу к ней, и среди последних, согласившихся на ее принятие. В Турции высказывалось мнение, что при новой стратегии НАТО более слабые в военном отношении, особенно находящиеся на флангах блока страны, находятся под угрозой, что Турция стала более уязвимой¹¹⁷.

Турецкое общественное мнение поставило под сомнение надежность для «национальных интересов» курса односторонней ориентации на США, на НАТО. Был выдвинут тезис о необходимости создания «мирного кольца» вокруг Турции, улучшения отношений с соседними странами¹¹⁸, особенно с СССР, как важного элемента обеспечения национальной безопасности страны. В связи с кипрским кризисом 1963—1964 гг. в Турции резко усилились антиамериканские настроения, недовольство отношением США и НАТО и к другим проблемам Турции. Сложившиеся ранее предпосылки к изменениям во внешней политике Турции, влияние которых до этого нейтрализовывалось политикой правящих классов страны, привели к новым направлениям в ней.

1964 год отмечен началом развития взаимных визитов между государственным деятелями Турции и многих стран, с которыми ранее отношения были сдержанными или холодными, в том числе социалистических, арабских и др. Эти взаимные визиты сопровождались расширением отношений главным образом в области торговли, экономического сотрудничества, туризма.

Последнее пятнадцатилетие Турция проводила многостороннюю внешнюю политику. Однако при этом правящие классы страны, все правительства 60—70-х годов сохраняли прежние основы внешней политики — военно-политическое сотрудничество с США и другими западными странами, продолжали ориентироваться на доминирующее развитие отношений со странами НАТО, особенно ЕЭС, также в области торговли, экономики, культуры и других сферах. Важным фактором в проведении такого курса было единство буржуазных партий Турции по основам внешней политики. Некоторые левые партии, выступавшие за изменение этих основ, за проведение действительно многосторонней политики, не ограниченной обязательствами по НАТО, по двусторонним соглашениям с США, ассоциацией с ЕЭС, не имели сколько-нибудь значительного влияния в этих вопросах. Традиционное единство буржуазных партий по основам внешней политики постоянно отмечалось в Турции и за рубежом. Во время острой межпартийной борьбы перед парламентскими выборами 1977 г. внешняя политика, по свидетельству западной печати, «не являлась важной проблемой»¹¹⁹.

Проведение многосторонней внешней политики с середины 60-х годов как одно из направлений новой стратегии национальной безопасности, элементы которой создавались с этого времени, стало «национальным курсом».

Наиболее значительным проявлением нового курса правящих классов Турции было развитие отношений с СССР. Среди многих взаимных визитов государственных деятелей двух стран особое место занимал визит в Турцию Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина в декабре 1966 г. Этот визит был важен тем, что способствовал быстрому развитию эффективного экономического сотрудничества между двумя странами. В Турции были завершены переговоры по вопросу об оказании ей Советским Союзом помощи в строительстве важных для развития турецкой экономики крупных промышленных объектов. Это позволило подписать 25 марта 1967 г. Соглашение о поставках оборудования, материалов и оказании услуг Советским Союзом для строительства некоторых промышленных объектов и об условиях их оплаты. Советский Союз предоставил Турции в этих целях значительные кредиты, условия погашения которых были льготными и выгодными. В значительной части они должны погашаться поставками традиционных товаров турецкого экспорта. В соответствии с соглашением 1967 г. в Турции были построены крупные заводы: металлургический, алюминиевый, нефтеперегонный, сернокислотный, древесноволокнистых плит, что способствовало развитию товарооборота между двумя странами, который в начале 60-х годов был незначительным.

Советская помощь получила в Турции высокую оценку. Отмечалось, что наряду с содействием развитию отраслей тяжелой промышленности она способствовала экономии валютных средств, предоставлению работы многим тысячам человек, развитию турецкого экспорта. Строившиеся при содействии СССР предприятия были важными объектами второго и третьего пятилетних планов развития экономики страны (1968—1977).

В начале 70-х годов в отношениях между двумя странами были провозглашены новые принципы, которые знаменовали собой переход к более высокому уровню их состояния. 18 апреля 1972 г. была опубликована Декларация о принципах добрососедских отношений между СССР и Турцией. В ней имеется важный тезис об отказе от предоставления своих территорий для совершения агрессии и подрывных действий против других государств. Это свидетельствовало о серьезном намерении Турции улучшать отношения с СССР¹²⁰. Дальнейшие контакты подтвердили это намерение. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев указывал в докладе на XXV съезде КПСС 24 февраля 1976 г., что сотрудничество между двумя странами «из сферы главным образом экономической распространяется постепенно и на вопросы политические»¹²¹.

Важным шагом в советско-турецких отношениях явился ви-

зит в СССР в июне 1978 г. премьер-министра Турции Б. Эджевита. Во время этого визита были приняты документы, которые как бы подводили итоги процесса развития отношений между двумя странами. 23 июня 1978 г. был подписан Политический документ о принципах добрососедского и дружественного сотрудничества между СССР и Турцией¹²², который открывал новые перспективы развития советско-турецких отношений. Во время визита Б. Эджевита были достигнуты новые соглашения, способствовавшие расширению экономического и технического сотрудничества, торгового обмена (впервые стороны договорились о подписании долгосрочного торгового соглашения — на трехгодичный период), обмена в области культуры, науки, спорта и туризма.

Вместе с тем при весьма заметных в общем сдвигах в советско-турецких отношениях турецкая сторона проявляла немалую сдержанность, отдавая предпочтение экономическим отношениям. Турецкие лидеры постоянно подчеркивали, что отношения с СССР будут развиваться так, чтобы это не могло повлиять на международные обязательства Турции. По существу, имелось в виду участие Турции в НАТО, военно-политическое сотрудничество с США. Требования от союзников значительного увеличения экономической помощи и заявляя, что Турция в противном случае обратится к другим источникам, премьер-министр Эджевит неоднократно подчеркивал, что это не будет означать снижения уровня сотрудничества в военно-политической области. Он говорил в мае 1979 г., что Турция «не прибегала к шантажу своих союзников», что она «никогда не выйдет из НАТО», что Турция «всегда будет полностью сознавать свои обязательства перед миром в связи с ее важным геополитическим положением»¹²³. Такая позиция была характерна в еще большей степени и для премьер-министра С. Демиреля.

Развитие отношений с Советским Союзом во всех областях, хотя это в меньшей степени отражалось на экономическом сотрудничестве, всегда строго регламентировалось турецкой стороной. В Турции подчеркивалось, что рамки развития отношений между СССР и Турцией, подписанных ими документов уже тех, в которых развивали отношения с Советским Союзом ее союзники по НАТО и СЕНТО. Улучшение отношений с СССР постоянно наталкивалось на сопротивление турецких реакционных кругов, которые пропагандировали наличие советской угрозы Турции. Они навязывали мысль об опасности для нее культурного соглашения 1964 г. с СССР, не допустили его ратификации Великим национальным собранием Турции. Эти круги старались убедить общественность страны в том, что политика СССР в отношении Турции подвержена конъюнктурным колебаниям, что ему не следует верить. Они по-прежнему навязывали пропагандистский тезис 40—50-х годов об «отсутствии доверия» к советской политике.

С середины 60-х годов заметно и эффективно стали развиваться отношения Турции с социалистическими странами Европы, особенно с Болгарией. Постоянные взаимные визиты государственных деятелей на высшем уровне с этими странами сопровождались расширением экономического сотрудничества и торговли. Развивались отношения и в области связи, транспорта, туризма, культуры и науки.

Но при проведении многосторонней политики правящие классы Турции не допускали изменения соотношения в пользу Востока баланса связей с Западом и Востоком, сохраняли преимущественное развитие отношений с западными странами.

Несмотря на разногласия с США и НАТО по ряду проблем, турецкие правящие классы не ставили под сомнение необходимость сохранения основ ее внешней политики, участия в НАТО, американско-турецких соглашений 1947 и 1959 гг., чем определялось место Турции в военно-политической системе Запада, американо-турецкое «взаимное обеспечение безопасности», совместная борьба с «внешней и внутренней агрессией», условия оказания американской военной помощи и другие аспекты отношений между двумя странами. Турецкие правящие классы в обстановке роста антиамериканских и антинаатовских настроений в Турции принимали меры к тому, чтобы ликвидировать возникшие разногласия с ее западными союзниками, в частности с США, добиться хотя бы символических уступок, одной из целей которых являлось ослабление этих настроений. В конце 50-х и особенно с начала 60-х годов в Турции большое недовольство вызывали американо-турецкие двусторонние соглашения о статусе американских (совместных американо-турецких) военных баз и американского персонала в этой стране (соглашения 1954 г. о статусе вооруженных сил США и другие, разные по форме и характеру, по способу их заключения), особые привилегии американцев. В связи с обострением недовольства позицией США во время кипрского кризиса 1963—1964 гг. турецкое правительство предложило США пересмотреть упомянутые двусторонние соглашения и подписать новое «основное» соглашение относительно статуса американских баз и персонала в Турции. США пошли на такие переговоры, которые не касались основ отношений между двумя странами. Одновременно было объявлено о передаче Соединенными Штатами Турции некоторых военных баз. 3 июля 1969 г. было подписано «основное» соглашение о сотрудничестве в совместной обороне между Турцией и США, которое объявляло американо-турецкие военные базы совместной обороны (материальные ценности) собственностью Турции, устанавливало определенную возможность контроля турецких властей за их деятельностью, определяло юрисдикцию американского персонала в Турции, лишало его ряда привилегий. Положения соглашения не касались баз и сооружений НАТО.

Одной из серьезных спорных проблем другого плана (которая вызвала большое недовольство в Турции политикой США, а в США была использована для антитурецкой пропаганды) была проблема культивирования в Турции опиумного мака. Рост наркомании в США объяснялся там в немалой степени контрабандным ввозом мака из ряда стран, в том числе из Турции. США потребовали запрещения производства мака, важного продукта турецкой деревни, за финансовую компенсацию. В 1971 г. правительство Н. Эрима под давлением США полностью запретило производство мака в стране, которое до этого было уже ограничено территорией ряда илов (областей). Когда в 1974 г. правительство Б. Эджевита отменило этот запрет, отклоняя обвинение, что Турция способствует развитию наркомании среди американцев, в США вновь началась антитурецкая кампания и в конгрессе даже вносилось предложение о прекращении оказания помощи Турции, в частности военной. В Турции считали, что одной из предпосылок введения конгрессом США эмбарго на поставки вооружения Турции после оккупации ею части Кипра в 1974 г. был конфликт вокруг производства опиумного мака¹²⁴.

В 1974—1975 гг. отношения Турции с ее союзниками по НАТО резко обострились из-за их позиции в отношении кипрского кризиса. Конгресс США резко реагировал на высадку турецких войск на Кипре, которая была проведена в связи с государственным переворотом, совершенным там 15 июля 1974 г. национальной гвардией, во главе которой были греческие офицеры. Свержение кипрского правительства, которое было совершено с ведома служб НАТО и США, имело целью создать условия для изменения политики Кипра, для отхода его от курса неприсоединения и, возможно, для энозиса в дальнейшем. Объяснялось это весьма важным геостратегическим положением острова. Однако, тоже исходя из геостратегического положения острова, расположенного вблизи территории Турции и чтобы восстановить порядок на острове, предотвратить возможность энозиса, оградить турок-киприотов от террора со стороны греческих экстремистов, Турция высадила 20 июля свои войска, которые оккупировали около двух пятых территории острова. Из занятой турками северной части острова греки бежали или были принуждены к бегству в его южную часть. В ответ на это конгресс США принял 18 октября 1974 г. решение о приостановке оказания военной помощи и продажи оружия Турции. Администрация США была против такого решения, в результате чего это эмбарго вошло в силу только с 5 февраля 1975 г. Правительство С. Демиреля в ответ на решение американского конгресса 26 июля 1975 г. временно прекратило деятельность американских баз (американо-турецких баз совместной обороны) и поставило их под контроль турецких вооруженных сил. Одновременно Турция заявила, что упомянутое соглашение

1969 г. о сотрудничестве в совместной обороне утратило силу в связи с позицией США. Правительство С. Демиреля встало, таким образом, на путь оказания эффективного давления на США, учитывая, что турецкие базы важны для американских стратегических интересов, для проведения разведывательной деятельности против СССР. Вместе с тем базы НАТО функционировали все время, их деятельность турецкое правительство никак не ограничивало. Тем временем под сильным и длительным давлением американской администрации, учитывая военно-стратегическое значение баз НАТО в Турции, конгресс США принял 2 октября 1975 г. решение о частичной отмене эмбарго.

Исходя из общности военно-стратегических целей, стремления ликвидировать разногласия, укрепить военно-политическое сотрудничество, США и Турция начали переговоры о новом соглашении. Турецкая сторона добивалась такого соглашения, чтобы была увеличена военная помощь, предусмотрена весьма значительная экономическая помощь США, чтобы конгресс США не мог помешать осуществлению соглашения в течение всего его срока действия. Американская сторона добивалась, чтобы соглашение гарантировало бы ей на длительное время деятельность военных баз в Турции без помех. Новое соглашение о сотрудничестве в области обороны было подписано 26 марта 1976 г. Оно предусматривало реактивизацию закрытых баз, определяло их статус, оказание Турции военной помощи и поставок оружия в течение четырех лет на 1366 млн. долл.¹²⁵. Но из-за того, что в греческо-турецком конфликте на Кипре не было заметных сдвигов в сторону его разрешения (что было использовано греческим лобби в США), конгресс США не ратифицировал это соглашение. Однако правительства двух стран «во имя общих интересов» достигли между собой договоренности, по которой Турция должна была реактивизировать деятельность баз. В свою очередь, конгресс США под давлением администрации принял решение об отмене эмбарго с 1 октября 1978 г. Деятельность баз была возобновлена в начале октября на временной основе сроком на год, с тем чтобы за это время США и Турция подготовили новое соглашение (на основе нератифицированного США соглашения 1976 г.). Новые переговоры велись с января 1979 г. Турция требовала значительного увеличения помощи, особенно экономической¹²⁶.

Развитие событий в Иране в 1978—1979 гг. повлияло на позиции союзников Турции, которые признали необходимым оказывать ей значительно большую экономическую и военную помощь, нежели это было ранее. К этому призывало особенно командование НАТО. На заседаниях сессий совета НАТО в декабре 1978 г., в мае и декабре 1979 г. отмечалась необходимость приложить «специальные усилия к оказанию дальнейшей помощи Турции для улучшения ее вооруженных сил в соответствии с целями НАТО». И помощь, особенно США, стала значитель-

ной. В 1979—1980 гг. американская помощь планировалась на уровне 250—300 млн. долл. в год.

Во время встречи руководителей США, Франции, Великобритании и ФРГ в Гваделупе 5—6 января 1979 г. было решено предоставить Турции срочную целевую многостороннюю экономическую помощь. Только страны ОЭСР определили размер своей помощи на 1980 г. по принципу — государству — государству в 1162 млн. долл. На страны НАТО приходилось 86% этой помощи, а на США и ФРГ — по 295 млн. долл. — более 50%. С учетом некоторой помощи вне рамок ОЭСР, кредитов международных финансовых организаций, некоторых стран — экспортеров нефти и других вся помощь Турции составила в 1980 г. примерно 3 млрд. долл.

Военно-стратегическое значение Турции для НАТО, необходимость ликвидировать последствия отрицательного влияния американского эмбарго на военный потенциал блока на его юго-восточном фланге из-за ослабления мощи турецких вооруженных сил, на чрезвычайно важную для США систему радиоэлектронных сооружений по сбору разведывательной информации об СССР, ослабленную из-за временного прекращения деятельности американских баз в Турции, были основными факторами для урегулирования отношений между двумя странами.

США, в сущности, уже не связывали вопрос о помощи Турции с кипрской проблемой. Турция со своей стороны не только пошла на полное возобновление деятельности всех американских баз, но и согласилась в декабре 1978 г. на открытие новой базы, связанной с созданием системы АВАКС — направленной в сторону Советского Союза воздушной системы раннего оповещения, наблюдения и наведения¹²⁷.

На турецкой территории действовали созданные США базы (объекты «совместной обороны», формально считающиеся турецкими) и базы НАТО. США использовали в Турции сложнейшие радиоэлектронные системы, которые обеспечивали сбор разведывательной информации об испытаниях советских ракет, о запусках спутников, об ядерных испытаниях в СССР, о передвижении советских войск, военно-морских и военно-воздушных сил, главным образом в районах Черного моря и проливов. Считается, что до закрытия таких объектов в Иране 25% всей получаемой США информации о запусках советских ракет поступала из Турции. В Турции расположены станции «наземной автоматической системы управления средствами ПВО НАТО» («Нейдж»), направленной в сторону СССР.

Среди военных объектов большое значение для США и НАТО имеют базы ВВС. В Инджирлике — в районе Аданы — расположена база стратегических ВВС НАТО, на которой базируются самолеты ВВС США, способные доставить ядерное оружие на территорию СССР. В Чигли — около Измира — имеется база ВВС, используемая США и командованием сухо-

путных войск в юго-восточной части театра военных действий НАТО и ее 6-го объединенного тактического авиационного командования. Американской авиацией используются многие турецкие базы и аэродромы. Военно-морской флот США также может использовать турецкие порты для пребывания и ремонта своих кораблей. В Турции находятся склады ядерного оружия США, склады снабжения ВВС и ВМС, нефтехранилища и нефтепроводы НАТО.

В связи с упомянутыми ранее предпосылками международно-го и экономического характера с середины 60-х годов в Турции стала по-новому рассматриваться проблема обеспечения безопасности страны. Стали выдвигаться элементы новой концепции национальной безопасности, среди которых важное место заняла многосторонняя политика.

В программе правительства С. Демиреля в 1965 г. ставилась задача об обеспечении «национальных интересов» страны «не только в рамках НАТО». В ней говорилось, что Турция не будет придерживаться «групповых взглядов» в области внешней политики, будет развивать связи со всеми странами.

Основой новой концепции национальной безопасности была провозглашена прежде всего «защита собственных интересов» Турции. Осуществление этой стратегии связывалось со следующими задачами: при участии в НАТО (как гарантии безопасности Турции) проведение упомянутой многосторонней политики, создание «пояса мира» вокруг страны; формирование вооруженных сил, независимых от командования этого союза; обеспечение поставок вооружения без каких-либо условий относительно его использования (в частности, вне контроля США); усиление технической оснащенности армии; создание собственной военной промышленности для производства новой военной техники при помощи стран НАТО¹²⁸; сбалансирование этих мер таким образом, чтобы они способствовали бы развитию экономики страны¹²⁹. Турция требовала, чтобы ее союзниками были созданы такие условия, в которых были бы сбалансированы взаимные военные поставки между нею и НАТО, чтобы еврогруппа НАТО, в которую она входит, привлекла бы ее к совместному производству вооружения, чтобы Турцию знакомили с планами производства в военной промышленности стран — членов еврогруппы и оказывали ей технологическую помощь. Подобные требования выдвигались в течение ряда лет¹³⁰.

Турция участвовала в принятии в 1978 г. «долгосрочной программы обороны» НАТО, хотя ее государственные деятели и заявляли, что она не примет участия в программе, если ей не будет оказана новая, значительная финансовая помощь. Эта программа предусматривала наращивание боевой мощи блока, модернизацию его вооружений и вооруженных сил, в том числе создание нового ракетного и нейтронного оружия, разведывательной системы АВАКС и т. д. Турция поддерживала проект

НАТО размещения евстратегических ракет («Першинг-2», «крылатые ракеты») на территории западноевропейских стран.

Для Турции характерны были традиционные «особые отношения» с ФРГ. Турция выступала за принятие ФРГ в НАТО, поддерживала проект создания многосторонних ядерных сил, который имел одной из целей допуск ФРГ к ядерному оружию, поддерживала западногерманскую концепцию «объединения Германии» и другие устремления германских реваншистов. После США ФРГ стала второй страной по военно-политическому сотрудничеству с Турцией, по оказанию ей военной и экономической помощи и во многих других сферах. В соответствии с «разделением труда» между США и ФРГ по оказанию помощи странам НАТО на ФРГ легла ответственность за обеспечение значительной и своей, и коллективной помощи Турции со стороны стран НАТО и других государств, международных финансовых организаций. В 1978—1980 гг. ФРГ сыграла большую роль в этом деле. Координаторские усилия в 1980 г. западногерманского министра финансов Маттхофера обеспечили Турции примерно 8,3 млрд. долл. различной помощи (кредиты, отсрочка платежей и др.)¹³¹. По торговому обмену ФРГ давно обогнала США и вышла на первое место, как это было и в первые годы после второй мировой войны. ФРГ оказывала Турции значительную помощь и в вооружении армии, полиции и жандармерии, в подготовке военных кадров¹³².

С середины 60-х годов Турция стала осуществлять курс на развитие регионального сотрудничества, отношений с арабскими странами и другими освободившимися государствами, особенно с проводящими политику неприсоединения.

В 1964 г. Турция, Иран и Пакистан создали организацию Регионального сотрудничества для развития (РСР). Создание РСР азиатскими членами СЕНТО было проявлением недовольства отношением Англии и США к экономическим и другим проблемам трех стран. В то же время Турция, Иран и Пакистан пытались таким образом расширить свои связи с другими странами Ближнего и Среднего Востока, объявив, что их организация открыта для вступления в нее. Они рассчитывали на присоединение Ирака, Афганистана и других стран региона. Однако страны региона с недоверием отнеслись к РСР, созданной членами СЕНТО.

В самой организации РСР экономические успехи были незначительны. Торговля между ее членами развивалась слабо. Ряд совместных проектов не был осуществлен. Турция, Иран и Пакистан более эффективно использовали эту организацию для совместных политических выступлений по международным проблемам, в частности по ближневосточному конфликту, с целью создания условий для сближения с другими странами.

В 70-е годы продолжались усилия для развития торговли с развивающимися странами, особенно неприсоединившимися.

Турция развивала отношения с основателями движения неприсоединения — с Индией, Югославией, с рядом арабских стран, особенно с Саудовской Аравией, Ливией, Ираком, которые предоставляли ей займы, кредиты, большую часть ввозимой нефти. Для укрепления отношений с арабскими странами Турция продолжала поддерживать требования об освобождении Израилем захваченных в 1967 г. арабских земель и признании законных прав арабского народа Палестины, в том числе на создание своего государства.

Турция в 60—70-е годы занимала лояльные позиции в отношении неприсоединившихся государств. Например, она придерживалась позиций этих государств по вопросам установления «нового экономического порядка», поддерживала позиции стран ОПЕК.

Политика Турции при этом определялась задачей добиться изменения отношения этих стран к ее проблемам, так как:

1) неприсоединившиеся страны не поддерживали ее на международной арене, что, в частности, проявлялось при обсуждении кипрского вопроса на международных форумах, в том числе на форумах движения неприсоединения;

2) экономическое и финансовое положение страны оставалось тяжелым. Политические деятели Турции в течение ряда лет выдвигали следующую формулу по стимулированию развития турецкой промышленности: турецкая рабочая сила, западные и средневосточные (стран — производителей нефти) кредиты и капиталовложения, европейская технология¹³³.

Придавая большое значение отношениям с неприсоединившимися странами, Б. Эджевит, став в январе 1978 г. премьер-министром, первую свою зарубежную поездку совершил в Югославию, а затем министр иностранных дел Г. Окчун посетил Индию и другие страны. Однако надежды турецкого правительства на то, что эти визиты к лидерам движения неприсоединения повлияют на их позицию по важному для Турции кипрскому вопросу, не оправдались. Например, резолюция Белградской конференции неприсоединившихся государств (сентябрь 1978 г.), как и предыдущих и последующих, была «не в пользу Турции», «несправедливой», как подчеркнул Г. Окчун. Правда, следует отметить, что некоторые арабские страны выступили против этой резолюции или воздержались. Неблагоприятной для Турции была, как и ранее, позиция неприсоединившихся государств и при обсуждении кипрского вопроса в ООН.

Для политики Турции была характерна противоречивость, которая заключалась в том, что наряду с курсом на развитие отношений с неприсоединившимися странами она сохраняла прежние основы внешнеполитической и внешнеэкономической ориентации.

Экономически Турция ориентировалась, как уже отмечалось, на страны НАТО, особенно на ЕЭС, где лидирующее положение

занимала ФРГ. В 1978 г. на страны ЕЭС приходилось 43% турецкой внешней торговли, а на страны ОЭСР — 62,4%. Небольшая часть турецкой внешней торговли падала на развивающиеся государства¹³⁴. Правящие классы Турции не желали снижать уровень развития сотрудничества с Западом.

Турецкая политика сближения с движением неприсоединения находилась также в противоречии и с перспективами внешней политики страны. Дело в том, что турецкие правительства не видели противоречий между участием страны в НАТО и возможностями причастности к движению неприсоединения. Они заявляли, что Турция не выйдет из НАТО и не вступит на путь нейтралитета. В Турции такая позиция объяснялась тем, что «в нынешнее время не может быть нейтральных стран». Однако такая позиция правящих классов Турции не могла найти понимания среди неприсоединившихся государств. Турция не была принята ими в свое движение ни в каком качестве. Естественно, что, кроме того, у Турции, как у страны — члена НАТО, имелись различия с неприсоединившимися государствами в подходе к некоторым международным проблемам, например к разоружению, положению в Африке и т. п.

Чрезвычайно сложными во внешней политике Турции являлись кипрский вопрос и проблемы континентального шельфа Эгейского моря, весьма обострившиеся в 70-е годы и приводившие Грецию и Турцию на грань вооруженного конфликта. Фактический раздел Кипра между турецкой и греческой общинами, который произошел в результате высадки турецких войск на острове в 1974 г., не получил международного признания. Почти никем, в том числе союзниками по НАТО, не было признано созданное турками на острове «Кипрское Турецкое федеративное государство». Турция добивалась юридического закрепления создавшегося положения. Она была согласна на незначительные территориальные уступки, если бы греческая сторона согласилась с турецкими требованиями относительно конституционного вопроса, главным образом о структуре и функциях центральной (федеральной) власти Республики Кипр, имея в виду создание государства и греческой общины Кипра. Турция и турецкая община имели в виду придание широких полномочий властям турецкого и греческого государств в будущей федерации и незначительных прав центральным органам Республики Кипр.

Попытки конгресса США, предпринятые в 1974—1975 гг., путем введения эмбарго на поставки Турции американского оружия воздействовать на нее с тем, чтобы заставить ее в чем-то уступить Греции, не дали эффекта.

Греки-киприоты согласились на создание федерации из двух государств — турецкого и греческого. Но турки требовали признания раздела Кипра не только территориально на две компактные части — северную и южную, но и пообщинно — с ком-

пактным однородным населением (на севере — турки, на юге — греки), ограничения права проживания и собственности, с тем чтобы греки не могли обосновываться на турецкой части острова. Турецкая сторона требовала полного равенства с греческой в формировании центральных парламента и правительства, равных с греками прав во всех областях управления.

Греческая община и правительство Кипра не соглашались с этими турецкими предложениями. Они настаивали на принципе учета соотношения населения на острове при определении состава парламента и правительства федерации и других органов управления, на выводе иностранных войск, на установлении международных гарантий безопасности острова. Греки выступали за право беженцев вернуться в свои дома, за свободу поселения и собственности по всей территории острова.

Положение осложнялось тем, что начали выходить на первый план еще более острые противоречия между Турцией и Грецией в Эгейском море (по территориальным водам, континентальному шельфу и другим проблемам). Эти противоречия обострились после того, как в 1974 г. в этом районе были обнаружены залежи нефти. Вблизи турецких берегов находятся греческие острова (многие в 3—12 милях). Местами территориальные воды сторон перекрывают друг друга. Важно то, что нереальным было какое-либо урегулирование, которое предполагало бы существенные уступки со стороны Турции.

Между тем усиливались интеграционные тенденции между турецким кипрским государством и Турцией, между греческой общиной и Грецией. Серьезным фактором в кипрском кризисе была политика США и НАТО, которые не поддерживали урегулирование, которое могло бы обеспечить Кипру действительное политическое и экономическое единство, что явилось бы залогом сохранения его политики неприсоединения. США не поддерживали в ООН резолюции об урегулировании кипрского вопроса, которые принимались голосами неприсоединившихся и других стран. Это отвечало интересам Турции, тем более что она была против «интернационализации конфликта». Она не считалась с решениями ООН, отклонила предложения СССР обсудить проблему на международной конференции в рамках ООН, и в принципе отклонила возможность участия «незанимствованных государств» в поисках решения вопроса. Греция также занимала непримиримую в споре с Турцией позицию, однако она имела поддержку большинства членов ООН.

Турция, следуя за США и другими союзниками по НАТО, долго не признавала КНР. В 1965 г. «рассматривался вопрос о ее признании по примеру Франции и других стран», но «из-за оппозиции США» Турция воздержалась¹³⁵. Дипломатические отношения между Китаем и Турцией были установлены в 1971 г. В июле 1974 г. при первом правительстве Б. Эджевита состоялся первый визит министра иностранных дел Турции в КНР.

В дальнейшем при правительстве С. Демиреля заметных изменений в отношениях с Китаем не произошло.

Второе правительство Б. Эджевита (1978—1979) способствовало некоторой активизации китайско-турецких отношений. Турция исходила при этом из следующих факторов: положение Китая в ООН как члена Совета Безопасности может оказать влияние на кипрскую проблему; международные позиции Китая в Азии, его политика могут повлиять в ту или иную сторону на осуществление стремления Турции установить тесные отношения с азиатскими странами.

В июне 1978 г. состоялся первый визит китайского министра иностранных дел Хуан Хуа в Турцию. Это был важный шаг в политике руководства КНР. Китай предпринял попытку привязать к себе Турцию, предложив ей вооружение в случае, если США не отменят введенное в 1974 г. эмбарго. Хуан Хуа попытался повлиять на Турцию, чтобы нарушить процесс развития отношений между СССР и Турцией. Однако правительственные круги Турции не поддались на провокационные антисоветские выпады Хуан Хуа. Более того, Б. Эджевит заявил, что Советский Союз не угрожает Турции, а министр иностранных дел Г. Окчун указал на роль Советского Союза в поддержании мира во всем мире¹³⁶.

Турецкие руководители отмечали стремление Турции развивать «дружественные отношения с Китайской Народной Республикой», что соответствовало, по их мнению, многоплановому внешнеполитическому курсу правительства Б. Эджевита. Но в отличие от китайской стороны турецкое руководство акцентировало внимание на экономических и научно-технических вопросах, высказало пожелание расширить торговлю с Китаем, заключить соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве¹³⁷.

12 сентября 1978 г. в Анкару прибыла китайская торговая делегация. Во время ее пребывания, по-существу, начала работать смешанная турецко-китайская торговая комиссия, создание которой было предусмотрено торговым договором, подписанным 16 июля 1974 г.¹³⁸. Однако Китай не занимал сколько-нибудь значительного места в политике Турции, в том числе и в торговом обмене.

Результатом послевоенной политики Турции, ее участия в военно-политической системе Запада являлась значительная военная и экономическая зависимость от союзников по НАТО. Турецкая экономика, постоянно перенапрягавшаяся из-за военных расходов, зависевшая от кредитов и займов ее союзников, как правило обусловленных, развивалась непропорционально, а до середины 60-х годов — непланово. Для Турции было характерно тяжелое кризисное состояние экономики, колоссальные внешние долги, большая безработица, обострение социально-экономических и политических противоречий в стране.

Внешние долги на конец 1978 г. составляли 12 млрд. долл.,

Турция была среди самых крупных должников в мире. В 1978 г. ее долги почти в 6 раз превышали поступления от экспорта. Задолженность по кредитам зарубежных государств составила при этом на конец 1978 г. более 7,1 млрд. долл., МБРР — 1,5 млрд., МВФ — 864 млн. долл., Европейского инвестиционного банка — 476 млн. долл. и т. д. В конце 70-х годов Турция набрала много краткосрочных долгов. У нее не было возможностей выплачивать даже эти долги. Между Турцией и ее союзниками шла дискуссия об изыскании возможностей для улучшения ее финансового положения. По турецким подсчетам, чтобы страна могла выйти из такого тяжелого положения и обеспечить финансирование развития экономики, ей в первую половину 80-х годов потребовалось бы 30 млрд. долл., считая и отсрочку долгов¹³⁹.

Однако Турция во внешнеэкономической ориентации сохраняла прежний курс на преимущественное развитие экономического сотрудничества с союзниками по НАТО. Приоритет в определении этой ориентации имели политические интересы. В 1978 г. на первом месте в торговле Турции, как и в предыдущие годы, была ФРГ с 19,1%, далее шли Франция — 7, Италия — 6,8, США — 6,3 и Англия — 4,6%. Социалистические страны традиционно занимали весьма незначительное место в торговле Турции. В 1978 г. на социалистические страны Европы приходилось 10,2%, в том числе на СССР — 2,5%¹⁴⁰.

Несмотря на трудности в торговле с ЕЭС, на постоянный большой дефицит торгового баланса, составивший в 1978 г. 782 млн. долл., т. е. более трети всего дефицита, Турция сохраняла стремление стать полноправным членом ЕЭС¹⁴¹.

Это ее намерение объяснялось традиционным стремлением к европеизации. Поэтому политические мотивы были более важными, нежели экономические. Турция стремилась «занять место в движении интеграции Западной Европы», она поддерживала идеи превращения ЕЭС в политическую и даже в военную организацию.

Буржуазные политические партии Турции, особенно наиболее влиятельные — Партия справедливости и Народно-республиканская партия, продолжали быть сторонниками сохранения сотрудничества с Западом, участия в НАТО, военно-политического союза с США. Они рассматривали НАТО как «важный элемент разрядки», как «оплот демократии» в мире и как гарантию обеспечения безопасности Турции. Лидеры этих партий считали, что Турция занимает важное место в военно-политической системе Запада, в «балансе сил» в мире и поэтому она не может выйти из НАТО, дабы не допустить изменения «баланса сил». Они были сторонниками усиления НАТО.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

¹ Подробнее см.: «Мировая экономика и международные отношения», 1979, № 5, с. 147—157; «Statistical Yearbook, 1975», N. Y., 1976.

² В. И. Ленин. О лозунге Соединенных Штатов Европы.— Полное собрание сочинений. Т. 26, с. 354.

³ Подробнее см.: И. В. Жмуйда. Промышленность Пакистана. М., 1976; С. Н. Камениев. Экономический рост Пакистана. М., 1977; А. З. Арабаджян. Иран.— Развивающаяся Азия (изменения в отраслевой структуре народного хозяйства). М., 1973; Н. М. Мамедова. Кооперация в Иране. М., 1973; Политика и экономика современной Турции. М., 1977.

⁴ Подробнее см.: Ю. В. Ганковский. Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. М., 1967.

⁵ В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Полное собрание сочинений. Т. 27, с. 394.

⁶ См.: С. М. Алиев. Антимонархическая и антиимпериалистическая революция в Иране.— «Народы Азии и Африки». 1979, № 3; В. Я. Белокрыцкий, В. Н. Москаленко. Пакистан 70-х годов: некоторые черты развития.— «Народы Азии и Африки». 1979, № 4; В. И. Данилов. Новый курс Народно-республиканской партии Турции.— «Народы Азии и Африки». 1979, № 4; В. И. Данилов. Новый курс Народно-республиканской партии Турции.— «Народы Азии и Африки». 1979, № 4.

⁷ В. И. Ленин. Карл Маркс.— Полное собрание сочинений. Т. 26, с. 75.

И р а н

¹ А. З. Арабаджян. Иран.— Планы-программы экономического развития стран Азии. М., 1966, с. 196.

² Там же, с. 196, 197.

³ Подробнее см.: А. И. Демин. Сельское хозяйство современного Ирана. М., 1967.

⁴ А. З. Арабаджян. Иран, с. 197.

⁵ Review of the Second Seven Year Plan Program of Iran. Tehran, 1960, с. 4—6.

⁶ А. З. Арабаджян. Иран, с. 218.

⁷ Иран. Очерки новейшей истории. М., 1976, с. 296.

⁸ National Income of Iran 1962—1967. Tehran, 1969, с. 147.

⁹ «Техран экономист». 1962, № 457, с. 37.

¹⁰ Iran Almanac and Book of Facts. Tehran, 1972, с. 319.

¹¹ Наш расчет по данным: National Income of Iran 1962—1967; Гозареш-е экстеседи ва теразнаме-йе сал-е 2535 банк-е маркази-йе Иран, Техран, 2536 (далее — Гозареш-е экстеседи-йе сал-е 2535).

¹² А. З. Арабаджян. Перспективы развития государственного сектора в экономике Ирана.— Иран. М., 1973, с. 8.

- ¹³ Подробнее см.: А. З. Арабаджян. Иран.— Развивающаяся Азия. М., 1973.
- ¹⁴ Наш расчет по данным: National Income of Iran 1962—1967; Гозареш-е экстесади-йе сал-е 2535.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Подробнее об изменении отраслевой структуры иранской экономики в 60—70-х годах см.: А. З. Арабаджян. Иран.— Развивающаяся Азия.
- ¹⁷ А. Рахмани. Малекийат ва бехребардари аз-замин дар Иран. Техран, 1970, с. 167, 170.
- ¹⁸ Натаедж-е саршомари-йе кешаварзи-йе 1351. Техран, 1974, с. 27.
- ¹⁹ А. И. Демин. Современная иранская деревня. М., 1977, с. 146.
- ²⁰ Натаедж-е саршомари-йе кешаварзи-йе 1351, с. 3.
- ²¹ Там же.
- ²² А. И. Демин. Современная иранская деревня, с. 221.
- ²³ Iran Almanac and Book of Facts. Tehran, 1976, с. 350.
- ²⁴ А. И. Демин. Современная иранская деревня, с. 222.
- ²⁵ Наш расчет по: Гозареш-е экстесади ва теразнаме-йе сал-е 2534 банк-е миркази-йе Иран. Техран, 2535.
- ²⁶ Наш расчет по: National Income of Iran 1962—1967; Гозареш-е экстесади-йе сал-е 2535.
- ²⁷ Подсчитано по данным: Экономика развивающихся стран Азии и Африки в цифрах. 1960—1965 гг. М., 1970, с. 270; Гозареш-е экстесади-йе сал-е 2534, с. 148, 158—159, 214; Банк-е маркази-йе, Иран, гозареш-е салане ва теразнаме-йе 1351, с. 149.
- ²⁸ Современный Иран. (Справочник). М., 1975, с. 34—42.
- ²⁹ Е. А. Дорошенко. Шиитское духовенство в современном Иране. М., 1975, с. 7.
- ³⁰ Наш расчет по: Салнаме-йе амари-йе кешвар-е сал-е 2536. Техран, 2536.
- ³¹ «Донья». 1357, № 6—7, с. 30.
- ³² Г. С. Чипашвили. История возникновения и развития сельскохозяйственных кооперативов в Иране и их место в системе аграрных преобразований страны. Тбилиси, 1979, с. 163.
- ³³ Наш расчет по: Натаедж-е саршомари-йе санае-йе бозорг-е кешвар-е 1350. Техран, 1351.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Ш. Бадни. Городские средние слои Ирана. М., 1977, с. 40.
- ³⁶ Там же, с. 42.
- ³⁷ Там же, с. 76.
- ³⁸ Полная эвакуация частей Советской Армии началась 24 марта и была завершена 9 мая 1946 г.
- ³⁹ См.: М. В. Попов. Американский империализм в Иране в годы второй мировой войны. М., 1956.
- ⁴⁰ Иран. Очерки новейшей истории. М., 1976, с. 184—185.
- ⁴¹ Документы по нефти. Тегеран, 1955, с. 255—256 (на перс. яз.).
- ⁴² Иран. Очерки новейшей истории, с. 207.
- ⁴³ Там же, с. 219.
- ⁴⁴ Если в 1972 г. доходы Ирана от экспорта нефти составляли 2,4 млрд. долл., то в 1973 г. они равнялись 5 млрд., а в 1974 г.— 19 млрд. долл.
- ⁴⁵ См. «Растахиз», 5.I.1978.
- ⁴⁶ Amuzegar. Iran, an Economic Profile. N. Y., 1977, с. 255.
- ⁴⁷ O. Agesvik. The Agricultural Development of Iran, N. Y., 1977, с. 101.
- ⁴⁸ «Neue Zurcher Zeitung», 1978, 30—31.VII.
- ⁴⁹ «L'Humanite», 20.VI.1978; «Эттелаат», 8.I.1978.
- ⁵⁰ «Растахиз», 6.I.1978.
- ⁵¹ С. М. Алиев. Антимонархическая и антиимпериалистическая революция в Иране.— «Народы Азии и Африки». 1976, № 3, с. 52.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ В 1928 г. Ирану удалось полностью отменить капитуляционный режим

и превратиться в юридически равноправного субъекта международных отношений. С 1945 г. Иран — член ООН, принимает участие в работе ее органов: ЮНЕСКО, ВОЗ, МОТ и др. В середине 70-х годов Иран поддерживал дипломатические и торговые отношения с более чем 140 государствами мира.

⁶⁴ См.: В. И. Ленин. О лозунге Соединенных Штатов Европы.— Полное собрание сочинений. Т. 26, с. 352.

⁶⁵ См. подробнее Iran under the Pahlavi's. Hoover Institution, 1978, с. 134.

⁶⁶ А. З. Арабаджян. Эволюция концепций и стратегии экономического развития Ирана.— «Народы Азии и Африки». 1978, № 1, с. 28.

⁶⁷ Цит. по: там же, с. 29.

⁶⁸ См. там же, с. 30.

⁶⁹ Подробнее см.: Иран. Очерки новейшей истории. М., 1975.

⁷⁰ Отчет Центрального банка Ирана за 1965 г. [Б. м., б. г.], с. 128 (на перс. яз.); за 1971 г., с. 118—119 (на перс. яз.).

⁷¹ БИКИ, 13.III.1979.

⁷² БИКИ, 15.II.1979.

⁷³ См. Statistical Yearbook 1977, United Nations. N. Y., 1978, с. 761—769.

⁷⁴ Отчет Центрального банка Ирана за 1974 г., с. 153 (на перс. яз.); ... за 1977 г., с. 162—163 (на англ. яз.).

⁷⁵ Валюты стран мира. Справочник. М., 1976, с. 114.

Пакистан

¹ Подробнее см.: В. Г. Растяжников. С. А. Кузьмин. Проблемы экономики Пакистана. М., 1958.

² Подсчитано по: Taufiq M. Khan and Asbjorn Bergan. Measurement of Structural Change in the Pakistan Economy: A Review of the National Income Estimates 1949/50 to 1963/64.— «The Pakistan Development Review», Summer 1966, с. 201.

³ Подробнее см.: И. В. Жмуйда. Промышленность Пакистана (1947—1971). М., 1976.

⁴ С. М. Ахтар. Экономика Пакистана. М., 1957, с. 209.

⁵ Подробнее см.: Л. Б. Аристова. Производственная инфраструктура Пакистана. М., 1978.

⁶ С. М. Ахтар. Экономика Пакистана, с. 268.

⁷ A. Maddison. Economic Progress and Policy in Developing Countries. N. Y., 1970, с. 29.

⁸ Подробнее см.: М. Яковлев. Аграрный Пакистан. М., 1968, с. 38—53.

⁹ Здесь и далее темпы роста отдельных отраслей и темпы экономического роста исчислялись нами на основании статистических данных о размерах и структуре валового внутреннего продукта Пакистана.

¹⁰ Ten Years of Pakistan, 1947—1957. Karachi, 1957, с. 10.

¹¹ 25 Years of Pakistan in Statistics, 1947—1972. Karachi, 1972, с. 85, 86, 92.

¹² The First Five Year Plan, 1955—60 (Draft). Karachi, 1956, с. 225.

¹³ Pakistan 1959—60. Karachi, 1960, с. 69.

¹⁴ Подробнее см.: Г. Г. Федорова. Государственный капитализм и развитие промышленности в Пакистане. М., 1968.

¹⁵ Подробнее см.: В. Я. Белокреницкий. Мелкое производство в экономике Пакистана. М., 1972, с. 104—120.

¹⁶ The First Five Year Plan (1955—60). Karachi, 1958, с. 139.

¹⁷ Подсчитано по: Statistical Yearbook, 1967. N. Y., 1968.

¹⁸ The First Five Year Plan (1955—60), с. 139—140.

¹⁹ Там же.

²⁰ Mahbub ul Haq. The Strategy of Economic Planning. A Case Study of Pakistan. Karachi, 1963, с. 142.

²¹ Подробнее см.: В. Н. Москаленко. Проблемы современного Пакистана. М., 1970.

²² Подробнее о земельной реформе 1959 г. см.: М. Яковлев. Аграрный

Пакистан. М., 1968; с. 41—46; С. И. Тансыкбаева. Крестьянство Пакистана. Таш., 1969, с. 69—76.

²³ Пакистан. Справочник. М., 1977, с. 229.

²⁴ Government and Economic Development. L., 1971, с. 541.

²⁵ Pakistan Economic Survey, 1974—75. Statistics. Islamabad, 1975, с. 16—17.

²⁶ Подробнее см.: В. Н. Москаленко. Проблемы современного Пакистана, с. 61—84.

²⁷ 25 Years of Pakistan in Statistics, 1947—1972, с. 112.

²⁸ Подробнее см.: В. Я. Белокреницкий. Мелкое производство в экономике Пакистана, с. 108—116.

²⁹ S. M. Naseem. A Consistent Series of National Accounts for East and West Pakistan: 1949—50 to 1969—70.—«The Pakistan Development Review». 1975, № 1, с. 43.

³⁰ Третий пятилетний план Республики Пакистан (1965—1970). [Б. м.], 1965, с. 15.

³¹ Там же, с. 22.

³² Подробнее см.: С. Н. Каменев. Экономический рост Пакистана. М., 1977, с. 127—134.

³³ K. Davis. The Population of India and Pakistan. Princeton, 1951, с. 28, 85.

³⁴ Pakistan Economic Survey, 1974—75. Statistics, с. 1.

³⁵ Там же, с. 17.

³⁶ См. М. А. Сидоров. Производительные силы сельского хозяйства Пакистана.—Сдвиги в производительных силах сельского хозяйства стран Южной Азии. М., 1975, с. 271.

³⁷ D. A. Khan, H. A. Chaudhary. Income Impact of the Green Revolution.—«Pakistan Economic and Social Review», Spring 1973, с. 77.

³⁸ Составлено по данным табл. 1 (см. с. 56).

³⁹ В. Б. Рамзес. Социально-экономическая роль сферы услуг в современной Японии. М., 1975, с. 37.

⁴⁰ Подсчитано по: Statistical Yearbook, 1967, с. 653.

⁴¹ Подробнее см.: В. Я. Белокреницкий, М. А. Сидоров. Экономика Пакистана: проблемы и перспективы.—«Народы Азии и Африки». 1973, № 6.

⁴² Пакистан. Справочник, с. 278—279.

⁴³ Economic Research Academy. Prices, Taxation and Agriculture. Karachi, 1969, с. 36.

⁴⁴ W. P. Falcon. The Green Revolution: Generations of Problems.—«American Journal of Agricultural Economics», December 1970, с. 702.

⁴⁵ N. Hamid. The Burden of Capitalist Growth. A Study of Real Wages and Consumption in Pakistan.—«Pakistan Economic and Social Review», Spring 1974, с. 56.

⁴⁶ The Fourth Five Year Plan (1970—75). Islamabad, 1970, с. 13.

⁴⁷ «Pakistan Economist». 1972, № 36.

⁴⁸ Подробнее о реформах правительства З. А. Бхутто см. соответствующие разделы: Пакистан. Справочник.

⁴⁹ Подсчитано по: Pakistan Economic Survey. Statistics, 1976—77. Islamabad, 1977, с. 87.

⁵⁰ Составлено по: Pakistan Economic Survey, 1979—80. Statistical Annexure. Islamabad, 1980, с. 27.

⁵¹ Подсчитано по: Pakistan Economic Survey. Statistics 1974—75, с. 15.

⁵² Составлено по: Pakistan Economic Survey, 1979—80. Statistical Annexure, с. 27.

⁵³ Подробнее об аграрной реформе 1972 г. см.: М. А. Сидоров. Государство и аграрное развитие Пакистана.—Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980, с. 163—169.

⁵⁴ Подробнее о реформах правительства З. А. Бхутто в области промышленности см.: Пакистан. Справочник, с. 280—283.

⁵⁵ «Quarterly Economic Review». L., 1976, № 2.

- ⁵⁶ «Far Eastern Economic Review». Hongkong, 25.VI.1976.
- ⁵⁷ Economic and Social Survey of Asia and the Pacific, 1975. Bangkok, 1976, с. 29.
- ⁵⁸ «Dawn», 3.IX.1977.
- ⁵⁹ «Dawn», 4.IX.1977.
- ⁶⁰ The Fifth Five Year Plan (1978—83). Karachi, 1978, с. 8, 11, 27.
- ⁶¹ С. Ф. Левин. Формирование крупной буржуазии Пакистана. М., 1970, с. 14; G. P. Rana. Pakistan's Development. Harvard, 1967, с. 42.
- ⁶² Пакистан. Проблемы политики и экономики. М., 1978, с. 157.
- ⁶³ L. White. Industrial Concentration and Economic Power in Pakistan. Princeton, 1974, с. 161.
- ⁶⁴ Современная Азия. Справочник. М., 1976, с. 567.
- ⁶⁵ Пакистан. Справочник, с. 231.
- ⁶⁶ Pakistan Economic Survey. 1978—79. Statistics. Islamabad, 1979, с. 41.
- ⁶⁷ Там же, с. 38, 113—114; Современная Азия. Справочник, с. 569.
- ⁶⁸ Пакистан. Справочник, с. 231; Pakistan Economic Survey 1978—79, с. 41.
- ⁶⁹ Пакистан. Справочник, с. 230.
- ⁷⁰ S. Ahmad. Class and Power in a Punjabi Class. N. Y., 1978, с. 10—14; «Pakistan Economic and Social Review». Lahore, 1972, № 1, с. 90—91.
- ⁷¹ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России.— Полное собрание сочинений. Т. 3, с. 110, 161.
- ⁷² «Pakistan Economic and Social Review». 1972, № 1, с. 90.
- ⁷³ К 1951 г. в Пакистан прибыло около 6,5 млн. беженцев-мусульман из Индии (на 1 млн. больше, чем выехало в Индию индусов и сикхов). Большая часть всех беженцев (80,1%) осела в Панджабе, где они составили почти 26% населения. Значительным был также наплыв беженцев в южную часть Синда, главным образом в Карачи. К 1951 г. беженцы составили значительный процент населения крупных городов (Карачи — 55, Лахор — 43, Равалпинди — 37, Мултан — 49, Лаялпур — 69, Саргодха — 64). Переселение мусульман из Индии в Пакистан продолжалось и в последующие годы.
- ⁷⁴ «Dawn», 6.III.1977.
- ⁷⁵ «Dawn», 17.IX.1976.
- ⁷⁶ «Pakistan Economist», 26.II.1977, с. 20—21.
- ⁷⁷ В округах Дера Исмаил-хан и Хазара СЗПП проживающие там пуштунки продолжают и сегодня смотреть на себя как на господ, а на местное земледельческое непуштунокское население — как на своих «хамсая», т. е. вассалов. Связано это с тем, что деды и прадеды этих непуштунов в XVII—XVIII вв. были или покорены (при переселении сюда пуштунов), или добровольно отделились «под защиту» пуштунских завоевателей. Что же касается самих «хамсая», то они нередко выплачивают ренту местным пуштунским помещикам не потому, что те являются собственниками обрабатываемой «хамсая» земли, а потому, что эти помещики одновременно являются ханами и маликами пуштунских племен, которым (племенам) «хамсая» обязаны отдавать «маликана» (долю хозяина) в собранном с этой земли урожае.
- ⁷⁸ Так, в 1977 г. на выборах в Сахивале Сардар Абдул Алим (кандидат от Партии пакистанского народа) представлял «бирадари» арайнов, а Махмуд Ахмад (кандидат Пакистанского национального альянса) — «бирадари» джатов. Тогда же, на выборах в Мултане, кандидат ППН Бабу Ферозуддин опирался на «бирадари» ансари, а его соперник — кандидат ПНА маулана Хамид Али-хан на «бирадари» роктак. Кандидат ППН в округе Гуджарат Зафар Мехди представлял «бирадари» гуджар. Таких примеров много.
- ⁷⁹ Эта проблема подробно изучена Ю. В. Ганковским (см., например: Ю. В. Ганковский, В. Н. Москаленко. Политическое положение в Пакистане. Государственный переворот 1958 г. и военная диктатура. М., 1960, с. 9—12).
- ⁸⁰ См. Ю. В. Ганковский. Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. М., 1967, с. 26—27.
- ⁸¹ См. Ф. А. Тринич. Бангладеш. Экономико-географический очерк. М., 1974, с. 76.

⁸² «Pakistan News Digest», I.IV.1969.

⁸³ См. K. Collard. Pakistan. A Political Study. L., 1957, с. 50.

⁸⁴ Economic Survey. 1966—67. Statistical Section. Rawalpindi, 1967, с. 2—3.

⁸⁵ Подробнее об этом периоде см.: Ю. В. Ганковский, Л. Р. Гордон-Полонская. История Пакистана. М., 1961, с. 327—339.

⁸⁶ Подробнее см.: Ю. В. Ганковский, В. Н. Москаленко. Три конституции Пакистана. М., 1975, с. 56—60.

⁸⁷ Национальное собрание Пакистана состояло из депутатов, избранных в 1970 г. от провинций бывшего Западного Пакистана.

⁸⁸ См. The Constitution of the Islamic Republic of Pakistan. Karachi, 1973, с. 19—23, 34, 41—47.

⁸⁹ Pakistan Year Book. 1978. Karachi—Lahore, 1978, с. 170—172.

⁹⁰ В 1972—1977 гг. был проведен ряд мероприятий (аграрная реформа, национализация банков и страховых компаний, ведущих отраслей тяжелой промышленности), которые вызвали недовольство и опасения определенных кругов имущих классов. В то же время основная масса населения мало что получила от этих мероприятий, не выходящих за рамки буржуазных преобразований, страдала от роста цен и инфляции, увеличивавшейся безработицы, уменьшения реальных доходов (все это явилось результатом не только действия внутренних факторов, но и тех кризисных явлений, которые в данный период переживала мировая капиталистическая система).

⁹¹ «The Pakistan Times». Lahore, 6.VII.1977.

⁹² Руководители ПНА заявили, что альянс поддерживает правительство, поскольку оно «проводит расследования злоупотреблений прежнего режима» и осуществляет меры по установлению в стране «общества ислама». Военные власти ввели традиционные мусульманские меры наказания за некоторые виды уголовных преступлений, объявили о введении мусульманских налогов «закат» и «ушр», создали шариатские суды; Пакистан вновь вернулся к курьальной, т. е. в зависимости от религиозной принадлежности, системе выборов. В области экономической политики отметим денационализацию ряда отраслей промышленности, упор на развитие частного сектора.

⁹³ Несмотря на то что в результате развития капитализма роль и значение буржуазии возрастали, тем не менее она все время делила власть с группами помещиков, связанных с предпринимательской деятельностью.

⁹⁴ См. В. И. Ленин. Разногласия в европейском рабочем движении.— Полное собрание сочинений. Т. 20, с. 67.

⁹⁵ См. Quaid-i-Azam Mahomed Ali Jinnah. Speeches as Governor—General of Pakistan 1947—1948. Karachi, [б. г.], с. 65.

⁹⁶ M. Ayub Khan. Friends not Masters. A Political Autobiography. Lahore—Karachi, 1967, с. 116—121.

⁹⁷ ООН. Генеральная Ассамблея. Десятая специальная сессия. Предварительный отчет о седьмом заседании (29.V.1978). Нью-Йорк, 1978.

⁹⁸ Например, представитель Пакистана выступил с резким осуждением политики ЮАР в отношении Намибии во время дебатов в Совете Безопасности осенью 1977 г. («U. N. Monthly Chronicle», December 1977). Пакистан неизменно поддерживал предложения о применении экономических и иных санкций в отношении расистских режимов ЮАР и Южной Родезии («The Pakistan Times», 6.X.1975, 10.X.1976, 7.X.1977).

⁹⁹ «U. N. Monthly Chronicle», June 1974.

¹⁰⁰ Из этой суммы Иран выделил 580 млн. долл. и арабские нефтедобывающие государства — 316 млн. долл. В том же году консорциум помощи Пакистану ассигновал 690,8 млн. долл. («The Pakistan Times», 9.XII.1975).

¹⁰¹ «The Pakistan Times», I.VI.1979.

¹⁰² M. Ayub Khan. The Pakistan—American Alliance. Stresses and Strains.— «Foreign Affairs», January, 1964.

¹⁰³ «The Pakistan Times», 19.XII.1977.

¹⁰⁴ Это выражение было употреблено М. Айюб-ханом для характеристики тесных отношений Пакистана с США и другими западными государствами (M. Ayub Khan. Friends not Masters..., с. 119).

¹⁰⁵ «The Times», 16.V.1978.

¹⁰⁶ Это проявилось, например, в прекращении американской экономической помощи Пакистану в 1977—1979 гг. в связи с разногласиями по поводу строительства в Пакистане завода по производству обогащенного урана.

¹⁰⁷ Эта точка зрения впервые прозвучала в выступлениях пакистанских государственных деятелей на чрезвычайной сессии Национального собрания, созванной в конце ноября 1962 г.

¹⁰⁸ «Правда», 19.III.1972, 27.X.1974.

Турция

¹ İktisadî rapor. 1979. Ankara, 1979, с. 21.

² Необходимо со всей определенностью подчеркнуть, что понятие «многоукладность» применительно к Турции не означает вне- или межформационного состояния общества, в котором, согласно известному определению, ни один из укладов еще не стал господствующим. В отношении Турции речь идет о многоукладности, характерной для капиталистических стран вообще, но отличающейся от последних большим удельным весом докапиталистических и переходных укладов. «Türkiye Komünist partisi. Program». İstanbul, 1977, с. 6.

³ M. S e n c e r. Türkiye'de siyasal partilerin sosyal temelleri. İstanbul, 1974, с. 10.

⁴ Подробнее об этом см.: Н. Г. Киреев. Социально-экономические основы смешанной экономики Турции.— Политика и экономика современной Турции. М., 1977, с. 134—177.

⁵ «Durum», 1978, № 21, с. 7; Ö. Ö z g ü r. Sanayileşme ve Türkiye. İstanbul, 1976, с. 223.

⁶ Economic Planning and Private Sector in Turkey.— «Journal of the İstanbul Chamber of Commerce». İstanbul, 1973, с. 30.

⁷ «Ürün». 1978, № 49, с. 76.

⁸ См. Y. S e r t e l. Türkiye'de ilerici akımlar ve kalkınma davamız. İstanbul, 1969.

⁹ А. И. Левковский. Социальная структура развивающихся стран. М., 1978, с. 63.

¹⁰ 1976—1977 zirai ve iktisadî durum raporu. Ankara, 1978, с. 75. 79. 347.

¹¹ См. Турецкая Республика. (Справочник). М., 1975, с. 95.

¹² См. Международный ежегодник. Политика и экономика. Вып. 1978 г. М., 1978, с. 259.

¹³ См. İktisadî rapor. 1977. Ankara, 1977, с. 66.

¹⁴ См. İktisadî rapor. 1980. Ankara, 1980, с. 7.

¹⁵ Из советских ученых анализом социальной структуры деревни занимались П. П. Моисеев и А. Д. Новичев, города — Р. П. Корниенко, А. Д. Новичев и Ю. Н. Розалиев, средних слоев вообще — В. И. Данилов. Характеристика социальной структуры Турции в целом впервые дана в публикации «Турецкая Республика. (Справочник)».

¹⁶ Подробнее о социально-экономической природе данного явления см. Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М., 1974, с. 296—312.

¹⁷ Y. S e r t e l. Türkiye'de ilerici akımlar..., с. 18; İktisadî rapor. 1978, Ankara, 1978, с. 55.

¹⁸ По сведениям на первую половину 60-х годов, крупные предприниматели составляли 0,7% самодельного населения и присваивали 24,7% национального дохода (см. «Yönl». 1963, № 59, с. 8).

¹⁹ «Business Week», 7.I.1967.

²⁰ См. «Проблемы мира и социализма». 1965, № 8, с. 72.

²¹ См. Аграрный вопрос и роль крестьянства на современном этапе национально-освободительной революции. Международная теоретическая конференция. Улан-Батор, 1978. Прага, 1978, с. 306—307.

²² Подробнее об этом см. П. П. Моисеев. Аграрный строй современной Турции. М., 1970, с. 87—88.

²³ «Yönl», 12.IX.1962.

- ²⁴ Аграрный вопрос и национально-освободительное движение. М., 1968, с. 182—183.
- ²⁵ См. Türkiye istatistik yıllığı. 1979. Ankara, 1979, с. 190—191.
- ²⁶ Ф. Энгельс к Конраду Шмидту.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 37, с. 416.
- ²⁷ «Ürün». 1978, № 49, с. 78.
- ²⁸ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России.— Полное собрание сочинений. Т. 3, с. 581.
- ²⁹ İktisadî rapor. 1978, с. 54—55.
- ³⁰ Там же, с. 56.
- ³¹ См.: Политика и экономика современной Турции. М., 1977, с. 58.
- ³² С. О. Тütengil. Kırsal Türkiye'nin yapısı ve sorunları. İstanbul, 1975, с. 134.
- ³³ «T. C. Resmî gazete», 27.XI.1972, с. 274; S. Aksoy. Türkiye'de toprak meselesi. Ankara, 1969, с. 111.
- ³⁴ М. Ö. Yazman. Türkiye'nin ekonomik gelişmesi. Ankara, 1973, с. 329—330.
- ³⁵ Подробнее см.: П. П. Монсеев. Аграрный строй современной Турции, с. 209—221.
- ³⁶ См. M. D. Rivkin. Area Development For National Growth. The Turkish Precedent. N. Y., 1965, с. 104.
- ³⁷ Ö. Özgür. Türkiye'de kapitalizm gelişmesi. İstanbul, 1972, с. 129; С. Ö. Tütengil. Kırsal Türkiye'nin yapısı ve sorunları, с. 135.
- ³⁸ К. Маркс. Капитал. Т. 1.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23, с. 781.
- ³⁹ См.: А. И. Левковский. Мелкая буржуазия: облик и судьба класса. М., 1978, с. 107.
- ⁴⁰ Подсчитано по: «T. C. Resmî gazete», 27.XI.1972, с. 272; S. Aksoy. Toprak reformu'nun hukukî esasları. Ankara, 1963, с. 138.
- ⁴¹ Согласно материалам переписи 1960 г., 18,7% сельского населения было занято в низших формах промышленности, главным образом в ручном ткачестве — 7,3% и ковроделии — 4,6% (см. Köyler istatistiği, 1960 anket sonuçları. Ankara, 1963, с. 227).
- ⁴² Там же, с. 55.
- ⁴³ Kalkınma planı. İkinci beş yıl, 1968—1972. Ankara, 1967, с. 543—545.
- ⁴⁴ Подробнее см.: Н. Г. Киреев. Некоторые тенденции развития мелкого производства в обрабатывающей промышленности Турции.— Мелкое производство города в Азии и Африке. М., 1974.
- ⁴⁵ R. Keleş. Türkiye'de şehirleşme, konut ve gecekondu. İstanbul, 1978, с. 187—188.
- ⁴⁶ Нам приходилось наблюдать в Стамбуле и Анкаре лиц, которые в надежде на вознаграждение помогали отыскивать на центральных улицах и площадях места для стоянок машин и выполняли роль добровольных сторожей. Фактически это — разновидность нищенства.
- ⁴⁷ S. Kili. 1960—1975. döneminde Cumhuriyet halk partisinde gelişmeler. İstanbul, 1976, с. 467—470.
- ⁴⁸ E. Teziç. Siyasî partiler. (Partilerin hukukî rejimi ve Türkiye'de partiler. İstanbul, 1976, с. 347—350.
- ⁴⁹ M. Sencer. Türkiye'de siyasal partilerin sosyal temelleri. İstanbul, 1974, с. 111—117; S. Kili, 1960—1975 döneminde Cumhuriyet halk partisinde gelişmeler, с. 58—59.
- ⁵⁰ Подробнее см.: В. И. Данилов. Новый курс Народно-республиканской партии Турции.— «Народы Азии и Африки». 1979, № 4, с. 30—43.
- ⁵¹ Adalet partisi. Program ve tüzük. Ankara, 1969, с. 3.
- ⁵² Там же, с. 6.
- ⁵³ Там же, с. 17.
- ⁵⁴ Там же, с. 20.
- ⁵⁵ Там же, с. 30—32.
- ⁵⁶ Там же, с. 27.
- ⁵⁷ M. Sencer. Türkiye'de siyasal partilerin sosyal temelleri, с. 270.

⁵⁶ См. S. T a n j u. Tepedeki 4 adam. Genel seçim sonuçları ışığında 1969'dan 1981'e Türkiyenin siyasal gelişmesi üzerine bir araştırma. İstanbul, 1978, с. 156—157.

⁵⁹ E. T e z i ç. Siyasi partiler..., с. 338.

⁶⁰ Millî selâmet partisi. Program ve tüzük. Ankara, 1973, с. 3—4.

⁶¹ Там же, с. 15—16.

⁶² Там же, с. 17—18.

⁶³ Там же, с. 8—9, 17.

⁶⁴ Там же, с. 13.

⁶⁵ O. S i l i e r. Seçimler, yeni durum, görevlerimiz.— «Yurt ve dünya». 1977, № 4, с. 15.

⁶⁶ Parti programları, haz. F. Bozbeyli. Milliyetçi hareket partisi programı, 1-ci kitap, 1-c cilt. İstanbul, 1970, с. 187, 211—212, 223—225, 236—238.

⁶⁷ A. T ü r k e ş. Türkiye'nin meseleleri. İstanbul, 1969, с. 24.

⁶⁸ См., например: M. S e n c e r. Türkiye'de siyasal partilerin sosyal temelleri, с. 348, 357.

⁶⁹ S. T a n j u. Tepedeki 4 adam..., с. 39—40.

⁷⁰ В турецком названии «старой» и «новой» Демократических партий есть небольшое различие, которое в русском переводе не отражается.

⁷¹ E. T e z i ç. Siyasi partiler..., с. 344—345.

⁷² M. S e n c e r. Türkiye'de siyasal partilerin sosyal temelleri, с. 377—381.

⁷³ F. B o z b e y l i. Demokratik sağ. İstanbul, 1976, с. 52—53.

⁷⁴ E. T e z i ç. Siyasi partiler..., с. 333—334.

⁷⁵ M. S e n c e r. Türkiye'de siyasal partilerin sosyal temelleri, с. 390—391.

⁷⁶ Там же, с. 306—311, 391.

⁷⁷ Cumhuriyet halk partisi programı. Ankara, 1976, с. 270—279.

⁷⁸ Adalet partisi. Program ve tüzük, с. 36—38.

⁷⁹ В. И. Л е н и н. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам. (Для второго съезда Коммунистического Интернационала).— Полное собрание сочинений. Т. 41, с. 167.

⁸⁰ «Durun». TKP yayın bürosu. I.III.1977, № 4 (186), с. 5.

⁸¹ Türkiye Komünist partisi programı. İstanbul, 1979, с. 9.

⁸² Сотрудничавшая с империализмом прослойка крупной буржуазии Турции в некоторых советских и зарубежных изданиях именуется также «коллаборационистской» и «компрадорской» буржуазией.

⁸³ Türkiye Komünist partisi programı, с. 9.

⁸⁴ Там же, с. 18, 23.

⁸⁵ И. Б и л е н. К ситуации в Турции.— «Проблемы мира и социализма». 1979, № 2 (246), с. 29.

⁸⁶ «Правда», 11.VI.1979.

⁸⁷ Türkiye İşçi-köylü partisi kuruluş bildirisi tüzük ve programı. Ankara, 1978, с. 7.

⁸⁸ И. Б и л е н. К ситуации в Турции, с. 27—28.

⁸⁹ E. T e z i ç. 100 soruda siyasal partiler. (Partilerin hukuki rejimi ve Türkiye'de partiler). İstanbul, [1976], 330.

⁹⁰ «Cumhuriyet», 14.III.1975.

⁹¹ «Kitle», 13.VIII.1974.

⁹² Там же.

⁹³ «Правда», 7.III.1976.

⁹⁴ «Правда», 27.XII.1978.

⁹⁵ «Cumhuriyet», 14.VI.1979.

⁹⁶ «Cumhuriyet», 17.VI.1979.

⁹⁷ Türkiye işçi partisi programı ve tüzüğü. İstanbul, 1975, с. 15.

⁹⁸ «Politika», 9.I.1978.

⁹⁹ «Cumhuriyet», 14.VI.1979.

¹⁰⁰ «Cumhuriyet», 26.IV.1979.

¹⁰¹ «Günaydın», 14.II.1975.

¹⁰² М. В е л л и. Yazılar. 1965—1970. Ankara, 1970, с. 194.

¹⁰³ Там же, с. 107.

¹⁰⁴ Там же, с. 66.

- ¹⁰⁵ «Yeni çağ». 1977, № 3, с. 279.
- ¹⁰⁶ Членом НАТО Турция стала в феврале 1952 г.
- ¹⁰⁷ Турция была одним из основателей созданного в 1955 г. Багдадского пакта, который был переименован в Организацию центрального договора (СЕНТО) в 1959 г. после выхода из него Ирака (см.: Политика США на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1960, с. 31—37).
- ¹⁰⁸ H. T u n ç k a n a t. İkili anlaşmaların içyüzü. Ankara, с. 171—180; United Nations. Treaty series. Vol. 7, 1947, с. 300—304 (далее — UNTS).
- ¹⁰⁹ H. T u n ç k a n a t. İkili anlaşmaların içyüzü, с. 158—168; UNTS. Vol. 327. 1959, с. 293—298.
- ¹¹⁰ «Milliyet», 2.V.1980.
- ¹¹¹ Соглашение об ассоциации Турции с ЕЭС было подписано 12 сентября 1963 г. («Resmî gazete», 17.XI.1963). Вступило в силу 1 декабря 1964 г.
- ¹¹² З. М. К л е п а ц к и й. Западноевропейские организации. М., 1973, с. 37.
- ¹¹³ Там же, с. 19.
- ¹¹⁴ I. S e m. Tarih açısından 12 mart. Cilt 2. Tarihteki yeri ve sonuçları. İstanbul, 1977, с. 16.
- ¹¹⁵ N. E r i m. Bildiğim ve gördüğüm ölçüler içinde Kıbrıs. Ankara, с. 304—309.
- ¹¹⁶ Там же.
- ¹¹⁷ O. S u n d e r. Turkey: the Staunchest Ally of the United States? — Milletlerarasî münasebetler türk yılığı. 1975, vol. 15, с. 20. (далее — ММТУ); Olaylarla türk dış politikası. Cilt 1 (1919—1973). Ankara, 1977, с. 535—539; D. S e z e r. Kamu oyu ve dış politika. Ankara, 1972, с. 330, 377, 414; A. H a l i l. Atatürkçü dış politika ve NATO ve Türkiye. İstanbul, 1968, с. 175—176.
- ¹¹⁸ «Cumhuriyet», 13.XI.1964.
- ¹¹⁹ «International Herald Tribune». May 1977. A special report.
- ¹²⁰ «Известия», 18.IV.1972.
- ¹²¹ Л. И. Б р е ж н е в. О внешней политике КПСС и Советского государства. Речи и статьи. М., 1978, с. 515.
- ¹²² «Правда», 24.VI.1978.
- ¹²³ «Cumhuriyet», 17.V.1979.
- ¹²⁴ N. E r e n. Turkey, NATO and Europe: A Deteriorating Relationship? The Atlantic Institute for International Affairs. P., [6. r.], с. 7; S. O r k u n t. Türkiye—ABD askerî ilişkileri. Milliyet yayınları. [Б. м.]. 1978, с. 37, 243; Almanac. Turkey. [Б. м.]. 1977, с. 79; B. E s e v i t. Dış politika. Ankara, [Б. р.], с. 77—78; I. S e m. Tarih açısından 12 mart. Cilt 2, с. 43.
- ¹²⁵ «Turkish Foreign Policy Report». 1976, № 14, с. 5—10.
- ¹²⁶ «Financial Times», 18.I.1979.
- ¹²⁷ «Cumhuriyet», 18.VI, 6, 7.XII.1978; «Durum», 15.XII.1978.
- ¹²⁸ З. М. К л е п а ц к и й. Западноевропейские организации, с. 99.
- ¹²⁹ «Cumhuriyet», 15.VI.1978.
- ¹³⁰ Турция уже участвовала в Агентстве НАТО по производству ракет «Сайдаундер», в организации НАТО по производству ракет «Бул-пан» и в других совместных мероприятиях. (Б. М. П о ц х в е р н я. Внешняя политика Турции после второй мировой войны. М., 1976, с. 97; O. S i n d e r. Turkey: the Staunchest Ally of the United States? — ММТУ, 1975, vol. 15, с. 179).
- ¹³¹ «Unzere Zeit» (BRD), 11.VI.1980.
- ¹³² «Cumhuriyet», 15.X.1978.
- ¹³³ «International Herald Tribune». May 1977. A special report: «The Times», 28.VIII.1978.
- ¹³⁴ «İktisadî rapor». Ankara, 1979, с. 553.
- ¹³⁵ F. A. V a l i. Bridge Across the Bosphorus. Baltimore — London, 1971, с. 208.
- ¹³⁶ «Cumhuriyet», 14.IV.1978.
- ¹³⁷ «Cumhuriyet», 15.VI.1978.
- ¹³⁸ «Cumhuriyet», 13.VI.1978.
- ¹³⁹ «Savaş yolu», 22.I.1979.
- ¹⁴⁰ «İktisadî rapor». 1979, с. 533, 553, 555.
- ¹⁴¹ Там же.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Ю. В. Ганковский)	3
--	---

ИРАН

Особенности экономического развития (В. П. Цуканов)	7
Социальная структура общества (В. П. Цуканов)	19
Политическое развитие и основные политические партии (С. М. Алиев)	29
Иран в системе международных отношений (С. М. Пазельский)	45

ПАКИСТАН

Особенности экономического развития (С. Н. Каменев)	53
Социальная структура общества (Ю. В. Ганковский, В. Я. Белокре- ницкий)	74
Политическое развитие и основные политические партии (В. Н. Моска- ленко)	94
Пакистан в системе международных отношений (Р. М. Мукиджанова)	109

ТУРЦИЯ

Особенности экономического развития (П. П. Моисеев)	117
Социальная структура общества (П. П. Моисеев)	126
Политическое развитие и основные политические партии (В. И. Дани- лов, Р. П. Корниенко)	140
Турция в системе международных отношений (Б. М. Поцхверия)	163
Примечания	181

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СТРАН СОВРЕМЕННОГО
БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО
ВОСТОКА

(Иран, Пакистан, Турция)

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *М. И. Штемпель*
Младший редактор *Л. В. Яшина*
Художник *А. Г. Кобрин*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Э. С. Теплякова*
Корректор *П. С. Шин*

ИБ № 14156

Сдано в набор 19.05.81. Подписано к печати 05.11.81. А-13022. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 12. Усл. кр.-отт. 12,25. Уч.-изд. л. 13,45. Тираж 3250 экз. Изд. № 4834. Зак. № 265. Цена 1 р. 40 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28